

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Северо-Кавказский регион

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2026**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская — главный редактор, академик РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко — председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов — заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев — доктор философских наук, профессор, действительный член АН ЧР, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
О.А. Алимуратов — доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков — доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов — доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко — доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов — доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова — доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко — доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов — доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая — доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин — доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина — доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников — доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук — доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова — доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский — доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин — доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов — доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко — доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко — ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Academician, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Full Member, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3>

*Регистрационный номер
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издаётся с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (231) 2026 г.*

*Registration number
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and
Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (231) 2026*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Аликов Ю.А.** Технорелигия как социальная фикция сакрального: подмена трансцендентной ориентации алгоритмической вовлечённостью в цифровой среде 4
- Плахотнюк Я.А.** Типы трансформации теоретического знания в практические технологии в измерении постнеклассической научной рациональности 12
- Устименко Д.Л., Денисов Е.А.** Смыслы возвращения в творчестве В.В. Бибихина 25
- Эзри Г.К.** Интерпретация учения о происхождении и сущности человека в патристике и его дальнейшее развитие в российском духовно-академическом теизме XIX века 33

- Alikov Yu.A.** Techno-Religion as a Social Fiction of the Sacred: the Substitution of Transcendent Orientation by Algorithmic Engagement in the Digital Environment 4
- Plakhotnyuk Ya.A.** Types of Transformation of Theoretical Knowledge into Practical Technologies in the Dimension of Post-Non-Classical Scientific Rationality 12
- Ustimenko D.L., Denisov E.A.** The Meanings of Return in the Works of V.V. Bibikhin 25
- Ezri G.K.** The Interpretation of the Doctrine of the Origin and Essence of Human in the Patristics and Its Further Development in Russian Spiritual-Academic Theism of the 19th Century 33

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

- Аганов А.А., Усенко А.Н.** Переселение членов секты «Новый Израиль» из Уругвая в СССР: организация и взаимодействие с властью (по архивным материалам) 44
- Казамбиева П.М.** Интеграция аварского ханства (нуцалства) в Российскую империю и участие в политических процессах на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII — начале XIX века 53
- Луганцев Б.Б.** Изменения территории Руси в IX–XII веках по сведениям иностранных первоисточников 59

- Aganov A.A., Usenko A.N.** The Relocation of Members of the Sect “New Israel” from Uruguay to the USSR: Organization and Interaction with the Authorities (Based on Archival Materials) 44
- Kazambieva P.M.** Integration of the Avar Khanate (Nutsalstvo) into the Russian Empire and Participation in Political Processes in the North-Eastern Caucasus in the Late 18th - Early 19th Centuries 53
- Lugantsev B.B.** The Changes of the Territory of Rus in the 9th-12th Centuries According to Foreign Primary Sources 59

Мининков Н.А., Мязина В.С. Человек бунтующий: донской казак в повседневности массового движения конца XVIII века	74
Огорельцев П.А. Образ России в XVII — начале XX века в современных украинских учебниках	83
Поляков В.Е., Вахидов Э.Б. Экономика Крымского ханства в период правления Шагин-Гирея ...	92
Семашка П.Э. Деятельность Ростовского областного совета народных депутатов (1990–1993 гг.): основные периоды и их характеристика	99
Шадрина А.В. Малые женские монастыри Донского региона начала XX века: основание, деятельность, значение	116
Щербakov В.Ю. «Альтернатива для Германии» — партия антифеминистов?	125

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ

Короленко И.И., Малиявина А.Б., Толоченко О.В. Современные проблемы оценки воинских преступлений в особых условиях боевых действий	130
Кузина С.И., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Противодействие диверсиям в России: исторический анализ и актуальные проблемы	136

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Изыумский А.Б. Происшествие в Зеленковом куте и другие истории (к биографии Ф.К. Миронova)	145

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В.Д. — История Республики Южная Осетия : учебник для общеобразовательных организаций / Р.С. Бзаров (отв. ред.), Ю.С. Гаглойти, Р.Х. Гаглойти, И.Ю. Гагloeва, М.К. Джиоев, К.П. Пухаев. Цхинвал: Глобус, 2024. 328 с.	151
Зорько И.С. — Кислицын С.А., Чуев С.В. Политические лидеры советского Дона. 1917–1991. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2025. 374 с.	158
Мининков Н.А., Чернышев П.С. — Скорик А.П., Шадрина А.В. Казачество и духовенство: нарративы и архетипы донской религиозности и казачьей культуры. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2025. 616 с.	162

Mininkov N.A., Myazina V.S. A Rebellious Man: the Don Cossack in the Everyday Life of the Mass Movement in the Late 18th Century	74
Ogoreltsev P.A. The Image of Russia in the 17th - Early 20th Centuries in Modern Ukrainian Textbooks	83
Polyakov V.Ye., Vakhidov E.B. The Economy of the Crimean Khanate During the Reign of Shahin Giray ...	92
Semashka P.E. The Activity of the Rostov Regional Council of People's Deputies (1990-1993): Main Periods and Their Characteristics	99
Shadrina A.V. Small Women's Monasteries of the Don Region in the Early 20th Century: Foundation, Activity, Significance	116
Shcherbakov V.Yu. "Alternative For Germany" - the Party of Anti-Feminists?	125

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LAW AND LEGISLATION

Korolenko I.I., Malyavina A.B., Tolopchenko O.V. Modern Problems of Assessing Military Crimes in Special Conditions of Combat Operations	130
Kuzina S.I., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Countering Sabotage in Russia: Historical Analysis and Current Issues	136

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Izyumsky A.B. The Incident at Zelenkov Kut and Other Stories (Towards a Biography of F.K. Mironov).....	145

BOOKS REVIEW

Dzidzoev V.D. - Bzarov R.S., Gagloiti Yu.S., Gagloiti R.Kh., Gagloeva I.Yu., Dzhioev M.K., Pukhaev K.P. History of the Republic of South Ossetia. Textbook for General Education Institutions. Tskhinval: Globe; 2024. 328 p.	151
Zorko I.S. - Kislitsyn S.A., Chuev S.V. Political leaders of the Soviet Don. 1917-1991. Rostov-on-Don: Mini Type; 2025. 374 p.	158
Mininkov N.A., Chernyshov P.S. - Skorik A.P., Shadrina A.V. Cossacks and Clergy: Narratives and Archetypes of Don Religiosity and Cossack Culture. Novocherkassk: Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI); 2025. 616 p.	162

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 316.74:2:004

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-4-11>

ТЕХНОРЕЛИГИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ФИКЦИЯ САКРАЛЬНОГО: ПОДМЕНА ТРАНСЦЕНДЕНТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ВОВЛЕЧЁННОСТЬЮ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Юрий Александрович Аликов

Министерство финансов Российской Федерации, Москва, Россия

Urich17.U@yandex.ru

Аннотация. С позиций социальной философии исследуется феномен технорелигии как квазирелигиозной формы сознания, в рамках которой технологические системы получают символический статус сакрального, не подтверждённый религиозной традицией и институциональной преемственностью. Цель работы состоит в выявлении механизмов подмены трансцендентной ориентации алгоритмически управляемой вовлечённостью в цифровой среде. Методологическую основу составляют социально-философский анализ, феноменологический подход к сакральному и интерпретация медиатизации религии. Теоретическая рамка опирается на идеи М. Хайдеггера, Ж. Бодрийяра, Р. Отто, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и С. Хьярварда. Показано, что технорелигия функционирует как социальная фикция: цифровые платформы присваивают себе функции смысловой ориентации, легитимации ценностей и организации символической общности, но не обеспечивают онтологической встречи с Иным. Религиозные инфлюенсеры, виртуальные форматы религиозного участия и GPTheology рассматриваются не как самостоятельные религиозные формы, а как ситуации, в которых проявляется риск технологической прелести. На основе эмпирических данных по США, России и международных опросов становится заметным противоречие между нормативным недоверием к цифровизации сакрального и фактическим использованием платформ в религиозной коммуникации. Делается вывод, что технорелигия не заменяет традиционную религию напрямую, а симулирует её социальные функции в медиатизированной среде. В контексте дисциплинарности анализируются социальные механизмы производства сакрального статуса, символической власти и цифрового посредничества в отношениях доверия. Такой ракурс позволяет показать, почему религиозный материал выступает здесь эмпирической областью социально-философского анализа.

Ключевые слова: технорелигия, социальная фикция, цифровая среда, алгоритмическая вовлечённость, медиатизация, симулякр, платформенная логика, нуминозное, технологическая прелесть, цифровое посредничество

Для цитирования: Аликов Ю.А. Технорелигия как социальная фикция сакрального: подмена трансцендентной ориентации алгоритмической вовлечённостью в цифровой среде // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 4–11. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-4-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TECHNO-RELIGION AS A SOCIAL FICTION OF THE SACRED: THE SUBSTITUTION OF TRANSCENDENT ORIENTATION BY ALGORITHMIC ENGAGEMENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Yury A. Alikov

Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

Urich17.U@yandex.ru

Abstract. From the standpoint of social philosophy, the phenomenon of techno-religion is examined as a quasi-religious form of consciousness in which technological systems acquire a symbolic status of the sacred unsupported by religious tradition or institutional continuity. The aim of the study is to identify the mechanisms by which transcendent orientation is substituted by algorithmically managed engagement in the digital environment. The methodological basis includes socio-philosophical analysis, a phenomenological approach to the sacred, and an interpretation of the mediatization of religion. The theoretical framework draws on the ideas of M. Heidegger, J. Baudrillard, R. Otto, P. Bourdieu, J. Habermas, and S. Hjarvard. It is shown that techno-religion functions as a social fiction: digital platforms appropriate the functions of meaning orientation, value legitimation, and the organization of symbolic community, yet fail to provide an ontological encounter with the Other. Religious influencers, virtual formats of religious participation, and GPTheology are considered not as independent religious forms, but as situations in which the risk of technological prelest (spiritual self-delusion) manifests itself. Based on empirical data from the USA, Russia, and international surveys, a contradiction is revealed between normative distrust of the digitalization of the sacred and the actual use of platforms in religious communication. It is concluded that techno-religion does not directly replace traditional religion, but rather simulates its social functions in a mediatized environment. Within the disciplinary framework, the social mechanisms of producing sacred status, symbolic power, and digital mediation in trust relations are analyzed. This perspective makes it possible to show why religious material serves here as an empirical domain for socio-philosophical analysis.

Keywords: techno-religion, social fiction, digital environment, algorithmic engagement, mediatization, simulacrum, platform logic, numinous, technological prelest (spiritual delusion), digital mediation

For citation: Alikov Yu.A. Techno-Religion as a Social Fiction of the Sacred: the Substitution of Transcendent Orientation by Algorithmic Engagement in the Digital Environment. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):4-11. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-4-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Цифровая эпоха порождает новые формы коммуникации и принципиально новые социальные феномены, маскирующиеся под традиционные институты. Одним из них становится технорелигия, т. е. квазирелигиозное образование, в котором технологические системы присваивают символический капитал сакрального, не обладая необходимыми онтологическими основаниями. Социальная философия в данном случае призвана вскрыть социальный механизм подмены, показывая, каким образом цифровые платформы конструируют иллюзию трансцендентной ориентации и заменяют её алгоритмически управляемой вовлечённостью.

Актуальность постановки вопроса усиливается тем, что трансформация глобального религиозного ландшафта происходит одновременно с повсеместной цифровизацией повседневности. По данным Pew Research Center, доля христиан в мировом населении сократилась с 31 в 2010 г. до 29 % в 2020 г., тогда как доля религиозно неаффилированных выросла с 23 до 24 %. Вместе с тем более ранний прогноз, построенный на иной методологической базе (16 % в 2010 г.), предполагал снижение доли неаффилированных до 13 % к 2050 г.; несопоставимость этих оценок сама по себе указывает на усложнение конфигурации религиозного поля [1, 2]. На этом фоне заметнее становится ещё одно обстоятельство: религиозная ориентация всё чаще опосредуется цифровыми платформами, включая онлайн-трансляции богослужений, рекомендательные механизмы и нейросетевые ответы.

Судя по отечественным исследованиям, проблема цифровизации религии уже получила несколько устойчивых направлений анализа. Так, А.В. Иванов использует различие religion online и online religion и показывает, что цифровая среда выступает не только каналом передачи религиозного содержания, но и самостоятельным пространством религиозной коммуникации [3, с. 378–379]. О.А. Богданова и К.В. Лученко анализируют медиатизацию пастырства и богослужебных практик в православном контексте [4, с. 207–210; 5, с. 39–41], а Е.А. Островская выделяет методологические направления исследования цифрового православия [6, с. 105–107]. Э.А. Нимяев рассматривает религиозные онлайн-ресурсы как пространство сообщества и одновременно как возможный цифровой религиозный суррогат [7, с. 171–172]. Вместе с тем в отечественной литературе слабее разработан именно социально-философский вопрос, при каких

условиях цифровой посредник начинает выполнять функции социально сконструированного сакрального. Задача настоящей статьи состоит в концептуальном описании этой подмены.

Под технорелигией целесообразно понимать форму квазирелигиозного сознания, при которой технологические артефакты и алгоритмические системы наделяются символической властью, позволяющей им выполнять функции легитимации ценностей и формирования смысловых ориентиров. С социально-философской точки зрения это социальная фикция и устойчивая форма ложного сознания (способ символического самоописания), при котором технологически произведённые формы ориентации воспринимаются как самостоятельный источник смысла, хотя фактически остаются производными от социальных отношений, платформенных интересов и алгоритмических процедур. В терминах П. Бурдьё этот эффект можно описать как действие символической власти, опирающейся на признание и легитимацию внутри социального поля [8, с. 148–149]. Современные исследователи связывают данный процесс с цифровизацией, трансгуманистскими обещаниями и новыми формами технологической идолатрии [9, 10] — переноса атрибутов предмета религиозного поклонения на созданный человеком технический артефакт или алгоритмическую систему. Технология перестаёт восприниматься как инструмент и начинает выступать как объект нормативного доверия, квазисакрального почитания и ожидания спасительного решения.

Онтологический критерий различения задаётся через феноменологию религии. Согласно Р. Отто, сакральное представляет собой нуминозное (*mysterium tremendum et fascinans*), т. е. встречу с Иным, пробуждающую священный трепет [11, с. 31–32, 50–51]. Алгоритм может вызывать интерес, повторение и зависимость, однако сам по себе не создаёт опыта священного трепета (*tremendum*): он не выводит субъекта за пределы имманентной цифровой среды. В терминах Ж. Бодрийяра это означает, что симуляция подменяет реальность, а цифровая реакция начинает функционировать как суррогат духовного усилия [12, с. 5–7].

Это различие нельзя сводить к простой оппозиции традиция — техника. В традиционной религиозности источник авторитета связан с откровением, преданием, институциональной и общинной преемственностью. В технорелигиозной логике авторитет возникает иначе — за счёт немедленного отклика, персонализированных рекомендаций, видимых реакций аудитории и ощущения постоянной доступности. Поэтому речь идёт не о новой религии в собственном смысле, а о функциональном замещении отдельных элементов религиозной ориентации.

На уровне духовного опыта такой контраст проявляется ещё яснее. В традиции духовная жизнь мыслится как синергия, т. е. соработничество свободы и благодати; в технорелигии вертикальный диалог замещается горизонтальной реактивностью интерфейса, а евхаристическая община редуцируется до сетевой конвенции аудитории.

Данный сдвиг поддерживается медиалогикой платформ. Согласно теории медиатизации С. Хьярварда, цифровые медиа передают религиозные сообщения и перенастраивают формы религиозной коммуникации, подчиняя их логике видимости, алгоритмической рекомендации и удержания внимания [13, р. 9–12]. Отсюда возникает и феномен религиозных инфлюенсеров, при котором духовный авторитет начинает измеряться не аскетическим опытом и признанием общины, а охватом, частотой реакции и стабильностью цифрового присутствия. Религиозное содержание при этом не исчезает, однако меняются условия его видимости и общественного признания.

В российском церковном контексте это выражается особенно рельефно. В официальных выступлениях 2025 г. патриарх Кирилл последовательно связывает искусственный интеллект (ИИ) с рисками манипуляции, ростом недоверия к информации [14] и даже с возможностью антропологической деградации: в январе он подчёркивает необходимость жёсткого общественного и государственного контроля над ИИ [15], в июне говорит об опасности замещения человеческого общения машинным посредничеством [16], а в декабре указывает на необходимость особой пастырской осторожности в связи с распространением нейросетевых инструментов [17]. Пастырские комментарии развивают ту же линию: нейросетям не следует передавать исповедь, молитву и духовное руководство [18], а их использование в проповеди допустимо лишь как формальный вспомогательный инструмент [19].

При этом сама среда продолжает вытягивать религиозные институты в режим платформенного присутствия. Поэтому речь идёт не о простом противостоянии церкви и технологии, а о внутренне противоречивой адаптации, когда инструментальное использование цифровых средств сочетается с нормативным отказом признавать за ними духовную субъектность.

Не всякое онлайн-присутствие в религиозной сфере следует считать симулякром. Трансляция богослужения или виртуальная экскурсия по храму могут быть вспомогательными формами участия. Проблема начинается там, где создаваемое интерфейсом ощущение близости подменяет собой общинное и духовное присутствие: внешний контур сакрального сохраняется, но его онтологическая опора исчезает [12, с. 5–7].

В подобном контексте важен пример GPTheology. Так, некоторые авторы используют данный термин для описания ситуаций, когда ChatGPT и другие модели воспринимаются как своего рода полубожественные оракулы [20]. Важно, что GPTheology пока не является устоявшимся понятием. Скорее, это рабочее обозначение практики, при которой пользователь обращается к языковой модели за информацией и подтверждением личного выбора или переживания. Выражение «технологическая прелесть» используется нами не как богословско-догматическое утверждение, а как социально-философская аналитическая метафора ситуации, когда человек принимает собственную проекцию за духовный источник. Этот риск возникает именно при подмене. В аскетической традиции прелесть связана с принятием собственных представлений за действие благодати; в цифровой версии человек принимает отклик модели за духовно значимый ответ. Здесь подразумевается не реальная онтологическая встреча, а цифровая имитация, которую пользователь может принять за такую встречу.

Граница проявляется и на уровне массовых установок: общественное мнение в разных странах признаёт практическую полезность ИИ, но настороженно относится к его участию в ценностных, этических и личностных вопросах. Данные United Nations Development Programme (UNDP) и Pew Research Center фиксируют чувствительность к доверию, человеческому контролю и допустимым пределам алгоритмического советования [21, 22].

Зарубежные данные демонстрируют эту двойственность. В США 27 % взрослых регулярно смотрят богослужения онлайн или по телевидению, а 7 % участвуют в онлайн-группах для молитвы или религиозного обучения [23, 24]; при этом христианами себя называют 62 % взрослых, а 29 % не относят себя ни к одной религии [25]. Вместе с тем 73 % американцев считают, что ИИ не должен давать советы о вере в Бога [22]. Российский материал показывает сходное разграничение, но в иной институциональной форме: при высокой православной самоидентификации церковный дискурс допускает инструментальное использование цифровых средств, но отвергает передачу машине молитвы, исповеди и духовного руководства [16, 18, 19, 26].

В обоих случаях цифровой посредник принимается как канал коммуникации, но его духовный авторитет остаётся спорным. Следовательно, проблема заключается не в самом использовании платформ, а в тех случаях, когда технический инструмент начинает претендовать на роль советчика или источника религиозной нормы.

Технорелигиозные формы нельзя описывать как единый для всех обществ глобальный сценарий. Сравнительные данные Pew Research Center показывают, что отношение к алгоритмическим системам зависит от знакомства с технологией, доверия к институтам и представлений о допустимых границах машинного решения [27]. В различных обществах граница между технической помощью и ценностным руководством проводится по-разному.

Опрос UNDP дополняет эту картину: ИИ уже используют около 20 % респондентов, а примерно 2/3 опрошенных в странах с низким и средним уровнем человеческого развития ожидают, что начнут применять его в образовании, здравоохранении и работе в течение ближайшего года [21]. Для анализа религиозной коммуникации это важно, поскольку алгоритмический ответ может выглядеть нейтральным, а значит, и авторитетным, т. е. может быть воспринят как ценностная норма.

Данное противоречие целесообразно рассматривать как симптом колонизации жизненного мира алгоритмическими структурами. В терминологии Ю. Хабермаса речь идёт о расширении системной логики в те области, где прежде действовали символические формы доверия, традиции и межличностной ответственности [28, с. 536–548]. Чем активнее платформы берут

на себя функции утешения, советования и смысловой ориентации, тем заметнее становится риск антропологической редукции человека до профиля, реакции и прогнозируемого паттерна поведения.

В рамках настоящей статьи этот механизм целесообразно описывать через хайдеггеровское понятие «постав». У Г. Андерса акцент иной: он показывает несоразмерность человека собственным техническим продуктам, когда человек создаёт больше, чем способен вообразить, осмыслить и принять как предмет ответственности [29]. Для анализа технорелигии важнее не столько тема устаревания человека перед лицом техники, сколько превращение технической среды в источник символической власти. Понятие «постав» позволяет описать этот сдвиг: мир, человек и духовный запрос переводятся в режим расчёта, доступности и управления [30, с. 230–235].

Под таким углом технорелигия выступает как социальная фикция сакрального. Она не создаёт религию заново и не заменяет религиозный институт напрямую, а присваивает отдельные функции трансцендентной ориентации: утешение, совет, символическую принадлежность, ощущение адресованного ответа. Алгоритмический отклик может восприниматься как встреча с Иным, однако в онтологическом смысле речь идёт лишь о её симуляции.

Для социально-философского анализа важно сохранять границу: техническое посредничество не равно духовному авторитету, а цифровая доступность не равна присутствию. В этой перспективе GPTheology, религиозные инфлюенсеры и виртуальные формы религиозного участия показывают, как платформы входят в область смысловой ориентации. Можно сказать, что критика «поставы» М. Хайдеггера [30, с. 230–235] и феноменология нуминозного Р. Отто [11, с. 31–32] позволяют сформулировать общий критерий различения: сакральное не сводится к управляемому отклику цифрового интерфейса.

Список источников

1. Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A., Fahmy D. How the global religious landscape changed from 2010 to 2020. June 9, 2025. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/how-the-global-religious-landscape-changed-from-2010-to-2020/> (дата обращения: 10.04.2026).
2. The future of world religions: population growth projections, 2010-2050. April 2, 2015. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 10.04.2026).
3. Иванов А.В. Цифровая религия // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–381. EDN: VRIBZM. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>
4. Богданова О.А. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38, № 2. С. 207–234. EDN: TDWVOK. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>
5. Лученко К.В. Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 1. С. 39–57. EDN: TDWVOK. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57>
6. Островская Е.А. Ритуалы в дискурсах цифрового православия: методология и направления исследования // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 105–120. EDN: KCRIOP. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-105-120>
7. Нимяев Э.А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183. EDN: XEEVFS. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_171
8. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
9. Latzer M. Digitalization, AI and the Rise of Techno-Religion: Transhumanist Promises and the Challenge to Enlightenment // Telecommunications Policy. 2026. Vol. 50, № 2. Art. 103115. EDN: XFSSRB. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2025.103115>
10. Tirosh-Samuelson H. The Paradoxes of Transhumanism: Technological Spirituality or Techno-Idolatry? // Theologische Literaturzeitung. 2021. Vol. 146, № 3. P. 123–146.
11. Отто Р. Священное. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 272 с.

12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О.А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
13. Hjarvard S. The Mediatization of Religion: A theory of the media as agents of religious change // *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*. 2008. Vol. 6, № 1. P. 9–26. <https://doi.org/10.1386/nl.6.1.9/1>
14. Святейший патриарх Кирилл: Один из главных вызовов современного информационного пространства — растущее недоверие аудитории. 16 октября 2025 г. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/117779> (дата обращения: 10.04.2026).
15. Доклад Святейшего патриарха Кирилла на XIII Рождественских парламентских встречах. 30 января 2025 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6195088.html> (дата обращения: 10.04.2026).
16. Святейший патриарх Кирилл возглавил очередное заседание Высшего церковного совета. 25 июня 2025 г. URL: <https://patriarchia.ru/article/116268> (дата обращения: 10.04.2026).
17. Доклад Святейшего патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы. 16 декабря 2025 г. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/118805> (дата обращения: 10.04.2026).
18. Цифровой суд: священник Бобров рассказал, какие тайны лучше не доверять ИИ // *Life.ru*. 10 октября 2025 г. URL: <https://life.ru/p/1797526> (дата обращения: 10.04.2026).
19. Никитина Е. Без души: священник рассказал, как нейросети помогают в написании проповеди // *Нац. служба новостей*. 2 октября 2025 г. URL: <https://nsn.fm/society/bez-dushi-svyaschennik-rasskazal-kak-neiroseti-pomogaut-v-napisanii-propovedi> (дата обращения: 10.04.2026).
20. Cheres I., Groza A., Moldovan I., O'Hara M., Vaughan C. Prompts and Prayers: the Rise of GPTheology // *arXiv*. 2026. URL: <https://arxiv.org/abs/2603.10019> (дата обращения: 10.04.2026).
21. 2025 Global Survey on AI and Human Development. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/2025-global-survey-ai-and-human-development> (дата обращения: 10.04.2026).
22. Kennedy B., Yam E., Kikuchi E., Pula I., Fuentes J. How Americans view AI and its impact on people and society. September 17, 2025. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2025/09/17/how-americans-view-ai-and-its-impact-on-people-and-society/> (дата обращения: 10.04.2026).
23. Americans' experiences with virtual religious services. June 2, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/06/02/americans-experiences-with-virtual-religious-services/> (дата обращения: 10.04.2026).
24. Use of apps and websites in religious life. June 2, 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/06/02/use-of-apps-and-websites-in-religious-life/> (дата обращения: 10.04.2026).
25. Religious landscape study, 2023-2024. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/religious-landscape-study/> (дата обращения: 10.04.2026).
26. Богомазова Л. Религия и общество: мониторинг. 9 июня 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring-09062025> (дата обращения: 10.04.2026).
27. Poushter J., Fagan M., Corichi M. How people around the world view AI. October 15, 2025. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2025/10/15/how-people-around-the-world-view-ai/> (дата обращения: 10.04.2026).
28. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия : в 2 т. / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2016. Т. 2. 880 с.
29. Anders G. Die Antiquiertheit des Menschen. Bd. I: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2023. 353 S.
30. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: статьи и выступления* : пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

References

1. Hackett C., Stonawski M., Tong Y., Kramer S., Shi A., Fahmy D. *How the global religious landscape changed from 2010 to 2020*. 9th June 2025. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/how-the-global-religious-landscape-changed-from-2010-to-2020/> [Accessed 10th April 2026].
2. *The future of world religions: population growth projections, 2010-2050*. 2nd April 2015. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> [Accessed 10th April 2026].

3. Ivanov A.V. Digital religion. *Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2018;18(4):377-381. (In Russ.). EDN: VRIBZM. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381>
4. Bogdanova O.A. Mediatization of pastorship in the Russian Orthodox Church: prerequisites for the formation of websites with questions to a priest. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* 2020;38(2):207-234. (In Russ.). EDN: TDWVOK. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>
5. Luchenko K.V. Digitalization of liturgical practices during the coronavirus pandemic in the context of mediatization of orthodoxy. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* 2021;39(1):39-57. (In Russ.). EDN: TDWVOK. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57>
6. Ostrovskaya E.A. Rituals in the discourses of digital orthodoxy: methodology and research directions. *Concept: Philosophy, Religion, Culture.* 2020;4(1):105-120. (In Russ.). EDN: KCRIOP. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-105-120>
7. Nimyaev E.A. The place of religion in the system of digital communications: “space for community” and digital religious surrogate. *Bulletin of Pushkin Leningrad State University.* 2023;(3):171-183. (In Russ.). EDN: XEEVFS. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_171
8. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Thesis.* 1993;(2):137-150. (In Russ.).
9. Latzer M. Digitalization, AI and the rise of techno-religion: transhumanist promises and the challenge to enlightenment. *Telecommunications Policy.* 2026;50(2):103115. EDN: XFSSRB. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2025.103115>
10. Tirosh-Samuelson H. The paradoxes of transhumanism: technological spirituality or techno-idolatry? *Theologische Literaturzeitung.* 2021;146(3):123-146.
11. Otto R. *The sacred.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2008. 272 p. (In Russ.).
12. Baudrillard J. Simulacra and simulation. Transl. from French by O.A. Pechenkina. Tula: Tula Printing Specialist; 2013. 204 p. (In Russ.).
13. Hjarvard S. The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change. *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook.* 2008;6(1):9-26. <https://doi.org/10.1386/nl.6.1.9/1>
14. *His Holiness Patriarch Kirill: One of the main challenges of the modern information space - growing audience distrust.* 16th October 2025. Available from: <https://www.patriarchia.ru/article/117779> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
15. *Report of His Holiness Patriarch Kirill at the 13th Christmas Parliamentary Meetings.* 30th January 2025. Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6195088.html> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
16. *His Holiness Patriarch Kirill chaired the next meeting of the Supreme Church Council.* 25th June 2025. Available from: <https://patriarchia.ru/article/116268> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
17. *Report of His Holiness Patriarch Kirill at the Diocesan Assembly of Moscow.* 16th December 2025. Available from: <https://www.patriarchia.ru/article/118805> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
18. Digital court: priest Bobrov told which secrets are better not to entrust to AI. *Life.ru.* 10th October 2025. Available from: <https://life.ru/p/1797526> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
19. Nikitina E. Without a soul: priest told how neural networks help in writing sermons. *National News Service.* 2nd October 2025. Available from: <https://nsn.fm/society/bez-dushi-svyaschennik-rasskazal-kak-neiroseti-pomogaut-v-napisanii-propovedi> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).
20. Cheres I., Groza A., Moldovan I., O'Hara M., Vaughan C. Prompts and prayers: the rise of GPTheology. *arXiv.* 2026. Available from: <https://arxiv.org/abs/2603.10019> [Accessed 10th April 2026].
21. *2025 Global Survey on AI and Human Development.* Available from: <https://hdr.undp.org/data-center/2025-global-survey-ai-and-human-development> [Accessed 10th April 2026].
22. Kennedy B., Yam E., Kikuchi E., Pula I., Fuentes J. *How Americans view AI and its impact on people and society.* 17th September 2025. Available from: <https://www.pewresearch.org/science/2025/09/17/how-americans-view-ai-and-its-impact-on-people-and-society/> [Accessed 10th April 2026].
23. *Americans' experiences with virtual religious services.* 2nd June 2023. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/06/02/americans-experiences-with-virtual-religious-services/> [Accessed 10th April 2026].
24. *Use of apps and websites in religious life.* 2nd June 2023. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/06/02/use-of-apps-and-websites-in-religious-life/> [Accessed 10th April 2026].

25. *Religious landscape study, 2023-2024*. Available from: <https://www.pewresearch.org/religion/2025/02/26/religious-landscape-study/> [Accessed 10th April 2026].

26. Bogomazova L. *Religion and society: monitoring*. 9th June 2025. Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025> [Accessed 10th April 2026]. (In Russ.).

27. Poushter J., Fagan M., Corichi M. *How people around the world view AI*. 15th October 2025. Available from: <https://www.pewresearch.org/global/2025/10/15/how-people-around-the-world-view-ai/> [Accessed 10th April 2026].

28. Habermas J. *Theory of communicative action*. In 2 vols. Transl. from German by A.K. Sudakov. Moscow: Whole World; 2016, vol. 2. 880 p. (In Russ.).

29. Anders G. *The outdatedness of human beings. Vol. I: On the soul in the age of the Second Industrial Revolution*. 5th ed. Munich: C.H. Beck; 2023. 353 p. (In German).

30. Heidegger M. The question concerning technology. *Time and Being. Articles and speeches*. Moscow: Republic; 1993:221-238. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Аликов — магистр, ведущий консультант отдела по контролю департамента управления делами и контроля Минфина России.

Information about the author

Yu.A. Alikov — Master, Leading Consultant of the Control Division, Department of Administration and Control, Ministry of Finance of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 165.1

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-12-24>

ТИПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПРАКТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗМЕРЕНИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Ярослав Андреевич Плахотнюк

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

plahotnyuk@sfedu.ru

Аннотация. Рассматривается проблема трансформации теоретического знания в практические технологии в контексте постнеклассической научной рациональности. Демонстрируется, что технологизация знания не сводится к его инструментальному применению, а представляет собой смену эпистемического режима, при которой изменяются формы обоснования, критерии валидности, способы воспроизводства и распределение эпистемической ответственности. Теоретическая модель исследования строится на совмещении концепции типов научной рациональности В.С. Степина и подходов социальной эпистемологии И.Т. Касавина. Различаются теоретическое, инженерное и технологическое знание, а также выделяются два типа трансформации: предельный, связанный с закрытием эпистемического пространства, и рефлексивно-нормативный, сохраняющий возможность критической коррекции. На материале советского марксизма и образовательных технологий проектного и компетентностно ориентированного обучения показывается, что технологизация может вести как к утрате рефлексивности, так и к формированию процедурно устойчивых, но открытых для пересмотра практик. Сделан вывод о необходимости поддержания институциональных механизмов рефлексивной открытости как условия сохранения научного статуса знания.

Ключевые слова: теоретическое знание, технологизация знания, постнеклассическая рациональность, социальная эпистемология, практические технологии, эпистемическая ответственность

Для цитирования: Плахотнюк Я.А. Типы трансформации теоретического знания в практические технологии в измерении постнеклассической научной рациональности // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 12–24. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-12-24>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

TYPES OF TRANSFORMATION OF THEORETICAL KNOWLEDGE INTO PRACTICAL TECHNOLOGIES IN THE DIMENSION OF POST-NON-CLASSICAL SCIENTIFIC RATIONALITY

Yaroslav A. Plakhotnyuk

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

plahotnyuk@sfedu.ru

Abstract. The article examines the transformation of theoretical knowledge into practical technologies in the context of post-non-classical scientific rationality. It argues that the technologization of knowledge cannot be reduced to its instrumental application; rather, it constitutes a shift of epistemic regime in which forms of justification, criteria of validity, modes of reproduction and the distribution of epistemic responsibility are transformed. The proposed theoretical model combines V.S. Stepin's concept of types of scientific rationality with I.T. Kasavin's social epistemology. The article distinguishes theoretical, engineering and technological knowledge and identifies two forms of transformation: a limit form associated with the closure of epistemic space and a reflexive-normative form that preserves the possibility of critical correction. Using Soviet Marxism and educational technologies of project-based and competence-oriented learning as examples, the article demonstrates that technologization may lead either to a loss of reflexivity or to the formation of procedurally

stable practices open to revision. The conclusion emphasizes the need to maintain institutional mechanisms of reflexive openness as a condition for preserving the scientific status of knowledge.

Keywords: theoretical knowledge, technologization of knowledge, post-non-classical rationality, social epistemology, practical technologies, epistemic responsibility

For citation: Plakhotnyuk Ya.A. Types of Transformation of Theoretical Knowledge into Practical Technologies in the Dimension of Post-Non-Classical Scientific Rationality. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):12-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-12-24>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Проблема трансформации теоретического знания в практические технологии традиционно рассматривалась в философии науки в рамках инструменталистской парадигмы, где теория выступает как система объяснительных и прогностических средств, элементы которой представляют собой предназначение к последующему применению. Однако в условиях постнеклассической научной рациональности подобная интерпретация оказывается недостаточной. Теоретическое знание все чаще применяется в практике, встраиваясь в нее и изменяя собственный эпистемический статус, формы своего существования и критерии валидности [1, с. 43–51].

Нами выдвигается тезис — технологизация знания не является линейным переходом от теории к практике. Напротив, это смена эпистемических режимов, различающихся по степени рефлексивной открытости, характеру верификации и способам распределения эпистемической ответственности. При таком переходе знание утрачивает статус преимущественно категориальной структуры, ориентированной на объяснение и обоснование, и приобретает форму операционально организованных процедур, алгоритмов, стандартов и институционально закрепленных регулятивов. Данная трансформация особенно отчетливо проявляется в социально-гуманитарных науках, где объект познания включает самого субъекта и его практики. Здесь технологизация знания неизбежно связана с изменением форм социальной регуляции, перераспределением эпистемического авторитета и риском утраты критического потенциала. В предельных случаях знание может переходить в режим нормативно закрепленной социальной технологии, в которой эмпирическая реальность интерпретируется не как основание для пересмотра теории, а как пространство ее реализации [2, с. 52–61].

В других конфигурациях, напротив, сохраняются механизмы рефлексивной коррекции, обеспечивающие двустороннюю связь теории и практики. Именно поэтому принципиально важно различать закрытые и открытые формы технологизации знания. В первом случае теория превращается в нормативно закрепленную социальную технологию, во втором сохраняет возможность самокоррекции через практику, профессиональную дискуссию и институционально оформленную рефлексивность.

Цель настоящего исследования заключается в эпистемологической реконструкции типов трансформации теоретического знания в практические технологии и выявлении условий сохранения его критического и рефлексивного потенциала. Для достижения этой цели предлагается теоретическая модель, построенная путем интеграции концепции типов научной рациональности В.С. Степина (в качестве парадигмальной базы) и социальной эпистемологии И.Т. Касавина. В работе выделяются два устойчивых вида трансформации: предельный тип, характеризующийся закрытием эпистемического пространства и утратой рефлексивности, а также рефлексивно-нормативный тип, сохраняющий баланс между стандартизацией и критической открытостью. Их анализ позволяет уточнить характер технологизации знания, условия, при которых сохраняется его научный статус, особенно в контексте постнеклассической рациональности

Теоретическое знание, рациональность и технология в концепции В.С. Степина

В исследованиях по философии науки В.С. Степина проблема соотношения теоретического знания и практики получает интерпретацию, принципиально отличную от инструменталистских моделей. В последних теория рассматривается как совокупность средств объяснения и предсказания, применяемых к внешней по отношению к ней практике. Однако такой подход

оказывается недостаточным для анализа современной науки, поскольку не фиксирует то, что практика структурирует формы существования знания. Исходным тезисом данного раздела является утверждение, что в концепции В.С. Степина содержится основание для более радикальной интерпретации: технологизация знания должна пониматься не как его применение, а как переход между различными эпистемическими режимами, при которых изменяются функции знания, критерии его валидности, формы обоснования и способы воспроизводства [1, с. 169–175]. Подобная тактика позволяет выйти за пределы дихотомии теория — практика и рассматривать их как взаимопроникающие компоненты научной рациональности.

Согласно В.С. Степину, теоретическое знание формируется не изолированно, а в рамках определенных типов научной рациональности, задающих способы постановки проблем, допустимые методы и горизонты интерпретации [1, с. 636–645]. Это означает, что знание изначально обладает когнитивной, нормативной и аксиологической структурой. В таком контексте практика перестает быть внешней областью применения и выступает как структурный элемент, определяющий условия возможности наличия знания.

Ключевым элементом концепции В.С. Степина является идея исторической смены типов научной рациональности: классической, неклассической и постнеклассической [1, с. 636–645]. Однако принципиально важно интерпретировать эту смену как трансформацию не только объектов и методов науки, но и эпистемических режимов, определяющих соотношение дискурсивности, операциональности и рефлексивности знания. В рамках классической рациональности теоретическое знание ориентировано на выявление универсальных законов, практика выступает как внешняя сфера их применения. В неклассической рациональности происходит смещение внимания к средствам познания, условиям наблюдения и активности субъекта, что приводит к признанию зависимости знания от процедур и инструментов его получения [3, с. 96–116; 4, с. 16–23]. Радикальный сдвиг зафиксирован в постнеклассической рациональности, где объектом познания становятся саморазвивающиеся системы, включающие человека и его деятельность, а ценностно-целевые структуры интегрируются в ткань знания [5, с. 87–94] (табл. 1).

В таком режиме знание перестает быть исключительно дискурсивной конструкцией и начинает функционировать как элемент организации практики. Именно здесь возникает возможность его системной технологизации. С эпистемологической точки зрения это означает переход от знания как системы аргументов к знанию как системе операций. Технология в данном контексте представляет собой особую форму существования знания, в которой когнитивные, нормативные и процедурные компоненты образуют неразрывное единство [6, с. 47–56].

Таблица 1

Технологизация знания в логике смены типов научной рациональности / Technologization of knowledge in the logic of changing types of scientific rationality

Рациональность	Статус практики	Статус знания	Риск технологизации
Классическая	Внешняя область применения теории	Дискурсивно-объяснительная система, ориентированная на универсальные законы	Редукция технологии к инструментальному приложению знания
Неклассическая	Условие получения и проверки знания	Знание зависит от средств, процедур и активности субъекта	Недостаточная рефлексия влияния процедур на результат
Постнеклассическая	Внутренний элемент саморазвивающейся системы	Знание включает ценности, цели, нормы и способы действия	Риск превращения знания в операционально замкнутую систему управления

Принципиально важно то, что подобный переход сопровождается изменением критериев валидности знания. Если в теоретическом режиме приоритет принадлежит истинности и обоснованности, то в технологическом режиме возрастает значение эффективности, надежности, воспроизводимости и управляемости, что не означает исчезновения истины как категории, но ука-

зывает на ее включение в более сложную систему операциональных требований [7, р. 242–250]. Для описания такого перехода целесообразно выделить ряд механизмов технологизации: теоретизацию, конкретизацию, операционализацию, институционализацию и рефлексивную проверку (табл. 2). Они обеспечивают практическую воспроизводимость знания, но в предельных случаях могут приводить к сжатию его категориального содержания до набора процедур, функционирующих по принципу «черного ящика» [8, с. 23–44; 9, с. 55–63].

Таблица 2

Общая логика технологизации знания / General logic of knowledge technologization

Этап	Содержание перехода	Эпистемологический эффект
Теоретизация	Построение объяснительных моделей, категорий и концептуальных схем	Формирование дискурсивной структуры знания
Конкретизация	Адаптация теоретических моделей к задачам, условиям и ограничениям практики	Возникновение инженерного режима знания
Операционализация	Перевод знания в процедуры, стандарты, алгоритмы и регламенты	Переход к технологическому режиму знания
Институционализация	Закрепление процедур в организациях, образовательных системах, платформах и управленческих практиках	Стабилизация знания как инфраструктуры действия
Рефлексивная проверка либо закрытие	Сохранение или утрата возможности критики и пересмотра оснований	Различение открытых и закрытых типов технологизации

Теоретическое, инженерное и технологическое знание

Для большей системности анализ трансформации знания должен начинаться с различения теоретического, инженерного и технологического уровней. В противном случае возникает риск смешения формы знания, ориентированной на объяснение, с формами знания, направленными на проектирование, реализацию и воспроизводимое действие [10, с. 21–31]. Теоретическое знание — форма познания, нацеленная на определение универсальных закономерностей и структурных принципов, лежащих в основе наблюдаемых явлений. Оно стремится к описанию отдельных фактов, их систематизации, формированию целостных концептуальных моделей, позволяющих объяснять явления в рамках логико-теоретического пространства науки. К числу ключевых аспектов теоретического знания относится способность создавать абстрактные объекты: идеализированные модели, гипотезы, аксиоматические системы и формальные конструкции [11, с. 36–44].

Именно на основании разрыва между теоретическим знанием и практикой возникает инженерное знание как особая форма когнитивной деятельности. В отличие от чисто теоретического исследования инженерное знание направлено на конкретизацию и операционализацию теоретических результатов, превращение абстрактных моделей и принципов в проектные решения, пригодные для реализации в реальных условиях. Оно учитывает ограничения среды, доступные ресурсы, временные рамки, риски и контекстуальные параметры [4, с. 92–101].

Следующим уровнем трансформации выступает технологическое знание. Если инженерное знание носит во многом проектный и ситуационный характер, то технологическое знание фиксирует устойчивые и воспроизводимые способы достижения практического результата. Оно стремится к стандартизации, алгоритмизации, регламентации и тиражируемости. Его задачей становится обеспечение повторяемого результата вне зависимости от конкретного исполнителя

[7, р. 220–228]. При этом изменяется и статус истины. В теоретическом знании истинность определяется прежде всего соответствием фактам, логической согласованностью и объяснительной силой модели, а в инженерном и технологическом знании добавляются критерии эффективности, надежности, воспроизводимости и функциональности. Знание становится многоаспектным и прикладным по своей природе, объединяя когнитивные, процедурные и нормативные элементы (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение теоретического, инженерного и технологического знания / Comparison of theoretical, engineering and technological knowledge

Параметр	Теоретическое знание	Инженерное знание	Технологическое знание
Основная ориентация	Объяснение, понимание, выявление закономерностей	Проектирование решения под задачу	Стандартизированное достижение результата
Форма существования	Понятия, модели, гипотезы, теории	Проекты, схемы, расчеты, методики выбора	Регламенты, протоколы, алгоритмы, технологические карты
Критерии валидности	Истинность, обоснованность, объяснительная сила	Реализуемость, адаптивность, эффективность решения	Воспроизводимость, надежность, управляемость, масштабируемость
Отношение к практике	Дистанция и рефлексивное описание	Конкретизация и адаптация к условиям задачи	Встроенность в практическое действие
Риск редукции	Отрыв от условий реализации	Потеря объяснительной глубины ради решения	Закрывание оснований в процедурах и стандартах
Эпистемологическая функция	Формирует горизонт понимания	Связывает теорию и действие	Стабилизирует и тиражирует практику

В условиях современной техногенной цивилизации такая трансформация приобретает системный характер. Инженерное и технологическое знание интегрируют научные, социальные, экономические и нормативные компоненты, формируя сложные социотехнические системы, в которых границы между наукой и практикой оказываются размытыми [1, с. 169–175]. Иначе говоря, трансформация теоретического знания в практические технологии представляет собой многоуровневую эпистемическую динамику, включающую перевод абстрактных моделей в проектные решения, их последующую стандартизацию и внедрение в социотехнические контексты. Однако любой ее процесс осуществляется в определенном социокультурном континуме. Именно это делает необходимым обращение к социальной эпистемологии.

Эпистемологическое осмысление.

Перспектива социальной эпистемологии И.Т. Касавина

Если концепция В.С. Степина позволяет зафиксировать историческую динамику научной рациональности, то социальная эпистемология в исследованиях И.Т. Касавина помогает определить инструменты для анализа внутренних механизмов функционирования знания как социально организованной практики. Важным становится тезис, что технологизация знания должна пониматься не только как когнитивная или методологическая трансформация, но прежде всего как перестройка эпистемических практик и режимов легитимации знания. В отличие от классических эпистемологических моделей, ориентированных на индивидуального субъекта познания, социальная эпистемология рассматривает знание как результат коллективной деятельности, структурированной институциональными, коммуникативными и нормативными условиями [1, с. 169–175]. Это означает, что знание существует в форме не только абстрактных истин, но и

устойчивых эпистемических практик, включающих процедуры аргументации, проверки, трансляции, признания и применения.

Технологизация знания — переход от дискурсивно организованных эпистемических практик к операционально стабилизированным, в которых знание перестает быть предметом постоянной аргументации и становится условием координации действия. Иначе говоря, происходит смена эпистемического режима — от знания как объекта обсуждения к знанию как инфраструктуре практики. Ключевым следствием данного перехода является трансформация механизмов легитимации знания. В дискурсивном режиме легитимность обеспечивается через аргументацию, критику и интересубъективную проверку. В технологическом режиме она все в большей степени опирается на институциональные гарантии, стандарты и процедуры, обеспечивающие воспроизводимость результатов вне контекста постоянного теоретического обсуждения [1, с. 169–175]. Это указывает на смещение рациональности — от аргументативной к процедурной. Именно здесь возникает проблема структурной эпистемической непрозрачности (табл. 4). В отличие от традиционного понимания непрозрачности как следствия сложности знания в данном случае речь идет о системном эффекте, приводящем к тому, что знание остается функционально эффективным, но утрачивает доступность для полной рефлексивной реконструкции. Основания решений оказываются распределенными между множеством агентов, институтов, процедур и технических систем.

Таблица 4

Формы эпистемической непрозрачности в технологизированных практиках / Forms of epistemic opacity in technologized practices

Форма непрозрачности	Источник	Механизм легитимации	Основной риск
Институциональная	Статус организации, экспертного сообщества или управленческого центра	Авторитет, регламент, профессиональный стандарт	Подмена аргументации ссылкой на статус
Нормативная	Закрепление ценностей и целей как самоочевидных	Правила, законы, идеологические или образовательные предписания	Запрет на проблематизацию оснований
Техническая и процедурная	Сложность процедур, закрытость методик и ограниченный доступ к основаниям решения	Доверие к инфраструктуре, методикам и результативности	Размывание ответственности и невозможность реконструкции решения
Смешанная	Совпадение институциональных, нормативных и технических факторов	Комплекс стандартов, платформ и экспертных процедур	Формирование устойчивого «черного ящика» социальной практики

Социальная эпистемология позволяет также уточнить взаимосвязь знания и власти в процессе его технологизации. Поскольку знание встроено в институциональные структуры, его легитимация неизбежно связана с распределением эпистемического авторитета [1, с. 169–175]. В технологизированных режимах авторитет смещается от аргументации к позиции в системе (стандарты, регламенты, экспертные процедуры или алгоритмы и пр.). Совмещение подхода социальной эпистемологии с концепцией типов научной рациональности позволяет интерпретировать технологизацию знания как многомерный процесс, включающий когнитивное, нормативное и институциональное измерения [12, с. 282–291]. В этой перспективе можно рассматривать разные формы технологизации как эпистемические режимы, различающиеся по степени рефлексивной открытости, типу легитимации и характеру распределения ответственности.

Типы трансформации теоретического знания в практические технологии

Переход от общетеоретического анализа технологизации знания к рассмотрению ее конкретных типов требует специального методологического уточнения. В дальнейшем речь идет

не о простом наборе примеров, а о двух предельных конфигурациях одного процесса. Первая показывает ситуацию, в которой теоретическое знание утрачивает проблемный характер и закрепляется как социальная технология. Вторая демонстрирует иной вариант, при котором операционализация и институциональное оформление знания не уничтожают его рефлексивного потенциала. Такое различие позволяет удержать главную линию исследования и показать, что технологизация знания может вести как к закрытию, так и к сохранению пространства критической коррекции.

1. *Предельный тип трансформации (советский марксизм как социальная технология).* Данный вид технологизации наилучшим образом иллюстрируется на примере советского марксизма. Марксистская теория в процессе институционализации трансформируется из открытой критической системы в операционально замкнутую социальную технологию, обеспечивающую воспроизводство и управление социальной практикой. Речь идет не о марксизме как философской и социально-критической традиции в целом, а именно о советском марксизме как специфической форме его нормативно-институционального закрепления. Исходный марксизм формируется как критическая теория общества, направленная на выявление внутренних противоречий капиталистической системы и условий ее исторической трансформации [13, с. 6–12]. Его эпистемологическая структура предполагает открытость интерпретации, возможность полемики и пересмотра оснований.

Однако в процессе институционализации происходит радикальное изменение статуса знания. В советской системе марксизм перестает быть предметом теоретического анализа и становится нормативной основой социальной организации, встроенной в образовательные, политические и управленческие структуры [14, с. 18–26]. Это означает переход от дискурсивного к технологическому режиму функционирования знания. С точки зрения концепции научной рациональности данный переход может быть описан как движение к квазиклассической нормативной рациональности, в которой сохраняется форма теоретического знания, но утрачивается его рефлексивное содержание. Такой процесс включает несколько механизмов: формализацию знания, стандартизацию интерпретации, институциональную стабилизацию, делегирование эпистемического авторитета и депроблематизацию [15, с. 214–225]. В совокупности они приводят к формированию закрытого технологического режима знания. Его основная характеристика — знание функционирует как инфраструктура социального действия. Ключевым эпистемологическим следствием становится инверсия отношения между теорией и практикой. Если в исходной теоретической модели практика служит критерием проверки знания, то в технологизированной форме она подчиняется теории как нормативному образцу. Эмпирическая реальность интерпретируется как пространство реализации. Отклонения рассматриваются как ошибки исполнения, а не как основания для пересмотра теории (табл. 5).

Таблица 5

Предельный тип трансформации: марксизм как социальная технология / Limit type of transformation: Marxism as a social technology

Измерение	Содержание	Следствие
Статус знания	Марксизм как теоретическое знание выступает критической теорией общества, ориентированной на анализ исторических противоречий. В советской институциональной форме он закрепляется как нормативная доктрина социального развития	Утрачивается гипотетичность и проблемность знания
Рациональность	Исходная теория сохраняет неклассический и переходный характер по отношению к постнеклассической рациональности. Советский марксизм приобретает черты квазиклассической нормативной рациональности	Возникает регресс рациональности при внешнем сохранении теоретической формы

Окончание табл. 5

Измерение	Содержание	Следствие
Функция теории	Теория ориентирована на объяснение, критику и выявление противоречий. В технологизированной форме она используется для проектирования и регламентации социальной практики	Происходит смещение от познания к управлению
Отношение к практике	Практика первоначально выступает пространством проверки и коррекции теории. В закрытом режиме она становится реализацией теоретических предписаний	Возникает инверсия эпистемологического контроля
Роль эмпирических данных	Эмпирические данные могут уточнять и пересматривать теорию. В нормативно закреплённой форме они выполняют роль иллюстрации и подтверждения заранее заданных положений	Ослабляется эмпирическая верификация
Ценностный компонент	В открытой теории ценностные основания эксплицированы и подлежат философской рефлексии. В советской версии они навязываются как общеобязательные	Формируется скрытая нормативность знания
Режим воспроизводства	Открытый режим предполагает дискуссию, интерпретацию и теоретический конфликт. Закрытый режим опирается на обучение, канонизацию и нормативный контроль	Закрывается эпистемическое пространство
Эпистемический авторитет	В теоретическом режиме авторитет распределен между научным и философским сообществом. В технологизированной форме он задается партийно-институциональной иерархией	Снижается индивидуальная критическая ответственность
Отношение к альтернативам	Открытая теория допускает конкуренцию и полемику. Закрытая технология исключает альтернативные интерпретации как ошибочные или недопустимые	Возникает эпистемологическая монополизация
Общий эффект	Открытая система знания превращается в закрытую социальную технологию	Технологизация теории сопровождается потерей критического потенциала

Данный пример выполняет не только иллюстративную, но и методологическую функцию. Он задает предельную точку, относительно которой могут быть осмыслены менее радикальные типы технологизации. Именно это делает возможным переход к описанию рефлексивно-нормативного типа, где технологизация знания осуществляется через институционализацию механизмов рефлексии и пересмотра [16, с. 15–78].

2. *Рефлексивно-нормативный тип трансформации (социально-гуманитарный пример образовательной технологии).* В отличие от предельного типа технологизации рефлексивно-нормативный тип фиксирует качественно иной режим трансформации теоретического знания, при котором сохраняется его эпистемическая открытость и критический потенциал [17, с. 64–78]. Здесь технологизация не приводит к замыканию знания в нормативно закреплённой системе, а осуществляется через институционализированные формы рефлексии, обеспечивающие возможность его постоянного пересмотра и корректировки.

Учитывая социально-гуманитарную направленность анализа, показательна трансформация теорий образования, педагогической антропологии, социальной психологии и теории развития личности в образовательные технологии проектного и компетентностно ориентированного обучения [17, с. 183–197]. При этом теоретическое знание о развитии субъекта, социализации, коммуникации, мотивации и совместной деятельности переводится в учебные программы, методические сценарии, оценочные процедуры, групповые формы работы, рефлексивные задания

и критерии диагностики образовательных результатов. Такой пример принципиально отличается от предельного типа технологизации. Образовательная технология может быть стандартизированной и институционально закреплённой, однако она не должна утрачивать связь с педагогической рефлексией. Практика здесь не просто реализует теоретические положения, но и выступает источником их уточнения: результаты учащихся, динамика групповой коммуникации, индивидуальные образовательные траектории и обратная связь от участников могут влиять на корректировку методики, критериев оценки и даже исходных представлений о целях образования.

С теоретико-методологической точки зрения подобная форма соотносится с постнеклассическим типом рациональности, поскольку образовательная реальность представляет собой саморазвивающуюся систему, включающую субъекта, ценностные основания, коммуникацию и институциональные условия [5, с. 301–310]. Нормативность здесь не маскируется под объективность, а эксплицируется как предмет обсуждения (образовательные цели, критерии успешности, формы оценивания и допустимые способы педагогического воздействия должны быть открыты для профессиональной и философской рефлексии). Технологизация знания в рамках данного типа реализуется через несколько механизмов. Во-первых, формализация переводит педагогические идеи в модели занятия, алгоритмы проектной работы, диагностические карты и критерии оценки. Во-вторых, стандартизация задаёт общие рамки образовательной практики, но не устраняет вариативность методических решений. В-третьих, институционализация рефлексии обеспечивается педагогическими советами, экспертными обсуждениями программ, мониторингом образовательных результатов и процедурой корректировки курсов. В-четвёртых, эпистемическая ответственность распределяется между исследователями, преподавателями, администрацией, учащимися и экспертным сообществом.

Таким образом, сохраняется взаимосвязь теории и практики. В отличие от предельного типа здесь есть возможность обратной связи, позволяющей корректировать технологические процедуры и их теоретические основания (табл. 6).

Таблица 6

Рефлексивно-нормативный тип трансформации: образовательная технология проектного и компетентностно ориентированного обучения / Reflexive-normative type of transformation: educational technology of project-based and competence-oriented learning

Измерение	Содержание	Следствие
Статус знания	Социально-гуманитарная теория образования включает представления о развитии личности, социализации, коммуникации и субъектности. Практическая технология выражается в методиках проектного обучения, образовательных программах и диагностических картах	Гипотетичность знания сохраняется внутри институциональных рамок применения
Рациональность	Образовательная теория соотносится с постнеклассической рациональностью, поскольку учитывает субъекта, ценности, контекст и саморазвитие системы. В практике она принимает процедурно-нормативную форму	Сохраняется баланс между нормативностью и возможностью пересмотра
Функция теории	Теория объясняет образовательное развитие и условия формирования компетенций. Технология организует учебную деятельность, проектные роли, рефлекссию и оценку результата	Теория сохраняет критическую функцию через обратную связь
Отношение к практике	Практика является пространством проверки и уточнения теории. Образовательная технология реализует методику, но допускает адаптацию к группе, возрасту и контексту	Сохраняется двусторонняя связь теории и практики
Роль эмпирических данных	Наблюдения, педагогическая диагностика и анализ образовательных результатов переводятся в мониторинг прогресса, портфолио, экспертную оценку и рефлексивные отчеты	Верификация усиливается циклами обратной связи

Окончание табл. 6

Измерение	Содержание	Следствие
Ценностный компонент	Ценности развития субъекта, самостоятельности, ответственности и сотрудничества эксплицируются. В технологии они закрепляются в целях программы и критериях оценивания, но остаются предметом обсуждения	Нормативность открыта к профессиональной рефлексии
Институциональный статус	Теория существует в поле педагогической науки, философии образования и социальной психологии. Технология оформляется в учебных планах, программах, регламентах оценки и методических комплектах	Институциональная стабилизация не переходит в полную догматизацию
Режим воспроизводства	Научное знание воспроизводится через дискуссию, исследование и методологическую рефлексию. Практическая технология воспроизводится через внедрение программ, повышение квалификации и анализ результатов	Эпистемическое пространство остается открытым
Эпистемический авторитет	Авторитет распределен между педагогическим и экспертным сообществом, исследователями и преподавателями. В технологии к этому распределению добавляются разработчики программ, администрация и участники образовательного процесса	Ответственность не редуцируется к исполнению инструкции
Отношение к альтернативам	В теоретическом поле конкурируют разные подходы к обучению и воспитанию. Практическая технология допускает методическую адаптацию и пересмотр	Поддерживается плюрализм при стандартизации
Общий эффект	Открытая система социально-гуманитарного знания переходит в технологическую форму без утраты рефлексивного потенциала	Формируется рефлексивно-нормативная трансформация знания

Проведенный анализ показывает, что технологизация социально-гуманитарного знания necessarily ведет к утрате его критического потенциала. При наличии институционализированных механизмов рефлексии сохраняется двусторонняя связь теории и практики, а знание продолжает функционировать как открытая система, несмотря на стандартизацию процедур. Однако данный тип опирается на принципиальное условие: сохранение дискурсивной доступности оснований знания и возможность их реконструкции через коллективные эпистемические практики [18, с. 134–142].

Если в первом типе ключевой проблемой является нормативное закрытие знания, то во втором — институциональное обеспечение рефлексии. Сравнение этих двух типов позволяет увидеть, что технологизация знания не имеет единственного сценария: она может вести либо к закрытию эпистемического пространства, либо к формированию процедурно устойчивой, но рефлексивно корректируемой практики.

Сравнительная характеристика форм трансформации знания

В ходе исследования выявлено, что трансформация теоретического знания в практическую технологию в социально-гуманитарных науках не может быть сведена к его инструментальному применению. Речь идет о более глубоком процессе — смене режима существования знания, при которой изменяются его функции, способы обоснования, формы воспроизводства и распределение эпистемической ответственности (табл. 7).

Таблица 7

Сравнительная характеристика двух типов трансформации знания / Comparative characteristics of two types of knowledge transformation

Параметр	Предельный тип	Рефлексивно-нормативный тип
Статус знания	Каноническое и нормативно закреплённое	Проблематизированное, рефлексивное, но стандартизированное
Рациональность	Квазиклассическая нормативная	Постнеклассическая с сохранением рефлексии
Функция теории	Нормативная регуляция практики	Координация действия и критическая ориентация практики
Отношение к практике	Практика подчинена теории, проверка теории блокируется	Практика корректирует теорию, а теория направляет практику
Эмпирическая проверка	Снижена, отклонения считаются сбоями исполнения	Поддерживается через обратную связь и корректировку
Институционализация	Высокая и закрывающая	Средняя или высокая, но рефлексивно контролируемая
Эпистемическая ответственность	Централизованная, индивидуальная критика подавлена	Коллективная, распределённая, но сохраняющая субъектное участие
Открытость для альтернатив	Минимальная	Средняя, поскольку предусмотрены дискуссия и корректировка
Финальный эффект	Закрытый эпистемический режим и утрата рефлексии	Баланс нормативной координации и критической рефлексии

Заключение

Выделенные типы трансформации позволяют зафиксировать различные конфигурации технологизации знания. Предельный тип демонстрирует переход к закрытому эпистемическому режиму, в котором знание утрачивает проблемный и гипотетический характер и функционирует как нормативно закреплённая технология управления. Рефлексивно-нормативный тип, напротив, сохраняет двустороннюю связь теории и практики, обеспечивая баланс нормативной координации и критической рефлексии.

С эпистемологической точки зрения ключевым становится вывод, что технологизация знания сопровождается изменением критериев его валидности. Приоритет смещается от истинности и обоснованности к эффективности, воспроизводимости и управляемости. Это ведёт к трансформации роли субъекта познания, который из носителя и критика знания все в большей степени превращается в участника, оператора или исполнителя технологически организованных практик, а также к перераспределению эпистемической ответственности между индивидами и институтами. Особую значимость в таких условиях приобретает проблема эпистемической непрозрачности. В предельном типе она проявляется как идеологическая и нормативная замкнутость, в рефлексивно-нормативном типе — как риск институциональной стабилизации, который может быть компенсирован механизмами профессиональной критики и обратной связи. Значимым условием сохранения научного статуса знания в процессе его технологизации служит поддержание механизмов рефлексивной открытости, обеспечивающих возможность проблематизации, критики и альтернативной интерпретации.

Тем самым в условиях постнеклассической рациональности происходит смещение эпистемологии в сторону праксиологии: знание утрачивает статус автономной дискурсивной формы и становится элементом организации и управления социальным действием. Однако данное смещение не является однозначно редуктивным. Оно открывает возможность для новых форм кол-

лестивной рациональности при сохранении институциональных и методологических механизмов, препятствующих превращению знания в полностью замкнутую технологическую систему. Совмещение концепции типов научной рациональности В.С. Степина с подходами социальной эпистемологии И.Т. Касавина позволяет интерпретировать технологизацию знания как многомерный процесс, включающий когнитивные, нормативные и институциональные измерения. Это создает теоретическую основу для дальнейшего анализа трансформации научного знания в социальных, образовательных и управленческих технологиях.

Список источников

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с. EDN: SIOLQR.
2. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Идеи, методы, программы. М.: Канон+, 2010. 712 с. EDN: SJBKAB.
3. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм. К дискуссиям в современной эпистемологии. М.: ИФ РАН, 2004. 242 с.
4. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. 262 с.
5. Степин В.С. История и философия науки. М.: Академический проект, 2011. 423 с. EDN: QXAOFB.
6. Розин В.М. Философия техники. М.: ИФ РАН, 2001. 280 с.
7. Bunge M. *Treatise on Basic Philosophy. Vol. 7: Epistemology and Methodology III. Philosophy of Science and Technology*. Dordrecht: Reidel, 1985. 320 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-009-5287-4>
8. Латур Б. Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
10. Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 399 с.
11. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 358 с. EDN: SNCYBV.
12. Щедровицкий Г.П. Избр. тр. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.
13. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 13. С. 1–167.
14. Алтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. С. 14–58.
15. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 3. С. 7–544.
17. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с. EDN: YQOMCU.
18. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016. 264 с.

References

1. Stepin V.S. *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Tradition; 2000. 744 p. (In Russ.). EDN: SIOLQR.
2. Kasavin I.T. *Social epistemology. Ideas, methods, programs*. Moscow: Canon+; 2010. 712 p. (In Russ.). EDN: SJBKAB.
3. Mamchur E.A. *Objectivity of science and relativism. On discussions in contemporary epistemology*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2004. 242 p. (In Russ.).
4. Yudin B.G. *Methodological analysis as a direction in the study of science*. Moscow: Science; 1986. 262 p. (In Russ.).
5. Stepin V.S. *History and philosophy of science*. Moscow: Academic Project; 2011. 423 p. (In Russ.). EDN: QXAOFB.
6. Rozin V.M. *Philosophy of technology*. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2001. 280 p. (In Russ.).
7. Bunge M. *Treatise on basic philosophy. Vol. 7: Epistemology and methodology III. Philosophy of Science and technology*. Dordrecht: Reidel; 1985. 320 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-009-5287-4>

8. Latour B. *Science in action. Following scientists and engineers inside society*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg; 2013. 414 p. (In Russ.).
9. Foucault M. *The archaeology of knowledge*. Kiev: Nika-Center; 1996. 208 p. (In Russ.).
10. Bibler V.S. *Thinking as creativity. Introduction to the logic of mental dialogue*. Moscow: Political Publishing House; 1975. 399 p. (In Russ.).
11. Lektorsky V.A. *Subject, object, cognition*. Moscow: Science; 1980. 358 p. (In Russ.). EDN: SNCYBV.
12. Shchedrovitsky G.P. *Selected works*. Moscow: School of Cultural Policy; 1995. 800 p. (In Russ.).
13. Marx K. A contribution to the critique of political economy. Marx K., Engels F. *Collected works*. 2nd ed. Moscow: Political Publishing House; 1960;13:1-167. (In Russ.).
14. Althusser L. Ideology and ideological state apparatuses. *Emergency Reserve*. 2011;(3):14-58. (In Russ.).
15. Ilyenkov E.V. *Dialectical logic. Essays on history and theory*. Moscow: Political Publishing House; 1974. 271 p. (In Russ.).
16. Marx K., Engels F. The German ideology. *Collected works*. 2nd ed. Moscow: Political Publishing House; 1961;3:7-544. (In Russ.).
17. Davydov V.V. *Theory of developmental education*. Moscow: Intor; 1996. 544 p. (In Russ.). EDN: YQOMCU.
18. Kasavin I.T. *Social philosophy of science and collective epistemology*. Moscow: Whole World; 2016. 264 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Я.А. Плахотнюк — аспирант, преподаватель кафедры философии и методологии науки Института философии и социально-политических наук ЮФУ.

Information about the author

Ya.A. Plakhotnyuk — Postgraduate Student, Lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, SFedU.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 13.07.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 24.06.2026; approved after reviewing 13.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 141.5

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-25-32>

СМЫСЛЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. БИБИХИНА

Дмитрий Леонидович Устименко ^{1✉}, Евгений Анатольевич Денисов ²

^{1, 2} Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики, Ростов-на-Дону, Россия

¹ UstimenkoD2006@yandex.ru ✉

² e.a.denisov@skf.mtu.ru

Аннотация. Исследуется ключевое для философии В.В. Бибихина понятие «возвращение». Показывается его универсальный категориальный характер, позволяющий отображать такие онтологические аспекты, как тождество, целостность, воспроизводство, единство, время. Демонстрируется понимание В.В. Бибихиным теории вечного возвращения Ф. Ницше. Возвращение высвечивается в смыслах творчества, обновления, самопознания, а также в методологической функции осмысления природы поэзии, философии, истории.

Ключевые слова: В.В. Бибихин, возвращение, онтология, тождество, творчество

Для цитирования: Устименко Д.Л., Денисов Е.А. Смыслы возвращения в творчестве В.В. Бибихина // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 25–32. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-25-32>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MEANINGS OF RETURN IN THE WORKS OF V.V. BIBIKHIN

Dmitriy L. Ustimenko ^{1✉}, Evgeny A. Denisov ²

^{1, 2} North-Caucasian Branch of Moscow Technical University of Communications and Informatics, Rostov-on-Don, Russia

¹ UstimenkoD2006@yandex.ru ✉

² e.a.denisov@skf.mtu.ru

Abstract. The concept of “return”, key to V.V. Bibikhin's philosophy, is investigated. Its universal categorical character is shown, allowing it to reflect such ontological aspects as identity, integrity, reproduction, unity, and time. Bibikhin's understanding of Nietzsche's theory of eternal return is demonstrated. Return is explored in the contexts of creativity, renewal, self-knowledge, and as a methodological function in understanding the nature of poetry, philosophy, and history.

Keywords: V.V. Bibikhin, return, ontology, identity, creativity

For citation: Ustimenko D.L., Denisov E.A. The Meanings of Return in the Works of V.V. Bibikhin. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):25-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-25-32>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Творчество В.В. Бибихина многогранно, но его центральным мотивом является бытие — «родина» [1, с. 332], «собственность», «подлинное» [2, с. 5], обуславливающее «захваченность» [2, с. 8], «озарение» [2, с. 105]. Онтологическая проблематика осмысливается посредством обращенности к христианской и философской традициям, истории русской и европейской культу-

ры, поэзии. Вот почему ключевыми понятиями в ней обнаруживаются «крест», «смерть», «тождество», «энергия», «событие». Но если посмотреть на понимание философом бытия с точки зрения способа его данности, то нельзя не отметить значимости понятия «веры» [3]. Именно она достигает бытийного «сердца истины» [4, с. 358]. Однако, продумывая концептуальный аппарат мышления В.В. Бибикина, нужно подчеркнуть еще одно важное понятие — «возвращение».

Тексты В.В. Бибикина обильно наполнены этим понятием. И хотя его философский статус специально не выясняется, используется оно категориально. Можно сказать, что понятие «возвращение» как таковое или через спектр своих синонимов («обращение» [5, с. 158, 266, 396], «обновление» [6, с. 57], «восстановление» [7, с. 26, 213, 221], «повторение» [8, с. 67, 155, 162]) имеет значение демонстрации того или иного феномена в его смысловой изначальности, простоте, неподвижности и удивительности, так, что для его созерцания требуется «сосредоточение» [8, с. 49], «хватка» [9, с. 147], особый поворот зрения, удаляющегося от объективирующего «занятого» потока разбегающихся смыслов. Поскольку настоящая мысль так рефлексивно и работает, то понятие «возвращение» имеет сущностное гносеологическое измерение, это категория, познавательная нозза. В своей сущности она способствует художественно-семантической актуализации базовой философской структуры, важной для В.В. Бибикина, — синтеза. Понятие «возвращение» играет роль отождествления, повторяемости, единого и в то же время уникальности, единственности, неповторимости. Оно показывает динамику «игры» бытия.

Так, понятие «возвращение» применяется В.В. Бибикиным при анализе сквозного для его философии представления — онтологического. Утверждается, что «аристотелевский перводвигатель сам остается неподвижным самотождеством. Возвращение к элементарному, доставляющему удовольствие своей надежностью, остается двигателем — не причиной в естественно-научном смысле — нашего следования правилу» [10, с. 378]. Другими словами, первоначало, то, к чему все и от чего все, — это нечто единое, целое, насыщенное или простое, но оно неизменно и всегда остается самим собой именно в силу своего «самовозвращения», хранения себя в самовозврате. «Энергия покоя» первоначала, как одна из любимых В.В. Бибикиным трактовок бытия, говорит о подвижности, скрытости, но и незыблемости истины настоящего, которая была в прошлом и будет в будущем. Философ неоднократно подчеркивает эту мысль в связи с вечностью философской проблематики, открытой Античностью и остающейся актуальной сегодня. «Куда-то надо вернуться, или куда-то возвращается что-то, непонятно, это уже лучше: предполагается, раз возвращение, то и выход; динамика, обмен, возвращение. Вращение и возвращение у Аристотеля вообще первичное движение, обеспечивающее между прочим вечность» [7, с. 354]. «Возвращение» в этой связи становится техническим термином, позволяющим описывать «самовоспроизводство» любых феноменов, в том числе природных. «Рыбы и птицы скатились тут в одно, что-то настолько простое, элементарное, во что действительно скатываешься, возвращаешься. Свое тело имеет внутри зародыши, разрастающиеся; развертывая, повторяя то же, птица строит своим клювом из чего попало своими слюнками гнездо, как бы докладывая о том гнезде, каким является она сама внутри. Травинки гнезда как ее собственные перья, клей слюны как ее собственная кровь ... Гнездо строится как возвращение домой» [7, с. 395]. Приведенное описание не означает предполагаемой простоты понятия «возвращения». По В.В. Бибикину, за ним усматривается не просто процесс. Оно удивляет, как бы открывает новое в одном и том же. И более того, внутри самовозвращающегося бытия остается место исканию, усилию, свободной борьбе за совершенство.

«Возвращение» у В.В. Бибикина высвечивает также антропогенетический и эсхатологический смыслы — ту мысль, что генезис и эсхатон даны здесь и теперь, у нас, в настоящем: «мы не знаем, в конце мы или в начале мира. Но мир, если он такой, как мы увидели, едва ли может иметь начало и конец; он скорее такое начало, возвращение к которому только и может быть настоящим концом, не обрывом» [6, с. 266]. Вот почему нужно уметь присматриваться и давать слово миру. Ведь жизнь, как она открывается перед глазами, — это как бы первотворение, имеющее смысл, который нужно суметь разгадать.

Интересно, что В.В. Бибихин, мотивируемый идеей возвращения, в свойственной ему ненавязчивой манере не утаивает и своей конкретной мировоззренческой позиции в отношении

начала: «Неправильно говорить, что сначала был рай, давно и недавно, а потом крест. Дерево жизни то самое, из которого сделан крест, т.е. уже внутри дерева жизни был крест, допустим невидимый. Поэтому движение упорядочить, принять меры в человеке не первично или даже просто неверно, ошибка ... последнее искушение это искушение сойти с креста, раз тебя приглашают сойти и вся разумность и вся природа так советует, — но более подлинное, только по времени последнее, а по человеческой природе первое движение — это хоть как-то, из последних сил, как можно скорее, во что бы то ни стало докарабкаться, доползти, вернуться (! — Д.У., Е.Д.) на свое место, на крест, от ужаса остаться в ситуации без места, когда тебя подберут кто ты не хочешь и используют как тебе не надо. Проблемы человека, неуместного существа, решаются возвращением (!! — Д.У., Е.Д.) его на свое место, на крест, в амеханию, апорию, к неприменению механизмов. Другого решения не видно. Бессмысленно, плохая феноменология или вообще никакая — спрашивать, почему так устроено. Достаточно, что мы видим, что устроено так» [7, с. 226]. Важно отметить, что этот смысл возвращения проговаривается во многих его работах: сколько бы люди ни пытались осмыслить свое несовершенство, возвратиться к искомому блаженству, быть не так, как другие, отказаться от креста, от отречения (а это и означает бытие), все равно случается срыв, революция, откат в прошлое.

В качестве теоретического объяснения онтологического возвращения всегда в конечной актуальности В.В. Библихин справедливо рассуждает о природе времени. И в итоге не находит лучшего термина для его понимания, как «возвращение», возвращение к волшебной тишине: «Время — это то, чем — „со временем“ — через что и благодаря чему мы доберемся до настоящего ... время — это возвращение, и не только в том смысле, что с его помощью мы хотим вернуть потерянную цельность?» [11, с. 82–83]. Время призвано вернуть начало человеку, оно и есть «несение» начала, но с добавлением другого, нового. Делается вывод, что суть времени в том, что оно заканчивается, переходя в «вечность». Ко времени приурочивается экзистенциально-онтологическая и эсхатологическая предельность, относимая к присутствию, но имеющая эонические последствия. Согласно В.В. Библихину, время откроет бытие в соответствии с верой: бог века сего ослепил умы, поэтому нельзя обманываться своей временной «мудростью», которая есть безумие перед Богом. За ширмой живого философского мышления, по сути, в поисках «подлинного возвращения» проговариваются откровенно религиозные идеи.

Если категориальная форма возвращения направляет мысль В.В. Библихина в конкретном мировоззренческом ключе, то неудивительно, что не только понятия «время» и «тождество» как таковые, но и свободный онтологический выбор человека являются средоточием его осмысления. Не просто существование вещей, их повтор, но сам человек служит источником возвращения себе и вещам их смысла, «справедливости», «истинности», ведь смыслопридание есть оживляющее возвратное действие, и только человек понимает значение возвратности. Только люди, причем во все времена, пытаются возвратиться на родину (в смысловом плане). Особенно это проявляется в искусстве, хотя формой возвращения может быть любая форма творчества и жизнедеятельности — от обряда до науки. «В истории человечества не было цивилизации или культуры, которая ни проявляла бы как могла стремления превзойти свою историю, вырваться к вневременной полноте существования, получавшей разные имена — небо, освобождение, чудо, возвращение потерянного рая; и не было эпохи, которая ни говорила бы о необходимости преображения человека — новый человек, высший человек, сверхчеловек, — об идеальном государстве, о революции, словом, „о своем желании вернуть миру чистоту, подготовить его метаморфозу, спасти его, метафизически восстановить его“» [12, с. 339]. Другими словами, возвращение предстает онто-экзистенциальным отношением, поиском подлинности жизни. Нужно только узнать себя. Попытки возвращения к своему семейному и биографическому знанию помогают осмыслить, сопоставить, увидеть терапию из *уже-опыта*, но в таком виде оно есть что-то вроде магии, волшебства, поиска «грааля». Возвращение показывает ностальгию, которую можно как-то преодолеть, но смирение Христово вмещает в себя любую боль и само по себе является достаточным для возвращения к нему [13, с. 486–487].

И все-таки возвращение антропологически, экзистенциально необходимо. Возвращение онтологично: оно есть имя воспроизведения природы, осуществления ее неизбежного тождества с самой собой, а для человека — осуществление в своем подлинном существе. Недаром

возвращение на родину, к истокам, началам, своему, себе — достаточно обширная тема у В.В. Библихина.

Цвет, например, через человека как бы возвращается к своей антропологической сути. «Цвет задевает не через работу восприятия, потому что этой работы здесь нет: есть возвращение к самому себе. Мне проще видеть цвет, чем его не видеть; на этом основана раскраска помещений. Неким образом я есть цвет. Я сбываюсь в отождествлении с ним. Он входит в мою форму жизни. Он чем-то делает меня ... Всё сказанное о цвете относится к тождеству» [10, с. 388]. Согласно М. Мерло-Понти, «именно мой взгляд поддерживает цвет, именно движение моей руки поддерживает форму объекта, или, лучше, мой взгляд соединяется с цветом, моя рука соединяется с твердым и мягким» [14, с. 275].

С учетом того, что В.В. Библихин находился под влиянием философии Л. Витгенштейна, тождество в данном случае нужно понимать не в прочном структурном виде — как систему классов индивидуальных или общих вещей, а в смысле единственности понимания — единственности так-то и так-то уникально сложившейся картины понимания. Тождество здесь гарантирует единство понимания частей, которые всегда уже предполагают свой контекст. Особенность его в том, что оно соткано из языка, имеет свою языковую (смысловую) логику, но в то же время открыто для игры, изменения, творчества. Плотность этого тождества опыта каждого человека как раз и держится на механизме самовозвратности, возвращаемости, неизбежной повторяемости. Потому что трудно выйти за логику своего языка («мира»). В.В. Библихин повторяет: цель бытия — в достижении полноты целостности, узнавания, исполненности, энергии. «Узнавание того самого, отождествление его как возвращение самому себе, одновременно порождение того самого как первой идеи, идеи блага, проходит через бытие как свет-радость-святость. То самое существо праздника, и как возвращения, „именин“, и как праздности, освобождения от труда, потому что отождествление, узнавание в то-самости это и есть освобождение от работы» [7, с. 199].

Целостность, самоединство и есть родина человека. Но здесь есть специфика. Целостность достигается не присвоением чужого, а парадоксальным отдаванием себя, в том числе в пафосе, катарсисе, которое философ описывает как творческое увлечение и «захваченность» бытием. «Родина, т. е. мы сами, узнается в отдавании себя ... Этой отданностью она спасена. Значит ли это, что встреча после смерти будет только та, которая уже случилась как возвращение себя в отдавании себя...» [1, с. 334]. В.В. Библихин говорит, что настоящее отдавание себя как возвращение к себе происходит спонтанно, естественно, увлеченно, как любовь. Или она есть — ей дается выдох, или ее нет — ее нельзя сыграть. Главное, что стремление к возвращению заложено в каждом человеке. И политкорректный обнадеживающий вывод такой: «Вещь в себе нас пропитывает, она в нас, она и есть мы, ведь мы *собственно* душа. И — она от нас закрыта, мы другие, нас нет в Боге, в истине? Настолько нет, что мы способны загубить собственно себя в себе. Невозможно объяснить, почему получилось так, но единственное, что нам в этом направлении доступно, — это что возвращение *есть*, возможно» [2, с. 320] и необходимо. Ведь «жизненные скрепы обновляются только возвращением к подлинным источникам духа» [8, с. 213].

Понятие «возвращение» доминирует в философском мышлении В.В. Библихина, обуславливая его ретроспективный, ностальгический характер, намекая, что истинное уже присутствует не в удвоенной реальности, а как раз в уникальной единственности события. Поэтому нельзя все время забегать. Что здесь имеется в виду? Открытие правдивых глаз на свою жизнь, такая малость. Намного проще жить в иллюзиях гарантированности, уверенности, субъективной самонадежности. «Чтобы скрыть от себя родину, возвращение к которой трудно, слабость выбрасывает иллюзию твердой опоры — истины — в картину своего мира. Мир для (пост)христианской цивилизации существует только рисованный» [15, с. 331].

Итак, «возвращение» у В.В. Библихина — способ усмотрения и держания бытия, понятого в витгенштейновском смысле, но который оказывается конгениален мысли Парменида, Аристотеля, Хайдеггера, — бытия, неотличимого от самой мысли, где слово предопределяет глубину («зондированность») опыта мысли и само оказывается втянутым в собственную воронку восприятия. Концепт возвращения настраивает на узрение мира (опыта) как непрерывного события. Не так, что отдельно жизнь, мысль, а иногда событие, но событие бытия и оказывает-

ся сплошностью жизни, обусловленной твоим слово-мыслью и твоей игрой. Возвращение подразумевает гносеологический акт — осознание этой неотрывности. «Глаз нигилиста — это сам нигилист ... Возвращение к тому же самому как упражнение в зрении ... проекция, возвращающая действительность к тождеству. Возвращение того же самого надо понимать как восстановление мира, не запятнанного субъективной раскраской. Назад эта центральная мысль Ницше ведет к парменидовскому видению бытия как того самого» [10, с. 261].

Встреча с единым продумывается В.В. Библихиным посредством идеи вечного возвращения у Ф. Ницше. Несмотря на довлеющую идею тождества, отмечается, что «возвращение происходит не на готовое место, а туда, где человека еще никогда не было. Осуществление родного, его небывалой природы — подвиг первопроходца» [10, с. 262]. Необходима воля к возвращению нового мгновения. Именно она растормаживает, искусственно и как бы впервые открывает жизнь в своей девственности, незапятнанности культурными понятиями, изначальной красоте. Именно ее и хочется удержать, вернуть, но ее уносит поток. «Мы живем внутри мирокартинки среди декораций, которые не можем отменить, даже поняв их сделанность. Возвращение на неведомую родину противно всем нашим дурным привычкам. Иллюзия замыкает нас в тюрьме мнимой устойчивости, когда на деле всё неостановимо уносит поток ... Восстановление бытия в потоке достигается видением (Betrachtung) вечного возвращения того (же) самого: „Что все возвращается, вот предельнейшее приближение мира становления к миру бытия — вершина созерцания“» [10, с. 263]. Остановить поток, смерть? Как? Для этого нужен главный поступок — решиться на любовь к тождеству посредством вечного возвращения того же самого. Только это может изменить человека в корне — принять себя целиком. Признавая тождество как нечто необходимо предопределенное в рамках целого, человек должен преобразиться, измениться, проснуться. В этом ключе он должен разоблачить обобщающие схемы, научный и этический объективизм и приобщиться к непосредственным живым источникам бытия, уже бодрственно проживая свою жизнь.

Но если задаться вопросом, какое экзистенциальное значение имеет всюду осмысляемая онтология тождества с ее требованием «возвращения» для самого В.В. Библихина? Ответим: методологическое, практическое, вполне мировоззренческое. Лично для него на первом плане остается внимание к возвращению того самого авраамического «предстояния»: «Непрестанная молитва из встречи с самым близким, настоящим Богом приходит и в молчание же уводит. Строгость божественного внимания воспрещает легкие решения, уводит, собственно, в *нерешаемое*. Да и в самом деле, не человеку же решить свое отношение к тому, что мощнее его. От человека зависит только не убежать, выстоять, когда подступит ближайшее ... Кровоточивая может быть исцелена вдруг, не человеческой силой, а приближением божественного присутствия. Это приближение всегда уже произошло» [7, с. 44].

Единственное прикосновение к истине — «захваченность». Именно в возвращении к этому акту открывается существо вещей. Недаром философская традиция есть постоянное возвращение к бытию как чему-то родному, даже вопреки его неуловимости, «недопонимаемости» [2, с. 8]. Удивительно, как тематически неявно онтология связана с понятием «возвращение». Немецкий термин бытие (Ereignis) у М. Хайдеггера и означает «особствование», возвращение к своему. И это не «успокоение». «Возвращение к бытию — поэтому возвращение (для нас) к способности искания и вопроса, не больше и не меньше. Не к улаженному или блаженному состоянию, поэтому мы не обязательно должны спешить туда, где нам обещают успокоение и удовлетворение ... Одно из определений Dasein: Verzicht, отказ, отречение, смирение со своей участью ... Быть в такой мере при чем-то значит в полной мере отказаться от своего и найти собственно себя, свою собственность» [2, с. 334].

Проблема онто-экзистенциального возвращения не предполагает многознания, сложности. Предлагается просто вернуться «в себя неизвестного. Любовь совпадает с ранним удивлением и уже не может кончиться. Надо пустить всю машину оглядки на себя, перемены глаз в ход. Нужнее всякой проповеди усилие неупущения первого движения сердца» [5, с. 177]. Впрочем, сама жизнь учит человека. Мысль уже бывает довольна собой, если ей удастся поспевать за бытием, хоть краешком осмысливая его. Еще лучше — в страхе, ужасе, удивлении, захваченно-

сти слиться с «грозой события», с его чуждой «бездной смерти», потому что в этой потерянности, парадоксальности неподвластной мысли жизни человек «узнает» и возвращается к себе.

Подчеркнем еще один важный смысл возвращения. Возвращение — это всегда возвращение к новому. В этом его специфика, которую нужно уметь видеть. Данный смысл демонстрируется на примере философии Г.В.Ф. Гегеля. «Его единственное видение — всегда уникальный скачок; и напрасно приглядываться к нему со стороны в надежде уловить его. Когда исследователи замечают, что у Гегеля собственно нет трансценденции, а есть только снова и снова возвращение к конкретному, то <они не видят, что> сама радикальность этого возвращения делает скачок в безусловно другое обыденному, потому что ближайшее и тем самым не замечаемое» [2, с. 138].

Стоит ли говорить о смыслах возвращения к слову, языку в поэзии? Ведь поэзия способна не просто замечать, а ожидать и творить чудо, она выстраивает реальность. От ее завершения зависит возвращение целостности. Искусство, поэзия должны вывести жизнь к спасению и осуществить катарсис.

Но еще больше задача возвращения приурочивается В.В. Бибихиным к философии: «Философия на самом деле это разоружение, — и значит беззащитность, конечно, но уже не в этом дело, если войдешь во вкус разоружения; философия это — и это увлекает — снятие контрольно-наблюдательных постов, прекращение хватки, которая все равно бесполезная, и возврат к тому схватыванию, безотчетному, которое неведомо куда ведет, оно же отдание себя которое бывает при захваченности» [4, с. 26–27]. Конечно, за этим опять-таки подразумевается возврат к языку, критика и разоблачение «само собой разумеющегося», будь то язык, мысль, культура, чтобы снова непредвзято, «по-детски», попытаться взглянуть на мир, какой он есть в своей обнаженной красоте, своем поэтическом символическом языке. Эта критика, деконструкция, и есть возвращение от надуманно сложного, технически сконструированного к изначально истинному бытию. «Философия ... только возвращение к тому, что уже было заранее, есть как заранее, до сознания, данное присутствие человека, Dasein, вот этого, здесь и теперь, бытия» [8, с. 181]. Причем философское возвращение неотступно придерживается методической научной строгости в осуществлении настоящей формы собственной духовной жизни. Возвращение к настоящему требует строжайшей самоотчетности в выстраивании личного строя, habitus. Человек в таком возвращении должен измениться, прозреть, оставить наивность, которая хочет оставаться слепой.

В статье «Возвращение отцов» В.В. Бибихина акцент делается на возвращении сынов. Ты должен убрать догадки, утвердиться на самом исходном, изменить полностью все состояние духа — вот что вводит в философию и совершенное одиночество. Философия есть то, что осуществляет онтологический метабазис, преобразая природного заблудшего человека в существо богообразное, возвращая из рутинности усредняющей заботы к свободе в Боге. Даже если для этого потребуются безумие и «сдвиг ума» — по-другому к тайне подлинного не прикоснуться. Это «возвращение к такой простоте, что в высшей степени трудно дать понять это философски. Выбраться, выкарабкаться из области сознания и добраться до бытия-вот, до присутствия. Не перетасовывать еще и еще раз груды содержаний сознания. Понять, что человек, понятый как Dasein, бытие-в-качестве-вот, присутствие ... от самого себя приходит к чему-то совершенно другому, чем он сам, — к тому, что называется просветом бытия» [8, с. 297].

В заключение подчеркнем, что с помощью понятия «возвращение» В.В. Бибихин высвечивает различные философские смыслы, описывает структуру бытия с ее аспектами «забвения» и «бодрствования» и, собственно, открывает событие человеческого опыта, нуждающегося в правильном понимании своего одномерного — единственного и в то же время дарового, чудесного, «просветного» характера, являющегося подлинной «собственностью», возвращение и присвоение которой предполагают философскую науку отречения. Покажется странным, но, заметим, главным ракурсом бытия в мире, из которого нужно вернуться к собственному, является смерть, поэтому в определенном плане смерть неотделима и от собственного, ведь через нее достигается озарение, захваченность, свобода. Кстати, если на уровне личного бытия возвращение к подлинному осуществляется сознательно, то на уровне бытовой культурной жизни происходит бессознательное, но неизбежное возвращение к национально-ментальным архети-

пам. В [5] именно такую точку зрения приводит В.В. Бибихин. Осмысляя русскую историю, культуру, поэзию, он утверждает факт ее взрывоопасности, революционности, огненности. Мы повторяем судьбу предков, ведь исходим из своей недостаточной, смертной здешности, из уже понятого целого.

Список источников

1. Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
2. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
3. Устименко Д.Л. Интуиция веры в религиозно-антропологической мысли Владимира Бибихина // Философия. Журн. Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 3. С. 105–126. EDN: AOLNTM. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-105-126>
4. Бибихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. 536 с. EDN: QWVHFX.
5. Бибихин В.В. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с. EDN: QOTCUX.
6. Бибихин В.В. Энергия. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
7. Бибихин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
8. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.
9. Бибихин В.В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с. EDN: QTORBR.
10. Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с. EDN: QWITRH.
11. Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.
12. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 416 с. EDN: PEAJME.
13. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной и С.Л. Фокина. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 607 с. EDN: QWJLFB.
15. Бибихин В.В. Ницше в поле европейской мысли // Ницше и современная западная мысль : сб. ст. / под ред. В. Каплуна. СПб.; М.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2003. С. 330–345.

References

1. Bibikhin V.V. *Grammar of poetry. A new Russian word*. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House; 2009. 592 p. (In Russ.).
2. Bibikhin V.V. *Own. The philosophy of one's own*. St. Petersburg: Science; 2012. 536 p. (In Russ.).
3. Ustimenko D.L. The intuition of faith in the religious-anthropological thought of Vladimir Bibikhin. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2022;6(3):105-126. (In Russ.). EDN: AOLNTM. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-105-126>
4. Bibikhin V.V. *Reading philosophy*. St. Petersburg: Science; 2009. 536 p. (In Russ.). EDN: QWVHFX.
5. Bibikhin V.V. *Another beginning*. St. Petersburg: Science; 2003. 430 p. (In Russ.). EDN: QOTCUX.
6. Bibikhin V.V. *Energy*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History; 2010. 488 p. (In Russ.).
7. Bibikhin V.V. *Forest*. St. Petersburg: Science; 2011. 425 p. (In Russ.).
8. Bibikhin V.V. *Early Heidegger: seminar materials*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History; 2009. 536 p. (In Russ.).
9. Bibikhin V.V. *Internal form of the word*. St. Petersburg: Science; 2008. 420 p. (In Russ.). EDN: QTORBR.
10. Bibikhin V.V. *Wittgenstein: a change of aspect*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History; 2005. 576 p. (In Russ.). EDN: QWITRH.
11. Bibikhin V.V. *World*. Tomsk: Aquarius; 1995. 144 p. (In Russ.).
12. Bibikhin V.V. *Word and event. Writer and literature*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2010. 416 p. (In Russ.). EDN: PEAJME.
13. Bibikhin V.V. *Know yourself*. St. Petersburg: Science; 1998. 577 p. (In Russ.).

14. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of perception*. Trans. from French by I.S. Vdovina and S.L. Fokin. St. Petersburg: Juventa, Science; 1999. 607 p. (In Russ.). EDN: QWJLFB.

15. Bibikhin V.V. Nietzsche in the field of European thought. *Nietzsche and contemporary Western thought*. Collection of articles. V. Kaplun (ed.). St. Petersburg, Moscow: European University at St. Petersburg, Summer Garden; 2003:330-345. (In Russ.).

Информация об авторах

Д.Л. Устименко — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общенаучной подготовки СКФ МТУСИ.

Е.А. Денисов — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общенаучной подготовки СКФ МТУСИ.

Information about the authors

D.L. Ustimenko — Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor, Professor of the General Scientific Training Department, NCB MTUCI.

E.A. Denisov — Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, Associate Professor of the General Scientific Training Department, NCB MTUCI.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 04.06.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 04.06.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-33-43>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ УЧЕНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПАТРИСТИКЕ И ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ В РОССИЙСКОМ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕИЗМЕ XIX ВЕКА

Григорий Константинович Эзри

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

grigoriyezri@mail.ru

Аннотация. Эксплицируются ведущие аспекты бытия человеческой личности, существующие в ней изначально, в рамках патристики и российского духовно-академического теизма XIX — начала XX в. Основные методы исследования: историко-философская реконструкция и компаративный. Показано, что с точки зрения Книги Бытия, патристики и российской духовно-академической философии человек как личность имеет пять важнейших аспектов своего бытия: он похож на совершенное существо, является диалогическим и рефлексизирующим, способен делать собственный выбор и считается самостоятельным существом, существует как моральный субъект — субъект моральной ответственности, обладает способностью к познанию сверхсущего. Отмечаются отличия в интерпретации данных оснований в патристике и русской философии: отечественные мыслители обосновали концепцию нравственного чувства как дальнейшее развитие идеи разумности нравственности, показали различие между внешним и внутренним нравственным законом. Выявлено, что христианский миф о происхождении и сущности человека порождает концепцию личности, исходя из которой она выступает моральным субъектом — субъектом нравственной ответственности. Кроме того, без мифологического повествования христианское учение о человеке, не имеющее своего предмета веры, как рациональная философия не смогло бы существовать.

Ключевые слова: человек, личность, Библия, Книга Бытия, патристика, российский духовно-академический теизм, миф, сущность, природа

Для цитирования: Эзри Г.К. Интерпретация учения о происхождении и сущности человека в патристике и его дальнейшее развитие в российском духовно-академическом теизме XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 33–43. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-33-43>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE INTERPRETATION OF THE DOCTRINE OF THE ORIGIN AND ESSENCE OF HUMAN IN THE PATRISTICS AND ITS FURTHER DEVELOPMENT IN RUSSIAN SPIRITUAL-ACADEMIC THEISM OF THE 19th CENTURY

Grigoriy K. Ezri

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

grigoriyezri@mail.ru

Abstract. This article explicates the key aspects of human existence, which have existed within it from the very beginning, within the framework of patristics and Russian spiritual-academic theism of the 19th and early 20th centuries. The primary research methods are historical and philosophical reconstruction and

comparative analysis. It is demonstrated that, from the perspective of the Book of Genesis, patristics, and Russian spiritual-academic philosophy, the man being as a person possesses five crucial aspects of existence: resemblance to a perfect being; a dialogic and reflective nature; the capacity for autonomous choice and status as an independent being; existence as a moral subject - a subject of moral responsibility; and the capacity to know that which transcends being. There are differences in the interpretation of these foundations between patristics and Russian philosophy: Russian thinkers substantiated the concept of moral sentiment as a further development of the idea of the rationality of morality and demonstrated the distinction between the external and internal moral law. It has been established that the Christian myth regarding the origin and essence of man gives rise to the concept of the person, defining the individual as a moral subject - a subject of moral responsibility. Furthermore, stripped of its mythological narrative, the Christian doctrine of man, lacking its specific object of faith, could not exist as a form of rational philosophy.

Keywords: human, person, Bible, Book of Genesis, patristics, Russian spiritual-academic theism, myth, essence, nature

For citation: Ezri G.K. The Interpretation of the Doctrine of the Origin and Essence of Human in the Patristics and Its Further Development in Russian Spiritual-Academic Theism of the 19th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):33-43. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-33-43>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вопрос о сущности человека и его происхождении интересует философов и различных мыслителей с глубокой древности. Первоначально появление человека рассматривалось в рамках мифологии. С одной стороны, миф представляет собой результат бессознательного осмысления бытия человека в мире, что соответствует подходу К.Г. Юнга [1]. С другой — миф может анализироваться как реальность культуры и основа личностного бытия — данный подход предложен А.Ф. Лосевым [2]. Во втором смысле мифологическим является бытие человеческой личности и сегодня.

Следующим этапом изучения проблемы бытия человека стала философия, в рамках которой осуществлялось как рациональное осмысление мифологической истории бытия человеческой личности, так и выдвижение рационально обоснованных концепций о бытии человека. В христианстве как религиозной и философской системе нашли отражение оба подхода. Во-первых, имеет место повествование, в котором человек появляется не в результате естественных природных процессов, а в силу трансцендентного вмешательства Божества. Во-вторых, бытие человека рассматривается как явление культурное и чудесное. В-третьих, описание происхождения человека в Библии в дальнейшем подверглось философскому осмыслению в христианской и секулярной философии. Таким образом, бытие человека в христианстве исследуется одновременно с мифологической и философской точек зрения.

Научный интерес представляет рассмотрение взаимосвязи философского и мифологического аспектов бытия человеческой личности в рамках последовательно теистической христианской философии. Учитывая, что в истории философии предпринималось множество попыток осмысления библейской концепции бытия человека, целесообразно ограничиться разбором лишь некоторых направлений философской мысли, например патристики (в философской и богословской мысли ее представители традиционно именуют отцами Церкви) и российского духовно-академического теизма XIX в. По нашему мнению, акцент на этих направлениях позволит систематически рассмотреть православную интерпретацию истока личностного бытия человека. Полагаем, что они являются философскими традициями, актуальными для изучения. Интерес к данным направлениям христианской философии представляется вполне логичным, так как патристика оказала существенное влияние на русскую религиозную философию [3]. Происхождение человека и его сущность в рамках христианской традиции описаны в первую очередь в Книге Бытия (первая часть Ветхого Завета), что диктует необходимость начать анализ с нее.

Итак, цель настоящей статьи — экспликация ведущих аспектов бытия человеческой личности, существующих в ней изначально в рамках патристики и российского духовно-академического теизма XIX — начала XX в. Новизна исследования заключается в том, что, во-

первых, зарождение личностного бытия человека в рамках христианской философии рассматривается на стыке мифологического и философско-антропологического аспектов личностного бытия; во-вторых, выделяются ведущие аспекты бытия человека в рамках христианской философии; в-третьих, личное бытие человека анализируется в противопоставлении двух традиций — христианской религиозной античной и российской духовно-академической философии.

Происхождение человека отражено в Ветхом Завете, в Книге Бытия (гл. 1 и 2). О человеке говорится в стихах 26–30 гл. 1 и стихах 7–9, 15–25 гл. 2. Христианский Бог в православии трактуется как личностное существо, которое выступает причиной своего бытия, творцом небожественного бытия. Такое совершенное существо не является всем сущим, но присутствует в нем. Бог представляется в рамках философской, религиоведческой и теологической мысли как теистический.

Рассмотрим ветхозаветную концепцию происхождения и сущности человека на основании глав 1–3 Книги Бытия. Бог сотворил человека по своему образу и подобию, определив человеку «владычествовать» над животными (Быт. 1: 26). Эта идея продолжилась и в дальнейшем тексте: человек дал имена животным (Быт. 2: 20). Также подчеркивается, что творение человека потребовало от Бога двух действий — создания из земли и передачи ему «дыхания жизни» (Быт. 2: 7). Таким образом, человек предполагается похожим на совершенное существо, но имеющим тело, созданное из земли. То есть уже здесь показан ряд отличий человека и Бога. Бог появился раньше человека и творит его. У человека есть вещественное тело, а у Бога его нет. Сверхсущее дает человеку, а человек его принимает, значит, у Бога эта власть была еще до творения человека. Иными словами, человек изначально менее совершенный, чем Бог. Другое важное отличие человека от Бога — наличие у человека двух полов — мужского и женского. Бог сотворил женщину из ребра мужчины (Быт. 1: 27; 2: 20–25). У совершенного существа пола нет.

Если исходить из христианского понимания совершенного существа, то оно троично по природе, представляет собой единство трех существ в одной природе, способных к взаимному общению. Вероятно, именно это имеется в виду, когда утверждается, что человек сотворен по образу совершенного существа в контексте полового бытия человека (Быт. 1: 27). Далее говорится, что человеку не следует быть одному, а среди животных нет существа, соответствующего ему (Быт. 2: 18). Таким образом, в сущность человека заложен диалогизм, присущий и троичному сверхсущему. Однако, как мы полагаем, экспликация диалогизма без экспликации рефлексии как одного из сущностных свойств человека является неполной. Иначе говоря, формулировка человеком имен животных и сущности мужчины и женщины имеет и рефлексивный аспект — человек способен отличить себя от окружающего мира, животных, одного человека от другого, иначе говоря, человек различает Я и не-Я. В таком случае получается, что у человека самосознание существует перед тем, как он различает Я и не-Я. То есть с точки зрения Книги Бытия человек способен к рефлексии.

Другим немаловажным фактором человеческого существования, рассмотренным в Книге Бытия, выступает морализм бытия человека. В этом смысле Ветхий Завет подчеркивает два аспекта: внешний и внутренний. С одной стороны, совершенное существо сообщает человеку, что можно и что нельзя делать: человеку предписывается есть плоды всех деревьев, кроме плодов дерева познания добра и зла (Быт. 1: 29–30). Однако человек попробовал плод дерева познания добра и зла (Быт. 3: 6). С другой стороны, мораль — человеческое чувство, определяющее его действия. В этом смысле интересно, что человек не стыдился того, что он голый (Быт. 2: 25), а после познания добра и зла ему стало стыдно ходить голым, у человека возник стыд перед сверхсущим (Быт. 3: 7, 10). Глава 3 Бытия также косвенно подчеркивает способность человека нарушать моральные нормы и диалогизм бытия человека (здесь описываются три диалога — человека со змеем, людей между собой, человека и совершенного существа). При этом диалог требовал от человека совершения ответственного выбора: каждый из людей решал лично за себя, есть ему или не есть плод с дерева познания добра и зла, сознаться ли сверхсущему в нарушении заповеди или нет.

Однако человек понимал, что такое добро и зло, и без употребления в пищу соответствующих плодов. Совершенное существо ему это объяснило, отдельно предупредив о последствиях (Быт. 2: 16–17). Но тем не менее человек решил познать добро и зло и «стать как боги». Пола-

гаем, что с философской точки зрения в данном случае разница между познанием в заповеди и познанием через физическое употребление плодов с дальнейшими последствиями представляет собой разницу между гносеологическим и онтологическим знанием. Человек рационально знал и понимал последствия своих действий, т.е. обладал знанием с гносеологической точки зрения. Приняв же последствия от употребления в пищу плодов с дерева добра и зла, он приобрел знание онтологическое — была изменена природа человека, что оказало влияние на его жизнь и последующие поколения людей. Также, говоря о моральном аспекте бытия человеческой личности, важно подчеркнуть не только укорененность морали в бытии человека, но и ее связь с богопознанием. По контексту ясно, что человеку необходимо заниматься познанием Бога. В той же Книге Бытия говорится о личном общении человека и Бога (Быт. 2: 16–17), «хождении» человека перед совершенным существом (Быт. 5: 22, 6: 9), призыве человека к послушанию и доверию сверхсущему (Быт. 12: 1–4) и т.д.

Итак, исследование вопроса о происхождении человека и его сущности в рамках Книги Бытия позволяет прийти к следующему выводу. Человек имеет пять важнейших аспектов своего бытия: он похож на совершенное существо, является диалогическим и рефлекслирующим, способен делать собственный выбор и быть самостоятельным существом, существует как моральный субъект — субъект моральной ответственности, обладает способностью к познанию сверхсущего.

Представитель патристики Иустин Философ утверждал, что бытие сверхсущего отличается от бытия животных, их бытие невозможно познать. Познание совершенного существа возможно с помощью ума [4, с. 138–139]. При этом «души способны понимать, что есть Бог и что справедливость и благочестие — добро» [4, с. 141]. Таким образом, Иустин Философ стремился обосновать подобие природы человека природе совершенного существа через противопоставление природы разумных существ неразумным. Исходя из того, что человек — рациональное существо, мыслитель полагал, что человек способен познавать Бога. Также он утверждал, что человек способен отличать добро и справедливость от зла и несправедливости. Думается, что это возможно благодаря разумной природе человека. В данном случае речь может идти о рациональности и рефлексивности как свойстве познавательной деятельности человека.

Григорий Нисский, Василий Великий и Григорий Богослов представляют одну философскую школу — каппадокийскую. Однако, говоря о способности человека к рефлексии своего самосознания, логичнее рассматривать философию Григория Богослова и Августина Блаженного вместе, хотя между их сочинениями нет прямой связи (только тематическая).

Важнейшей заслугой каппадокийской школы христианской философии является различение понятий «сущность», «природа», «личность (ипостась)». О.О. Козарезова показала, что «вслед за Василием Великим и Григорием Богословом, Григорий Нисский утверждает, что все Три Лица едины в своей нераздельности ни по воле, ни по месту, ни по времени. Все Три действуют одновременно ... Отсюда Бога мы именуем в единственном числе, а ипостась — Божественностью или Божеством ... Таким образом, неверно говорить „три Бога“, ибо их деятельность единая по своему источнику, по участию всех трех Ипостасей» [5, с. 248]. А. Якименко уточнил соотношение сущности и ипостаси в трудах философов-каппадокийцев: «ипостась выступает как носитель, обладатель природы, логически предшествует ей, но не мыслится без нее» [6, с. 41]. Здесь понятия «сущность» и «природа» выступают как синонимы, как и «личность», «ипостась», «лицо». С точки зрения бытия совершенного существа, как показано в рассматриваемой философской традиции, личность без природы не существует, но бытие возможно только как личное индивидуальное. Все три лица Троицы — существа индивидуальные, но в силу одинаковости, идентичности их природы у них одинаковая воля, одинаковое мышление и т.д., но различное самосознание.

Василий Великий говорил о рациональном характере человеческого Я: Я — разумное начало души. И именно с разумным характером человеческой души он связывал наличие в человеке образа совершенного существа: «Человек есть разумное творение Бога, созданное по образу его Творца» [7, с. 438]. Однако отец Церкви подчеркивал и наличие у человека власти над животными, причем духовной, а не физической, так как человек, очевидно, зачастую физически слабее животных. Власть человека над животными возможна благодаря наличию разума [7, с. 436–

438]. Получается, что Василий Великий отстаивал рациональный характер человеческого самосознания, а значит, и рефлексии собственного Я.

Григорий Нисский полностью посвятил свой труд человеку. Он акцентировал внимание на том, что человек совершеннее из всех сотворенных совершенным существом особей. Природа человека не поддается пониманию, но личность изучить возможно. Бытие человека приспособлено для использования слов, общения на различных языках. Философ подчеркивал, что в полном смысле словом «душа» может именоваться только разумная часть души. Однако человеческие действия должны определяться не разумом, а умом, который действует посредством чувств. У ума в человеческом теле нет конкретного места пребывания, он напрямую связан с нравственным состоянием человека. Говоря о сущности «образа Божьего», Григорий Нисский сводил его к словесности и разумности, но показывал, что он похож и на существ бессловесных: человек разделен на два пола — мужской и женский [8, с. 76–222]. Григорий Нисский отмечал рациональный и диалогический характер бытия человека. Однако диалогичность, по его мысли, имеет два аспекта — словесность человека и разделение на два пола (все это предполагает необходимость общения и выработки личного отношения к собеседнику).

Григорий Богослов продолжил развитие идей каппадокийцев. В стихотворении «О душе» [9, с. 25–28] он изложил взгляды, созвучные идеям Василия Великого и Григория Нисского. Он писал о сотворении человека по образу и подобию совершенного существа, показывал рациональный характер бытия человека, рассуждал о различии души и тела, полагал, что человек был не готов есть плод от дерева познания добра и зла, так как нравственность им еще не была осознана. Вообще говоря, Григорий Богослов был не единственным каппадокийцем, рассуждавшим о морали. Например, Василий Великий посвятил нравственности фундаментальный труд [10], в котором изучил разные нравственные состояния человека и их связь с различными состояниями души. Иными словами, неверно утверждать, что кто-то из философов — представителей патристики в той или иной степени игнорировал моральный аспект бытия человека — в разной степени они все исследовали данный вопрос. Так, он был основным для Иоанна Златоуста [11]. Через нравственную проблематику философ раскрывал вопросы, связанные с бытием человека и сверхсущего, как и вопрос богопознания. В конечном счете труды были посвящены познанию различных аспектов бытия совершенного существа и человека.

Кроме того, именно философские труды каппадокийцев позволяют человека называть личностью, различая в нем природу и личность, аналогично бытию лиц сверхсущего. До них существовало лишь перечисление онтологических свойств человека, которые с позиции исследования после IV в. н.э. можно было бы с полным правом называть личными, личностными. С этой точки зрения интересен Бозций, философия которого ознаменовала переход от философии античной к средневековой. По его мнению, личность — это «индивидуальная субстанция разумной природы» [Цит. по: 12, с. 116]. Бозций подчеркивал индивидуальный, т.е. онтологически самостоятельный характер бытия человеческой личности, рациональный характер ее самосознания и рефлексии. То есть в этом простом определении содержится итог развития представлений о человеке в трудах отцов Церкви. Однако в нем нет указания на моральную сторону бытия человеческой личности и необходимость богопознания, что в большей степени соответствовало бы логике развития патристики. Хотя под «субстанцией» в данном случае он имел в виду понятие «ипостась».

Климент Александрийский, Афанасий Великий, Кирилл Александрийский в своих религиозно-философских трудах соединяли решение онтологических моральных вопросов. Всех троих интересовал вопрос о природе Иисуса Христа как второго лица совершенного существа. Климент и Афанасий доказывали, что Сын единосущен Отцу (в этом смысле подобосущным сверхсущему может быть только человек — человек сотворен, но по «образу и подобию» совершенного существа). Кирилл обосновывал сочетание божественного и человеческого в личности Иисуса Христа.

Климент Александрийский применительно к сверхсущему использовал термины «педагог» и «логос», подчеркивая, что человеку необходимо у него учиться, также утверждая, что Божество рационально по своей природе. Решение всех морально-нравственных вопросов, включая взаимодействие мужчин и женщин, требует обучения у совершенного существа. Кроме того,

мыслитель ввел противопоставление «нравственно доброго» и «нравственно злого», полагая, что первое рационально, а второе — нет. Иными словами, «нравственно доброе» характеризует природу логоса. При этом «нравственно доброе» предполагает благость, а не правосудие. После чего античный философ дал советы морально-нравственного характера по некоторым аспектам человеческой жизни [13]. Таким образом, Климент подчеркивал нравственный аспект бытия рациональной личности — божественной и человеческой. Получается, разум, нравственность и личностное бытие неразрывно связаны между собой и в каком-то смысле представляют собой одно и то же явление: разум и нравственность проявляются только личностным образом, а личность может быть только рациональной и моральной.

Афанасий Великий столь же глубоко, как и Климент Александрийский, изучал онтологические вопросы, связанные с божественной и человеческой сторонами бытия Иисуса Христа [14]. Однако монах и пропагандист монашества акцентировал внимание не на двуполом бытии человека, а на монашеском девственном образе жизни [15]. По его мнению, подвижнический образ жизни позволяет жить, «имея просвещенную мысль, чистый ум и озаренные [Божиим Светом] мысленные очи» [15]. Афанасий Великий так же, как и другие античные философы, христианские мыслители, рассматривал природу человека как рациональную.

Работы Кирилла Александрийского в области онтологии признаны важными в рамках христианской философии, поэтому издаются в деяниях Вселенских соборов [16]. Значительное внимание моральным вопросам он уделил в четырех трудах «О правой вере» [17–20], в которых в доступной для образованного человека эпохи Античности форме стремился изложить основы христианской религиозной философии. Подчеркивая связь морали и воли совершенного существа, мыслитель отмечал: «Вы стремитесь и мыслить, и поступать как Ему угодно ... выделяясь делами и безукоризненной верой» [17, с. 444]. Таким образом, Кирилл утверждал, что реализация моральных норм без познания сверхсущего невозможна, но для этого человеку необходимо поступать морально, думать и верить в согласии с законами морали. Вновь в рамках античной христианской философии подчеркивается рациональный и нравственный характер бытия человеческой личности.

Августин Блаженный и Григорий Богослов изучали проблему рефлексии, в том числе собственного Я, т.е. собственное самосознание. Григорий Богослов писал: «Кто я был?.. Кто я теперь? И чем я буду? Ни я не знаю этого, ни тот, кто обильнее меня мудростью... Я существую. Скажи: что это значит? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным я буду, если только буду. Я не что-либо непременно, но ток мутной реки, который непрестанно притекает и ни на минуту не стоит на месте. Чем из этого назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое „я“? Объясни мне это, но смотри, чтобы теперь этот самый „я“, который стою перед тобою, не ушел от тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же течению реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким ты его видел прежде» [Цит. по: 21, с. 149]. Мыслитель прямо говорил об изменчивости человеческой индивидуальности и рассуждал о человеческом Я и самосознании. Стихотворения Григория Богослова характеризуются также эмоциональной напряженностью вследствие размышления и рефлексии.

Такая же напряженность присуща и творчеству Августина Блаженного: «Когда я увидел, что духовными детьми Твоими, которых Ты возродил благодатью от Матери Церкви, создание человека по образу Твоему не понимается так, будто Ты ограничил себя обликом человеческого тела (хотя я еще не подозревал, даже отдаленно, даже гадательно, что такое духовная субстанция), то я и покраснел от стыда и обрадовался, что столько лет лаял не на Православную церковь, а на выдумки плотского воображения» [22, с. 138]. В данном отрывке Августин Аврелий вел односторонний безответный диалог с совершенным существом: он показал свое самосознание на примере осознания им одного из положений христианской философии, неправильное понимание которого вызывало у него стыд, а переход к правильному — радость. Таким образом, по учению Августина Блаженного, человек не просто переживает эмоциональные состояния, но и способен рефлексировать свои эмоции и чувства, понимание того, какие явления и события причиной каких переживаний становятся.

Григорий Богослов и Августин Блаженный эксплицировали эмоциональный аспект нравственной жизни человека: рефлексия собственного Я, равносильно и познание совершенного существа и мира, вызывает у человека нравственное напряжение, что ведет к появлению соответствующих эмоций. Исходя из показанной отцами Церкви связи между индивидуальным Я конкретного человека, рациональным и нравственным характером его бытия, полагаем, что рефлексия собственного Я, формирование собственного самосознания носят морально-рациональный характер. Сужение рефлексии до ее рационального компонента дает неполное представление о ней. А, учитывая связь морали, ума и чувств, также можно говорить и о рационально-чувственном характере рефлексии.

Однако раскрытие эмоционального аспекта моральной жизни человека и рефлексии его самосознания не является чем-то принципиально новым по сравнению с гл. 1–3 Книги Бытия — стыд, который испытывал человек, когда преступал нравственные законы (в частности, попробовал плод дерева добра и зла), описан еще там. Но неверно считать, что представители патристики лишь качественно прокомментировали книги Библии, Бытие в частности: проблема происхождения человека и его сущности была ими исследована и на уровне комментария религиозных текстов, и путем творческой адаптации, рецепции античной нехристианской философии, собственного опыта, опыта многих поколений людей и т.д. В этой связи необходимо говорить о совпадении мировоззренческих установок с христианским религиозно-философским учением при самостоятельном философском осмыслении особенностей личностного бытия человека. Их философия — это результат адаптации различных направлений философской мысли. Итак, в патристике мыслители рассматривали бытие человека в контексте теизма, персонализма, диалогизма и рефлексивности, морализма, стремления к богопознанию.

В рамках российского духовно-академического теизма XIX — начала XX в. изучение бытия человеческой личности продолжим по пяти вышеназванным аспектам.

Отечественный мыслитель XIX в. Филарет (Дроздов) изучил Книгу Бытия, включая вопрос о происхождении и сущности человека. Он подчеркивал, что совершенное существо создавало человека не сразу, а в три этапа: сначала сверхсущее приняло решение о сотворении человека, затем создало его из земли и только после этого породило в нем «душу живую» [23, с. 36–37]. Русский мыслитель также отдельно отмечал, что означают «образ и подобие». Одним из важнейших аспектов образа является свобода человека — свобода выбирать между добром и злом. Наличие свободы предполагает испытание воли и выбора человека. Испытать было необходимо внутренний естественный закон любви человека к сверхсущему [23, с. 43]. В данном случае Филарет рассуждал в терминах, характерных для отечественной духовно-академической философии, — дихотомия нравственного чувства и нравственного закона. Закон — результат реализации на практике чувства [24, с. 48]. Иначе говоря, его вопрос сводился к тому, будет человек реализовывать на практике свое нравственное чувство или нет. Однако тот предпочел стремление «быть как боги».

Здесь однозначно проявляется различие в трактовке морализма отцами Церкви и русскими философами. Представители патристики, естественно, признавали свободу выбора человека между добром и злом и необходимость помощи сверхсущего, чтобы человек сделал выбор в пользу добра, а также значение заповедей, т.е. внешних относительно человека законов, но не рассматривали моральный аспект бытия человека как индивидуальное нравственное чувство и индивидуальный нравственный закон. По их мнению, знание о добре и зле — часть природы человека. Однако выделение нравственного чувства как отдельного феномена, как мы полагаем, полностью соответствует логике отцов Церкви. Так, Климент Александрийский считал нравственность рациональной (нравственность пребывает в разуме каждого человека), а Григорий Нисский и Афанасий Великий сопоставляли ум, чувства и нравственное состояние человека. На эмоциональную напряженность морального выбора указывала не только Книга Бытия, но и Григорий Богослов и Августин Блаженный. Кроме того, русские философы-теисты показали, что нравственный закон может быть не только внешним (заповеди), но и внутренним (результат постоянной практической реализации нравственного чувства). Данное различие имеет принципиальный характер, но это не противоречие между двумя направлениями христианской философии, а дальнейшее развитие учения о моральной стороне бытия человеческой личности.

Следствием развития идей античной философской патристики о рационально-словесном характере бытия человека, ярко проявившихся в рассмотренных выше учениях Григория Нисского и Григория Богослова, можно считать российскую духовно-академическую философию языка. Отечественные мыслители акцентировали свое внимание на словах, их значении в различных языках, применении языка для межличностного диалога и т.д. Например, А.П. Смирнов сделал вывод о связи языка и разума [25] (мы полагаем, что в этом случае речь идет о развитии учения о словесно-рациональном характере бытия человека). А.А. Некрасов отметил, что способность человека к смыслообразованию неразрывно связана с языком [26]. Смыслообразование предполагает наличие у человека разума, критической мыслительной деятельности, учета морального чувства и личных ценностей в процессе мышления. Также разрабатывались практические положения философии языка, в частности теория перевода с русского языка на иностранные языки Н.И. Ильминского [27]. Мы не утверждаем, что имело место прямое заимствование каких-либо идей античной философии, а лишь отмечаем, во-первых, наличие преемственности между античной и российской духовно-академической философией; во-вторых, знакомство отечественных мыслителей с трудами античных. Ведь в духовных академиях преподавались курсы истории философии и истории церкви, в рамках которых в той или иной степени изучалось античное наследие.

Если сопоставлять онтологические свойства человека в античной и русской философии, то принципиальных отличий выявить не удастся. В этом смысле показательно учение русского философа-теиста Ф.А. Голубинского: «Душа, как субстанция, непрестанно действующая из себя, единая и неизменяющаяся в своей сущности ... носит подобие самостоятельности бесконечного существа ... она, как субстанция ограниченная, в этих же самых свойствах остается несравненно ниже Него. Бесконечное существо имеет самостоятельное бытие от самого себя. А душа человеческая получает самостоятельность от него...» [28, с. 43]. Таким образом, снова говорится о человеческой субстанции-ипостаси, свойства которой заданы сверхсущим. Однако в русской религиозной философии существовала оппозиция теизм — панентеизм, отраженная П. Ладусером [29], что побудило российских духовно-академических теистов отстаивать определение личности как индивидуального и онтологически самостоятельного существа [30]. В античной христианской философии были свои дискуссии — о сущности совершенного существа, природе Иисуса Христа и т.д. То есть наличие дискуссий с альтернативными точками зрения в контексте исследуемых религиозно-философских традиций — черта их сходства, как и поиск новых сторонников, чем объясняется интерес к апологетике и иностранным языкам.

Если рассматривать рассказ о происхождении человека в Книге Бытия как миф (К.Г. Юнг, А.Ф. Лосев), то данное повествование, безусловно, необходимо считать мировоззренческой основой философствования о человеке античных и русских мыслителей, являвшегося предметом их веры и эмоционального и чувственного переживания, вызывавшего необходимость обосновывать правильность собственной позиции несогласным. Именно переживание реальности рассказа из Книги Бытия вызывало полемическую активность и стремление эксплицировать и развивать христианско-философское учение о человеке как личности. В этом смысле российские духовно-академические теисты продвинулись дальше своих античных коллег — они расширили учение о нравственном аспекте человеческого бытия, что и превратилось в одно из важнейших оснований православной персонологии. Учение Книги Бытия о происхождении и сущности человека стало предметом коллективного переживания (в рамках коллективного бессознательного, с точки зрения К.Г. Юнга) и индивидуальной рефлексии (миф — основа личностного, а не коллективного бытия, с точки зрения А.Ф. Лосева). Итак, учение, лежащее в основе Книги Бытия, в рамках христианской философии — это миф, который является реальностью, основой личного самосознания и коллективного бессознательного переживания. Миф о человеке, представленный в Книге Бытия, подвергшийся рациональному осмыслению в последующей христианской философии, порождает концепцию личности, исходя из которой она выступает моральным субъектом — субъектом нравственной ответственности.

По определению М.Г. Подгорной, Д.А. Саркисян, мифологическое мышление — особая форма «мышления ... человека, где миф, возникая как данность, облекается в символическую форму, продиктованную спецификой образно-чувственного характера познавательного взаимо-

действия человека с окружающим миром и призванную как можно более полно выразить мироощущение» [31, с. 9]. И действительно, христианская философия по своей природе символична, строится в рамках «образа и подобия», что воспринимается человеком на уровне чувства и, естественно, влияет на его познание. Христианский миф призывает человека быть символом совершенного существа, в полной мере воплощать заложенные им свойства. Собственно, как полагал Василий Великий, образ заключается в разумной природе человека, а подобие — в реализации моральных интенций человеческого бытия, уподоблении сверхсущему через становление человека христианином [7, с. 438, 442–443]. В таком случае христианское учение о человеке мифологично и без мифологического повествования как рациональная философия, не имеющая своего предмета веры, существовать бы не смогло.

Список источников

1. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 559 с.
3. Zozul'ak J. The influence of Greek spirituality on Russian culture // Religions. 2021. Vol. 12, № 7. Art. 455. EDN: JSJSSB. <https://doi.org/10.3390/rel12070455>
4. Сочинения святого Иустина философа и мученика. М.: Университетская тип., 1892. 474 с.
5. Козарезова О.О. Сущность и ипостась в троическом богословии каппадокийцев // Преподаватель XXI век. 2012. № 4. С. 242–249. EDN: PXBMXP.
6. Якименко А. Учение каппадокийских отцов о сущности и ипостаси // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 33–43. EDN: ZDPINHV.
7. Святитель Василий Великий. Творения : в 2 т. Т. 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М.: Сибирская Благовонница, 2008. 1136 с.
8. Творения святого Григория Нисского. М.: Тип. В. Готье, 1861. Ч. 1. 470 с.
9. Святитель Григорий Богослов. Творения : в 2 т. Т. 2 : Стихотворения. Письма. Завещание. М.: Сибирская Благовонница, 2007. 944 с.
10. Нравственные слова святого отца нашего Василия Великого. М.: Синод. тип., 1854. 251 с.
11. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Т. 3 : в 2 кн. СПб.: СПбДА, 1897. Кн. 1. 970 с.
12. Лосский Н.О. Богословские труды. М.: Московская патриархия, 1975. Сб. 14. 261 с.
13. Творения учителя церкви Климента Александрийского. Педагог. М.: МГУ, Учеб.-информ. экуменический центр ап. Павла, 1996. 292 с.
14. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. Ч. 1. 474 с.
15. Святитель Афанасий Великий. О девстве, или о подвижничестве // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/o-devstve-ili-o-podvizhnichestve/#source (дата обращения: 02.05.2026).
16. Деяния Вселенских соборов. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1892. Т. 2. 198 с.
17. Святитель Кирилл Александрийский. О правой вере к царевнам. Ч. I (главы 1–20) / пер. с древнегр. иерея В. Дмитриева, ред. пер., предисл. и примеч. иером. Феодора (Юлаева) // Богословский вестн. 2017. № 1–2 (24–25). С. 435–466. EDN: ZRXXOP.
18. Святитель Кирилл Александрийский. О правой вере царевнам. Часть II (главы 21–132) / пер. с древнегр. иерея В. Дмитриева, ред. пер., предисл. и примеч. иером. Феодора (Юлаева) // Богословский вестн. 2018. № 1 (28). С. 227–280. EDN: YLWDZZ.
19. Святитель Кирилл Александрийский. О правой вере царевнам. Часть III (главы 133–224) / пер. с древнегр. иерея В. Дмитриева, ред. пер., предисл. и примеч. иером. Феодора (Юлаева) // Богословский вестн. 2018. № 4 (31). С. 261–311. EDN: YPTBQL. <https://doi.org/10.31802/2500-1450-2018-31-4-261-311>
20. Святитель Кирилл Александрийский. О правой вере к царицам / пер. с древнегр. свящ. В. Дмитриева, ред. пер. и вступ. ст. иерод. Феодора (Юлаева) // Богословский вестн. 2009. № 8–9. С. 68–151. EDN: YTOIDL.
21. Керн К. Антропология свт. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 449 с.
22. Августин Аврелий Блаженный. Исповедь. М.: Даръ, 2005. 544 с.

23. *Филарет (Дроздов)*. Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сей книги на русское наречие. Ч. 1 : Сотворение мира и история первого мира. М.: Синод. тип., 1867. 133 с.
24. *Янышев И.Л.* Православно-христианское учение о нравственности: из лекций по нравственному богословию. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1906. 462 с.
25. *Смирнов А.П.* Язык и разум (окончание) // Вера и разум. 1889. № 20, кн. 2. С. 329–354.
26. *Некрасов А.А.* Слово и природа человека : публ. лекция. Казань: Университетская тип., 1869. 35 с.
27. *Ильминский Н.И.* Опыт переложения христианских вероучительских книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1885. 357 с.
28. *Голубинский Ф.А.* Лекции философии. Метафизическая психология. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1898. 142 с.
29. *Ladouceur P.* God and the world: Panentheism in modern Orthodox Christianity // *Zygon: Journal of Religion and Science*. 2025. Vol. 60, № 1. P. 336–357. EDN: RLRSBE. <https://doi.org/10.16995/zygon.11175>
30. *Пишун С.В.* Становление и развитие православной персонологии в России на протяжении XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1996. 40 с. EDN: ZLHXXP.
31. *Подгорная М.Г., Саркисян Д.А.* Мифологическое мышление в рецепции А.Ф. Лосева // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 3 (227). С. 4–11. EDN: LGGSLI. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-4-11>

References

1. Jung C.G. *Soul and myth: six archetypes*. Kiev: State Library of Ukraine for Youth; 1996. 384 p. (In Russ.).
2. Losev A.F. *Dialectics of myth*. Moscow: Thought; 2001. 559 p. (In Russ.).
3. Zozul'ak J. The influence of Greek spirituality on Russian culture. *Religions*. 2021;12(7):455. EDN: JSJSSB. <https://doi.org/10.3390/rel12070455>
4. *Works of Saint Justin the Philosopher and Martyr*. Moscow: University Printing House; 1892. 474 p. (In Russ.).
5. Kozarezova O.O. Essence and hypostasis in the Trinitarian theology of the Cappadocians. *Educator of the 21st Century*. 2012;(4):242-249. (In Russ.). EDN: PXBMXP.
6. Yakimenko A. The doctrine of the Cappadocian fathers on essence and hypostasis. *Christian Reading*. 2017;(4):33-43. (In Russ.). EDN: ZDPIHV.
7. *Works of Saint Basil the Great: in 2 vols. Vol. 1: Dogmatic-polemical works. Exegetical writings. Discourses*. Moscow: Siberian Belfry; 2008. 1136 p. (In Russ.).
8. *Works of Saint Gregory of Nyssa*. Moscow: Gauthier Printing House; 1861, part 1. 470 p. (In Russ.).
9. Saint Gregory the Theologian. *Works: in 2 vols. Vol. 2: Poems. Letters. Testament*. Moscow: Siberian Belfry; 2007. 944 p. (In Russ.).
10. *Moral words of Our Holy Father Basil the Great*. Moscow: Synodal Printing House; 1854. 251 p. (In Russ.).
11. *Works of Our Holy Father John Chrysostom*. Vol. 3: in 2 books. St. Petersburg: St. Petersburg Theological Academy; 1897, book 1. 970 p. (In Russ.).
12. Lossky N.O. *Theological works*. Moscow: Moscow Patriarchate; 1975, coll. 14. 261 p. (In Russ.).
13. *Works of the teacher of the Church Clement of Alexandria. The pedagogue*. Moscow: Moscow State University; Educational and Information Ecumenical Center of St. Paul; 1996. 292 p. (In Russ.).
14. *Works of Our Holy Father Athanasius the Great*. Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra; 1902, part 1. 474 p. (In Russ.).
15. Saint Athanasius the Great. On Virginité, or On Asceticism. *Alpha and Omega*. 2000;(2). Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Afanasij_Velikij/o-devstve-ili-o-podvizhnichestve/#source [Accessed 2nd May 2026]. (In Russ.).
16. *Acts of the Ecumenical Councils*. Kazan: Printing House of the Imperial University; 1892, vol. 2. 198 p. (In Russ.).
17. Saint Cyril of Alexandria. On the right faith to the princesses. Part I (Chapters 1-20). Transl. from Ancient Greek by Priest V. Dmitriev, ed., preface and notes by Hieromonk Feodor (Yulaev). *Theological Bulletin*. 2017;(1-2):435-466. (In Russ.). EDN: ZRXKOP.

18. Saint Cyril of Alexandria. On the right faith to the princesses. Part II (Chapters 21-132). Transl. from Ancient Greek by Priest V. Dmitriev, ed., preface and notes by Hieromonk Feodor (Yulaev). *Theological Bulletin*. 2018;(1):227-280. (In Russ.). EDN: YLWDZZ.
19. Saint Cyril of Alexandria. On the right faith to the princesses. Part III (Chapters 133-224). Transl. from Ancient Greek by Priest V. Dmitriev, ed., preface and notes by Hieromonk Feodor (Yulaev). *Theological Bulletin*. 2018;(4):261-311. (In Russ.). EDN: YPTBQL. <https://doi.org/10.31802/2500-1450-2018-31-4-261-311>
20. Saint Cyril of Alexandria. On the right faith to the queens. Transl. from Ancient Greek by Priest V. Dmitriev, ed. and intro. by Hierodeacon Feodor (Yulaev). *Theological Bulletin*. 2009;(8-9):68-151. (In Russ.). EDN: YTOIDL.
21. Kern K. *Anthropology of St. Gregory Palamas*. Moscow: Pilgrim; 1996. 449 p. (In Russ.).
22. Augustine Aurelius the Blessed. *Confessions*. Moscow: Gift; 2005. 544 p. (In Russ.).
23. Filaret (Drozdov). *Notes guiding to a fundamental understanding of the Book of Genesis, including a translation of this book into the Russian dialect. Part 1: Creation of the world and history of the first world*. Moscow: Synodal Printing House; 1867. 133 p. (In Russ.).
24. Yanyshchev I.L. *Orthodox Christian doctrine of morality: from lectures on moral theology*. St. Petersburg: Merkushev Printing House; 1906. 462 p. (In Russ.).
25. Smirnov A.P. Language and reason (ending). *Faith and Reason*. 1889;(20-2):329-354. (In Russ.).
26. Nekrasov A.A. *Word and human nature: public lecture*. Kazan: University Printing House; 1869. 35 p. (In Russ.).
27. Ilminsky N.I. *An experience of transposing Christian doctrinal books into the Tatar and other non-Russian languages at the beginning of the current century*. Kazan: Printing House of the Imperial University; 1885. 357 p. (In Russ.).
28. Golubinsky F.A. *Lectures on philosophy. Metaphysical psychology*. Moscow: Snegireva Printing House; 1898. 142 p. (In Russ.).
29. Ladouceur P. God and the world: pantheism in Modern Orthodox Christianity. *Zygon: Journal of Religion and Science*. 2025;60(1):336-357. EDN: RLRSBE. <https://doi.org/10.16995/zygon.11175>
30. Pishun S.V. *Formation and development of Orthodox personology in Russia during the 19th century*. Dissertation Thesis. Moscow, 1996. 40 p. (In Russ.). EDN: ZLHXXP.
31. Podgornaya M.G., Sarkisyan D.A. Mythological thinking in the reception of A.F. Losev. *Bulletin of Higher Education Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*. 2025;(3):4-11. (In Russ.). EDN: LGGSLI. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-3-4-11>

Информация об авторе

Г.К. Эзри — кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и психологии БГПУ, докторант кафедры социально-гуманитарных наук ДВГУПС.

Information about the author

G.K. Ezri — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, BSPU; Doctoral Candidate of the Department of Social Sciences and Humanities, FESTU.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 07.06.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 18.05.2026; approved after reviewing 07.06.2026; accepted for publication 17.07.2026.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 94 (47).084

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-44-52>

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЧЛЕНОВ СЕКТЫ «НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ» ИЗ УРУГВАЯ В СССР: ОРГАНИЗАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ВЛАСТЬЮ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Андрей Анатольевич Аганов ^{1✉}, Александр Николаевич Усенко ²

^{1, 2} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ aganoff.a@yandex.ru ✉

² allexsandr@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности организации процесса переселения членов секты «Новый Израиль» во главе с их лидером В.С. Лубковым из Уругвая на территорию Сальского округа СССР в 1925–1926 гг. и их взаимодействия с советскими органами власти. Источниками послужили неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и Центре документации новейшей истории Ростовской области, которые впервые вводятся в научный оборот. Показано, что советские власти для восстановления сельского хозяйства страны привлекали к этому общины сектантов. Выявлено, что члены секты «Новый Израиль» создали в Уругвае коммуну «Труд, знание, совесть», от имени которой велись переговоры с властями. Прибыв в СССР, уполномоченный коммуны Т.Е. Жидков подписал предварительный договор с властями об аренде земли на территории Сальского округа, но его условия в скором времени были нарушены обеими сторонами. Несмотря на недовольство Северо-Кавказского краевого земельного управления, Народный комиссариат земледелия РСФСР оказывал коммуне поддержку. В результате после прибытия первой группы переселенцев из Уругвая обе стороны подписали окончательный договор об аренде земли. Сделан вывод, что организаторы секты с самого начала не планировали соблюдать его условия и не оправдали надежд власти.

Ключевые слова: коммуна «Труд, знание, совесть», коннозаводческое товарищество, В.С. Лубков, «Новый Израиль», переселение, Северо-Кавказское краевое земельное управление, Уругвай

Для цитирования: Аганов А.А., Усенко А.Н. Переселение членов секты «Новый Израиль» из Уругвая в СССР: организация и взаимодействие с властью (по архивным материалам) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 44–52. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-44-52>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE RELOCATION OF MEMBERS OF THE SECT “NEW ISRAEL” FROM URUGUAY TO THE USSR: ORGANIZATION AND INTERACTION WITH THE AUTHORITIES (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

Andrey A. Aganov ^{1✉}, Alexander N. Usenko ²

^{1, 2} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ aganoff.a@yandex.ru ✉

² allexsandr@bk.ru

Abstract. This article examines the organization of the resettlement of members of the sect “New Israel” - led by V.S. Lubkov - from Uruguay to the Salsk District of the USSR in 1925-1926, as well as their interactions with Soviet authorities. The study draws on previously unpublished archival materials from the State Archive of the Rostov Region and the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region, introducing them into scholarly discourse for the first time. It demonstrates that Soviet authorities engaged sectarian communities to help restore the country's agriculture. The study establishes that members of the sect “New Israel” had formed a commune in Uruguay named “Labor, Knowledge, Conscience,” which conducted negotiations with the authorities on their behalf. Upon arriving in the USSR, the commune's representative, T.E. Zhidkov, signed a preliminary land lease agreement for the Salsk District, though the terms were soon violated by both parties. Despite objections from the North Caucasus Regional Land Administration, the People's Commissariat for Agriculture of the RSFSR supported the commune. Consequently, following the arrival of the first group of settlers from Uruguay, both parties signed a final land lease agreement. The article concludes that the sect's organizers never intended to honor the agreement's terms from the outset and failed to meet the authorities' expectations.

Keywords: Commune “Labor, Knowledge, Conscience”, horse-breeding partnership, V.S. Lubkov, “New Israel”, resettlement, North Caucasus Regional Land Administration, Uruguay

For citation: Aganov A.A., Usenko A.N. The Relocation of Members of the Sect “New Israel” from Uruguay to the USSR: Organization and Interaction with the Authorities (Based on Archival Materials). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):44-52. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-44-52>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Первое десятилетие нахождения большевиков у власти в Советской России (СССР) являлось для сектантских общин «золотым веком». В эти годы отдельные представители партийно-государственной элиты относились к ним доброжелательно. Несмотря на то что большевики не были сторонниками подобных религиозных учений, они верили, что сектантские общины смогут стать союзниками в деле построения успешных коллективных хозяйств в деревне, и это позволит восстановить сельское хозяйство страны после разрушительной Гражданской войны. Поэтому советские власти поощряли переселение сектантов на территорию Сальского округа РСФСР, где им выдавали земли для ведения сельского хозяйства. Такая политика приводила к росту числа сект и их членов. Помимо переселения сектантов из внутренних российских губерний власти поощряли и реэмиграцию из иностранных государств (США, Канада). Некоторые руководители сект пытались воспользоваться этой ситуацией и получить на льготных условиях участки земли в РСФСР. Доказательством данного тезиса служит переселение членов секты «Новый Израиль» во главе с В.С. Лубковым из Уругвая на территорию СССР.

Цель настоящего исследования — рассмотрение процесса организации переселения членов секты «Новый Израиль» из Уругвая на территорию Сальского округа Северо-Кавказского края СССР в 1925–1926 гг. и их взаимодействия с властью. Тема весьма актуальна, поскольку проливает свет на особенности аграрной и миграционной политики советских властей в 1920-х гг. с привлечением религиозных общин для восстановления сельского хозяйства страны. При этом деятельность секты «Новый Израиль» и её непростые взаимоотношения с властью после переселения неоднократно привлекали внимание исследователей. Советские ученые подвергали критике порядки в секте и указывали, что она прекратила существование из-за мошеннических действий В.С. Лубкова и разгоревшихся в ней конфликтов [1–3]. В постсоветский период благодаря большей открытости архивов отмечалось, что эта секта потерпела крах из-за возросшего давления со стороны власти. Так, Н.В. Антонова частично касалась проблемы переселения секты в 1925–1926 гг., но не рассматривала вопрос ее взаимодействия с властью [4], а также оценивала количество членов секты, реэмигрировавших из Уругвая в СССР [5]. С.В. Петров подчеркивал, что новоизраильтяне не смогли выполнить условия подписанного с властями договора [6]. Научная новизна исследования заключается в комплексной реконструкции малоизученного эпизода советской миграционной и аграрной политики 1920-х гг., а также в демонстрации того, как религиозный фактор становился элементом переговорной стратегии в условиях раннего социалистического строительства. Источниковая база исследования представлена разнообраз-

разными материалами из Государственного архива Ростовской области и Центра документации новейшей истории Ростовской области, которые впервые вводятся в научный оборот. К методам настоящего исследования относятся историко-генетический, историко-системный и проблемно-хронологический. Применение историко-генетического и историко-системного методов позволило проследить динамику трансформации взаимоотношений между сектантской общиной и государством — от взаимного интереса к нарастающему конфликту ожиданий. Использование проблемно-хронологического метода помогло разбить тему на ряд проблемных блоков в хронологической последовательности.

Исследователи отмечали, что секта «Новый Израиль» была одним из ответвлений хлыстовства [4, с. 133]. Новоизраильтяне признавали Библию, но под Христом они понимали «Божью премудрость», или некий особенный дух, обитающий среди людей и вселяющийся в наиболее достойного человека. В конце XIX в. воронежский мещанин Василий Семенович Лубков провозгласил себя «богом» и стал лидером секты. Благодаря пропаганде идей равенства, братства и социальной справедливости секта обретала новых сторонников, и в начале XX в. в ней состояло до 20 тыс. чел. Но из-за преследований со стороны царских властей В.С. Лубков и около 2 тыс. его последователей в 1912 г. переехали в Уругвай. Там новоизраильтяне основали фермерскую колонию Сан-Хавьер, фактически создав коммуны, которая добилась определенных экономических успехов. В сложившихся условиях В.С. Лубков незаконно присвоил имущество коммуны и стал им распоряжаться по своему усмотрению. Это вызывало возмущение многих сектантов, и В.С. Лубков в 1925 г. стал планировать возвращение в СССР.

Советские власти были заинтересованы в переселении сектантов и сдаче им на арендных началах участков земли. Народный комиссариат земледелия (далее — НКЗ) РСФСР опубликовал осенью 1921 г. воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». Для переселения членов секты В.С. Лубков должен был договориться с НКЗ РСФСР об условиях аренды земли и формах. Поэтому он отправил на территорию Советского Союза своего приближенного Чучулина, дав ему полномочия по ведению переговоров с властями. При этом советские органы власти хотели, чтобы члены секты «Новый Израиль» создали на территории Западно-Коннозаводческого района Сальского округа объединение, которое в рамках договора занималось бы разведением лошадей для Красной армии.

Одновременно с переговорами Чучулин думал над созданием организационно-правовой формы будущего поселения реэмигрантов. Переселенцы из Уругвая должны были войти в состав кооперативной колонии «Маньч». Вместо устава была разработана программа переселения и устройства колонии [7, л. 110], согласно которой в состав объединения могли войти лица не моложе 18 лет. Средства колонии формировались из имущества и денег, вносимых её членами при вступлении, взамен член колонии получал от правления обязательство, где указывалась внесенная им сумма. Затем правление колонии «распределяло их на общественное имущество каждому члену» [7, л. 110] по его потребностям и возможности трудиться. Колония обязывалась снабжать всех своих членов средствами производства и потребления «в полной их потребности», добавляя это им в «дебет» [7, л. 110], а также она имела право увеличивать или сокращать «кредит» [7, л. 110] в зависимости от производительности труда. Произведенные продукты члены колонии должны были передавать правлению. Для выхода из состава колонии нужно было написать заявление об уходе за 2 месяца. Из внесенного пая вычитали обязательства и государственные повинности участника коммуны. После этого ему отдавали остаток средств в виде денег, инвентаря или скота — по его желанию. Каждый член колонии должен был обрабатывать свой участок и мог быть исключен из нее в случае несоблюдения этого правила. Ликвидация колонии могла произойти в случае принятия данного решения 2/3 всех членов и с разрешения административного органа власти. Фактически подобные пункты ничем не отличались от условий, прописываемых в уставах других иммигрантских коммун, существовавших на территории Северо-Кавказского края в 1920-х гг.

Однако Чучулин скончался в разгар переговоров с властями. Тогда В.С. Лубков направил для переговоров с НКЗ РСФСР другого своего приближенного — Т.Е. Жидкова. Именно он был уполномочен коммуной на подписание предварительного договора с НКЗ РСФСР. Об этом НКЗ РСФСР сообщил Северо-Кавказскому краевому земельному управлению (далее — крайзу)

17 августа 1925 г. [7, л. 1]. НКЗ отмечал, что лишь после подписания договора члены коммуны могли быть допущены к пользованию землей, но при этом его оформление в нотариальном порядке могло произойти только в случае прибытия части коммунаров в СССР — не менее 25 чел. Подобная позиция наркомата вызвана тем, что финансовые ресурсы реэмигрантов были необходимы для восстановления коневодства на территории Западно-Коннозаводческого района. Согласно условиям предварительного договора, коммуна должна была приступить к использованию участка осенью 1925 г. Поэтому к концу лета 1925 г. на территорию Западно-Коннозаводческого района из Уругвая должно было прибыть 50 членов коммуны, а также 150 членов секты, проживающих в различных регионах РСФСР. Последние должны были приниматься в коммуны на основе добровольного соглашения. В рамках этого Северо-Кавказскому крайзупоручено проконтролировать регистрацию коммуны, создать её правление. Также оно должно было проследить за тем, чтобы прием в члены коммуны «не вызывался соображениями спекулятивного характера и не носил характера кабальной сделки» [7, л. 1], а происходил на основе «программы переселения и устройства кооперативной колонии „Маньч“» [7, л. 1], которая временно заменяла собой устав. Власти опасались того, что руководство коммуны начнет заниматься злоупотреблениями при приеме советских граждан в её ряды.

Предварительный договор об аренде земли подписали 3 октября 1925 г. уполномоченный коммуны «Труд, знание, совесть» Т.Е. Жидков и НКЗ РСФСР [7, л. 51–57]. Коммуна обязывалась заниматься разведением верховых и военно-ремонтных лошадей и получала в аренду около 38 тыс. десятин земли (участки № 1–9) сроком на 24 года [7, л. 51]. Согласно организационному плану, который утверждался Северо-Кавказским крайзупо течение 1 года со дня подписания договора, объединение обязывалось рационально «организовать коннозаводческое хозяйство» [7, л. 51]. После одобрения договора необходимо было приступить к практической реализации и завершить все работы по нему в течение четырех лет, используя к концу данного срока все сданные в аренду земельные участки. В первый год аренды коммуна должна была купить 97 верховых маток, на 2-й год — еще 125. На 3-м году аренды коннозаводческий табун должен был включать 274 верховые матки, на 4-м году — 624. К концу 5-го года аренды в хозяйстве коммунаров должно было находиться 750 верховых маток, или 1 матка на 40 десятин земли [7, л. 52]. Коммуне поставили обязательство иметь на 3-й год аренды 17 жеребцов. Они должны были увеличиваться пропорционально росту маток из расчета на 1 жеребца 15 маток. Необходимо отметить, что НКЗ РСФСР, несмотря на предоставление земли, ставил коммуне жесткие условия по разведению лошадей, что было связано с нехваткой лошадей для кавалерийских частей Красной армии. Так, все приобретаемые коммуной лошади «для определения годности к производству военно-ремонтной лошади» [7, л. 52] осматривались специалистами НКЗ РСФСР и Народного комиссариата по военным и морским делам СССР. Кроме того, коммуна была обязана сдавать армии лошадей в определенном ведомством количестве по средней цене. Обязательным условием для коммуны являлась сдача 30 % лошадей от численного состава маток в возрасте от 3,5 до 6 лет [7, л. 52] каждый год. Ежегодно коммуны должна была проверять комиссия, члены которой отбирали часть лошадей для военного ведомства, а также для кастрации. Оценивалось соответствие кондициям военно-ремонтной лошади.

Еще коммуна должна была вложить в хозяйство в течение первых четырех лет не менее 1 млн р. золотом на покупку тракторов, скота и другой сельхозтехники [7, л. 53]. Власти желали привлечь финансы коммуны для использования их в хозяйстве, считая, что это поможет вывести хозяйство района на новый уровень. В первые 6 лет коммуне предоставлялась бесплатная аренда участков. В дальнейшем аренда становилась платной, и с каждым годом она росла, так как власти верили в то, что хозяйство коммунаров выйдет в плюс и будет получать необходимые доходы. Также коммуна обязывалась выплачивать налоги и нести повинности, пользуясь при этом льготами для коннозаводческих кооперативных хозяйств. Каждый год она должна была отчитываться перед военным ведомством, Северо-Кавказским крайзупи Сальским окружным земельным управлением (далее — СОЗУ). Для организации хозяйства коммуна принимала устав переселенческого товарищества, включающий в себя «пункты программы переселения и устройства» [7, л. 56] кооперативной колонии «Маньч». Согласно договору, планировалось переселить на участки 2 тыс. реэмигрантов из Уругвая и примерно 2100 граждан из различных

регионов СССР, желающих присоединиться к коммуне [7, л. 56]. Коммуна брала обязательство привезти из Уругвая в СССР 25 тракторов и другой иностранный сельскохозяйственный инвентарь. В рамках переселения к концу лета 1925 г. из Уругвая должно было прибыть 50 чел., в 1926 г. — 300, в 1927 г. — 500, в 1928 г. — 500, в 1929 г. — 1250 чел., из других регионов РСФСР — в 1926 г. — 1100, в 1927 г. — 500, в 1928 г. — еще 500 чел. Таким образом, власти надеялись, что спустя несколько лет, по завершении реэмиграции и за счет привлечения советских граждан, сектанты смогут создать высокоэффективное хозяйство.

После подписания предварительного договора о своем желании переехать на выделенный в аренду участок заявили члены секты, проживающие в Артемовском районе Донецкой губернии (272 чел.) [7, л. 7–8], ст. Уманской Кубанского округа (27 чел.) [7, л. 19–20], 2 семьи из сл. Сватово-Лучка Купянского района Харьковской губернии (12 чел.) [7, л. 21], Павелецкой волости Рязанской губернии (87 чел.) [7, л. 23–29], с. Мосальского Воронежской губернии (16 чел.) [7, л. 30], г. Грозного (56 человек) [7, л. 31–32], Тамбовской губернии (14 чел.) [7, л. 33]. Свое намерение вступить в состав коммуны выразили члены товарищества «Красный Маныч» и группа демобилизованных красноармейцев, проживающих на участке № 7, который был сдан в аренду секте [7, л. 3]. Такой интерес обусловлен тем, что советские граждане надеялись получить хорошие земельные наделы. Несмотря на это, В.С. Лубков со своими сторонниками позже будет подвергать их дискриминации [8, л. 406].

На деле возникали и определенные трудности. Так, СОЗУ столкнулось с проблемой. На участке № 9, который передавался коммуне, находилась агробаза. В связи с необходимостью «иметь базу для выращивания ремонтной лошади» [7, л. 60] для нужд кавалерийских частей представитель ОГПУ обратился в крайзу и потребовал передать участок ведомству. Крайзу решило выполнить эту просьбу. СОЗУ в начале января 1926 г. одобрило данный шаг, и после этого крайзу 19 января 1926 г. [7, л. 61] направило письмо в НКЗ РСФСР, в котором просило его изменить условия арендного договора с коммуной.

Появились и другие проблемы. Узнав о том, что на планируемых к сдаче в аренду участках находятся различные группы переселенцев, управление мелиорации земель НКЗ РСФСР потребовало от крайзу 12 декабря 1925 г. внести изменения в договор [7, л. 49]. Отвечая на его запрос, 14 декабря 1925 г. крайзу сообщало, что в проекте договора с коммуной «замечается некая несогласованность» [7, л. 50]. Так, в нем присутствуют две цифры площади сдаваемых участков — 30 тыс. и 38 тыс. десятин земли, хотя в реальности она составляла 42 300 десятин [7, л. 50]. При этом на участке № 1 были поселены 5 групп переселенцев: «Казачий хомутец», «Прогресс», «Красный Маныч», товарищество «Красноармеец» и группа Курносенко. Часть участка № 9 планировалось передать ОГПУ для «разведения верховой лошади, в целях ремонта кавалерийских частей» [7, л. 50] войск госбезопасности. Фактически свободной земли на участках оставалось 34 801 десятина [7, л. 50]. Крайзу полагало, что 30 тыс. десятин земли будет достаточно для коммуны, и считало, что данные изменения необходимо было внести в текст окончательного договора. Таким образом, власти первыми нарушили условия договора с коммуной.

Но действия уполномоченного коммуны Т.Е. Жидкова вызвали беспокойство у краевых властей. На заседании Северо-Кавказского краевого землеустроительного совещания 4 апреля 1926 г. обсуждался вопрос, касающийся выполнения условий предварительного договора коммуной «Труд, знание и совесть» [7, л. 79]. Его участники обратили внимание на то, что коммуна не выполняет всех условий. Кроме уполномоченного, из Уругвая не прибыл ни один коммунар, коммуна не приступила к использованию участка. Сам Т.Е. Жидков заселял переданные в аренду участки гражданами СССР в качестве членов иностранной коммуны и добивался для них выделения льгот, несмотря на то что они не занимались коневодством и сельским хозяйством. Такие нарушения Северо-Кавказский краевой переселенческий отдел считал «ненормальными» [7, л. 79] и просил пресечь эту деятельность. Поэтому на совещании было решено обратиться в НКЗ РСФСР с просьбой «разбронировать» [7, л. 79] участки или же запретить дальнейшее заселение их советскими гражданами до прибытия переселенцев из Уругвая с необходимым имуществом. Земельные власти сделали вывод, что Т.Е. Жидков на территории создал «частное переселенческое бюро» [7, л. 62]. Они боялись злоупотреблений при использова-

нии льгот, предоставляемых иммигрантам, так как огромное количество советских граждан желало переселиться на данные земли, и опасались того, что идея с приглашением сектантов закончится полным провалом.

В результате 24 мая 1926 г. НКЗ РСФСР проинформировал крайзу о том, что постоянная комиссия Совета труда и обороны (далее — СТО) по сельскохозяйственной иммиграции РСФСР 10 мая 1926 г. выпустила распоряжение [7, л. 102]. В нем она запрещала Т.Е. Жидкову переселять советских граждан на переданный коммуне в аренду участок. Заселение участков советскими гражданами было возможно лишь по плану НКЗ РСФСР. Также постоянная комиссия СТО РСФСР приняла решение о пересмотре договора между НКЗ РСФСР и коммуной «с целью сокращения» площади арендного участка после прибытия первой группы переселенцев из Уругвая. Крайзу поручалось согласовать проект договора с Т.Е. Жидковым и направить его экземпляр в НКЗ РСФСР для окончательного одобрения. Таким образом, НКЗ одобрил идею о сокращении участка земли, который планировалось сдать коммунарам, и заодно пытался не допустить возможного роста злоупотреблений с их стороны.

Крайзу к середине мая 1926 г. ожидало прибытия в г. Новороссийск из Уругвая группы переселенцев в количестве 1000 чел. с имуществом [7, л. 66]. В связи с этим оно потребовало от СОЗУ освобождения участков от посторонних лиц и необходимого содействия переселенцам. Крайзу добилось от центральных властей предоставления «удостоверения на перевоз по льготному тарифу» [7, л. 67] их имущества, а также просило ускорить от НКЗ РСФСР заключение договора с коммуной и изъять из него пункт об аренде участка № 9 [7, л. 68]. Фактически крайзу пыталось завоевать симпатии со стороны членов первой группы переселенцев. Для их встречи постоянная комиссия даже направила в Новороссийск своего представителя [7, л. 70]. Но оказалось, что количество прибывших 13 мая 1926 г. в Новороссийск переселенцев составило всего 144 чел. [7, л. 72], что не могло не разочаровать властей. Среди них был и религиозный лидер секты «Новый Израиль» В.С. Лубков. Его возвращение на родину привело к тому, что коммуна стала добиваться дополнительных льгот от властей. 10 июня 1926 г. она провела организационное собрание [7, л. 90], где рассмотрели вопрос о возбуждении ходатайства перед советскими властями «о предоставлении льгот» [7, л. 90] для членов секты, которые уже переселились и планировали переселиться из других регионов СССР и Уругвая. Решение данного вопроса поручили членам правления В.С. Лубкову и Т.Е. Жидкову, как и заключение нового договора об аренде земли с НКЗ РСФСР. Конечно, это не могло не привести к конфликту с крайзу.

Но В.С. Лубков и Т.Е. Жидков не собирались уступать участок № 9. Уже 23 июня 1926 г. они направили прошение в НКЗ РСФСР, где ходатайствовали о передаче этого участка в 1926 г., так как планировали заниматься коневодством, что позволяло сэкономить финансовые средства, которые они хотели потратить на развитие молочного хозяйства [7, л. 87–88]. Кроме того, они просили закрепить за ними участок № 4 с 1 сентября 1926 г., а участки № 5–6 забронировать до 1929 г. — до прибытия последней группы из Уругвая. Также они сообщали, что 3-я группа переселенцев должна была прибыть в СССР в марте-апреле 1927 г. и привезти с собой сельскохозяйственный инвентарь на 80 тыс. р., а также 20 тыс. р. [7, л. 87]. В.С. Лубков и Т.Е. Жидков обращали внимание на то, что хотели принять в коммуну в 1926–1927 гг. советских граждан — «приблизительно 255 семей» [7, л. 87] (около 1980 чел.), так как они должны были внести свои средства — примерно 220 тыс. р. Это было связано с тем, что сектанты желали привлечь их средства, потому что у них самих не было денег для удовлетворения требований властей. Переселенцы должны были прибыть из Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Харьковской губерний, а также из Донской, Кубанской, Терской и Ставропольской областей. Для них запрашивались льготы при проезде по железной дороге.

При этом НКЗ РСФСР пошел навстречу пожеланиям В.С. Лубкова и Т.Е. Жидкова. Так, на совещании при отделе госимуществ управления мелиорации земель НКЗ РСФСР 25 июня 1926 г. в присутствии уполномоченных коммуны рассматривалась просьба об оставлении за ней всех участков земли в Западно-Коннозаводском районе и о разрешении на переселение граждан СССР из других регионов [7, л. 86]. В результате за коммуной было решено оставить все постройки на участках № 8 и 9. Последний был обменян на участки № 3, 4 и 6, на которые претендовало акционерное общество «Овцевод». Также было разрешено переселить на участки

советских граждан в количестве 1500 чел. Но, получив данную информацию, крайзу пыталось отменить это решение, ведь переселение противоречило постановлению постоянной комиссии СТО от 10 мая 1926 г., запрещавшему Т.Е. Жидкову заселять участки гражданами СССР [7, л. 76]. К этому времени В.С. Лубков и Т.Е. Жидков достигли и других успехов. Так, на 22 июля 1926 г. на участках проживало 144 реэмигранта (47 являлись членами товарищества, а остальные 97 — членами их семей) [7, л. 123–126] и 386 переселенцев из различных регионов СССР [7, л. 126–131]. К тому же создали кооперативное товарищество «Ново-Израильская община» и зарегистрировали его устав в СОЗУ [7, л. 117]. Имущество товарищества оценивалось более чем в 150 тыс. р., а на его балансе находилось 5 тракторов «Фордзон», 1 трактор «Интернационал», 1 трактор «Кейс» и 1 трактор «Клетрак» [7, л. 132–133]. Таким образом, власти ожидали, что последующие группы переселенцев смогут привести дополнительные средства для инвестирования в хозяйство.

С учетом создания кооперативного товарищества НКЗ РСФСР сообщило крайзу, что будущий договор с ним необходимо разработать «применительно к условиям типового договора на сдачу в аренду земель из состава госимуществ для целей коневодства» [7, л. 151]. При определении размера отводимой площади региональные земельные власти должны были учитывать имеющиеся у переселенцев материальные средства, рабочую силу и «специальное направление хозяйства» [7, л. 151]. Несмотря на это, крайзу в начале августа 1926 г. просило НКЗ РСФСР запретить В.С. Лубкову и Т.Е. Жидкову вербовать советских граждан, так как в этом «усматривается скрытая форма переселения, нарушающая плановость переселения» [7, л. 83], и выступало против передачи реэмигрантам лучших участков земли. Однако НКЗ отказался выполнить просьбу крайзу и рекомендовал оказать уругвайским переселенцам «содействие и дать льготы» [7, л. 148] при получении лесных и других материалов на строительство жилья. Весьма вероятно, что подобная поддержка сектантов со стороны НКЗ была связана с желанием привлечь их средства и надеждой, что они все же выполнят условия договора.

Проект нового соглашения подготовили в начале сентября 1926 г. Ознакомившись с его условиями, В.С. Лубков и Т.Е. Жидков 8 сентября 1926 г. направили письмо в крайзу [7, л. 186–187], где высказали свое недовольство изменениями. Им не понравилось, что вместо шестилетнего срока бесплатного пользования землей власти установили пятилетний, а вместо 60 маток с участка 2400 десятин товарищество должно было поставить 70 [7, л. 186]. Члены коммуны выступили против увеличения стоимости аренды земли — теперь она составляла 4 р. в год с 1 десятины [7, л. 186] после завершения льготного периода. Поэтому они считали условия договора «неприемлемыми» [7, л. 186]. В.С. Лубков и Т.Е. Жидков просили разрешить вместо поставки 18 жеребцов к весне 1927 г. отдать только 10, а также указывали, что не могут инвестировать в хозяйство 1 млн р. золотом, так как площадь сдаваемых участков была уменьшена [7, л. 186]. По этой причине они планировали вложить в участок лишь 300 тыс. р. золотом [7, л. 186], что лишний раз доказывает — у них не было необходимых средств, которых требовала от них власть. В свою очередь, НКЗ полагал, что новоизраильтяне смогут выполнить условия договора при двукратном снижении площади участка.

Просили члены коммуны и об отмене использования в хозяйстве больших тракторов и молотилок, которые они хотели ликвидировать в Уругвае из-за их дороговизны. Помимо этого, они сообщали, что вложили 12 тыс. р. в покупку маток и 10 пар быков [7, л. 186] и не могли оплатить гербовые и нотариальные сборы. Из-за финансовых проблем правление товарищества призывало нотариально оформить за ним аренду 10 тыс. десятин земли, а 9800 десятин забронировать до 1928 г., вплоть до прибытия оставшихся групп из Уругвая [7, л. 186]. Поэтому В.С. Лубков и Т.Е. Жидков убеждали изменить данные параграфы и сохранить условия ранее заключенного соглашения. В противном случае они угрожали прекращением начавшегося переселения из Уругвая в СССР. Еще они намекали на то, что НКЗ РСФСР для получения верховых военно-ремонтных лошадей должен предоставить товариществу дополнительные льготы, кредит на постройку конюшен и максимально сократить стоимость аренды. Фактически организаторы коммуны с самого начала не оправдали надежд советских органов власти на построенное успешного коллективного хозяйства и даже требовали дополнительных льгот, что снова доказывает отсутствие у них необходимых финансовых средств.

9 сентября 1926 г. В.С. Лубков и Т.Е. Жидков подписали договор с НКЗ РСФСР об аренде 19 200 десятин земли (участки № 1–6 и части участка № 7) на 24 года, начиная с 1 октября 1926 г. [7, л. 173–177]. Его условия значительно отличались от пунктов предварительного договора. Так, НКЗ поднял стоимость аренды земли с 2 до 4 р. за 1 десятину, потребовал поставок не 60, а 70 лошадей, и вместо 6 лет бесплатная аренда земли теперь составляла 5 лет [7, л. 188]. К весне 1928 г. товарищество должно было поставить армии 18 жеребцов. Уже после подписания договора, 10 сентября 1926 г., В.С. Лубков и Т.Е. Жидков направили заявление в НКЗ РСФСР, в котором снова выразили свое недовольство [7, л. 188]. Несогласные с пунктом о поставке такого количества жеребцов, они просили выделить им казенных жеребцов в течение весны 1927 и 1928 гг., так как у товарищества отсутствовали свободные средства на их покупку из-за того, что на переселение членов секты из Уругвая в течение 3 лет должны были быть потрачены огромные финансовые средства. Также товарищество планировало направить деньги на приобретение 236 маток, строительство домов, обработку целинных земель [7, л. 188]. Покупка жеребцов, по их мнению, была возможна лишь весной 1929 г., потому что к этому времени товарищество сможет получить необходимый урожай. Получив данное заявление, НКЗ РСФСР сообщил крайзу о готовности снизить арендную плату на сумму, которую товарищество потратило бы на покупку жеребцов, но другие пункты договора менять не планирует [7, л. 188]. Получается, правление товарищества в открытую заявляло, что не будет соблюдать условия подписанного договора. В свою очередь, это привело к тому, что уже спустя год между товариществом и Северо-Кавказским краевым комитетом ВКП(б) начался конфликт [9, л. 12]. Несмотря на то что товарищество было признано антикоммунистической организацией [9, л. 12], В.С. Лубков и его приближенные не были подвергнуты жестким репрессиям.

Проведённое исследование процесса организации переселения членов секты «Новый Израиль» из Уругвая в СССР в 1925–1926 гг. позволяет сформулировать следующие научно обоснованные выводы. Лидер секты В.С. Лубков, используя заинтересованность советских властей в импорте сельскохозяйственного опыта и племенного скота, сумел заключить предварительный договор с НКЗ РСФСР об аренде земли. Однако уже на этапе реализации соглашения выявились противоречия и недоговоренности: региональные земельные органы фиксировали нарушения условий договора, в то время как НКЗ РСФСР продолжал оказывать поддержку сектантам. Анализ исторических источников свидетельствует об изначальной неготовности руководства секты «Новый Израиль» к выполнению взятых обязательств. Т.Е. Жидков и В.С. Лубков систематически использовали договорные переговоры для получения дополнительных преференций, что свидетельствует о приоритете интересов секты над задачами государственного значения. Выявлена институциональная асимметрия в принятии решений: центральные ведомства, действуя в логике макроэкономического планирования, склонны были игнорировать сигналы региональных органов о нарушениях, что создавало условия для злоупотреблений со стороны религиозных лидеров. Лишь после прибытия первой группы переселенцев и фиксации систематических отклонений от договорённостей НКЗ РСФСР пошёл на пересмотр условий аренды, сократив площадь участков и ужесточив финансовые требования.

Список источников

1. Морозов И. Сектантские колхозы. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 55 с.
2. Путинцев Ф.М. Кабальное братство сектантов. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 200 с.
3. Голосовский С.С., Круль Г. На Маныче «священном». Сектантское движение среди молодежи // Критика религиозного сектантства (опыт изучения религиозного сектантства в 20-х – начале 30-х годов) / под общ. ред. А.И. Клибанова. М.: Мысль, 1974. С. 182–197.
4. Антонова Н.В. Из истории секты «Новый Израиль» (первая треть XX в.) // Вестн. Московского ун-та. Серия 8 : История. 2011. № 4. С. 132–142. EDN: ОККMWV.
5. Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. // Вестн. Московского ун-та. Серия 8 : История. 2009. № 3. С. 14–31. EDN: KYOAVP.
6. Петров С.В. Новый Израиль и Красный Октябрь: движение русского религиозного разномыслия на переломе эпох // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 371–395. EDN: LNGJJP. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395>
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р. 1390. Оп. 5. Д. 348.

8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 595.
9. ЦДНИРО. Ф. Р. 7. Оп. 1. Д. 563.

References

1. Morozov I. *Sectarian collective farms*. Moscow; Leningrad: Moscow Worker; 1931. 55 p. (In Russ.).
2. Putintsev F.M. *Bondage brotherhood of sectarians*. Moscow; Leningrad: Moscow Worker; 1931. 200 p. (In Russ.).
3. Golosovsky S.S., Krul G. On the “Sacred” Manych. Sectarian movement among youth. *Critique of religious sectarianism (experience in studying religious sectarianism in the 1920s - early 1930s)*. A.I. Klivanov (ed.). Moscow: Thought; 1974:182-197. (In Russ.).
4. Antonova N.V. From the history of the “New Israel” sect (first third of the 20th century). *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2011;(4):132-142. (In Russ.). EDN: OKKMWV.
5. Danilova E.N., Antonova N.V. Labor immigration and re-emigration of spiritual Christians to Soviet Russia in the 1920s. *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*. 2009;(3):14-31. (In Russ.). EDN: KYOAVP.
6. Petrov S.V. New Israel and Red October: the movement of Russian religious dissent at the turn of eras. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2019;(1-2):371-395. (In Russ.). EDN: LNGJJP. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-371-395>
7. *State Archive of Rostov Region*. Fund R. 1390. In. 5. File 348. (In Russ.).
8. *Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Region* (hereinafter - CDCHRR). Fund R. 7. In. 1. File 595. (In Russ.).
9. *CDCHRR*. Fund R. 7. In. 1. File 563. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Аганов — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института сквозных технологий ДГТУ.

А.Н. Усенко — кандидат исторических наук, доцент Института креативных индустрий ДГТУ.

Information about the authors

A.A. Aganov — Candidate of Science (History), Senior Lecturer of the Institute of End-to-End Technologies, DSTU.

A.N. Usenko — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Institute of Creative Industries, DSTU.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-53-58>

ИНТЕГРАЦИЯ АВАРСКОГО ХАНСТВА (НУЦАЛЬСТВА) В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ И УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Патимат Магомедхабибовна Казамбиева

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

patimat-kazambieva@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с периодом интеграции Аварского ханства, одного из самых крупных и могущественных владений нагорного Дагестана, в состав Российской империи в конце XVIII — начале XIX в. На основе переписок, донесений, распоряжений наместников выявлено, что особые геополитические условия способствовали усилению пророссийской ориентации дагестанских владетелей. России было выгодно расширить зону своего влияния, в частности через развитие торгово-экономических отношений. Поэтому одним из главных и основных аспектов интеграции следует выделить складывающиеся связи в области экономики. Российское правительство со своей стороны проводило политику, направленную на нормализацию военно-политической ситуации в регионе, установление мира между феодальными владетелями Дагестана.

Ключевые слова: Аварское ханство, Россия, империя, Иран, Турция, интеграция, Северо-Восточный Кавказ, торговля, хан, нуцал, Дагестан, наместник, владетели

Для цитирования: Казамбиева П.М. Интеграция аварского ханства (нуцальства) в Российскую империю и участие в политических процессах на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII — начале XIX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 53–58. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-53-58>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

INTEGRATION OF THE AVAR KHANATE (NUTSALSTVO) INTO THE RUSSIAN EMPIRE AND PARTICIPATION IN POLITICAL PROCESSES IN THE NORTH- EASTERN CAUCASUS IN THE LATE 18th – EARLY 19th CENTURIES

Patimat M. Kazambieva

Dagestan State University, Makhachkala, Russia

patimat-kazambieva@yandex.ru

Abstract. The article examines issues related to the period of integration of the Avar Khanate, one of the largest and most powerful domains of mountainous Dagestan, into the Russian Empire in the late 18th - early 19th centuries. On the basis of correspondence, reports, and orders of viceroys, it is revealed that special geopolitical conditions contributed to the strengthening of the pro-Russian orientation of Dagestani rulers. It was advantageous for Russia to expand its zone of influence, in particular through the development of trade and economic relations. Therefore, one of the main and principal aspects of integration should be identified as the emerging ties in the economic sphere. The Russian government, for its part, pursued a policy aimed at normalizing the military-political situation in the region and establishing peace between the feudal rulers of Dagestan.

Keywords: Avar Khanate, Russia, empire, Iran, Turkey, integration, North-Eastern Caucasus, trade, khan, nutsal, Dagestan, viceroy, rulers

For citation: Kazambieva P.M. Integration of the Avar Khanate (Nutsalstvo) into the Russian Empire and Participation in Political Processes in the North-Eastern Caucasus in the Late 18th - Early 19th Centuries. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):53-58. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-53-58>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Длительный период Северный Кавказ был регионом, где протекали сложные процессы, связанные с присоединением и интеграцией народов в состав Российской империи. Он традиционно входил в зону интересов Ирана, России и Турции, что приводило к их постоянному соперничеству, поэтому установление единства с таким сложным в этническом составе краем часто сопровождалось борьбой, жестокостью, войнами, противоречивыми тенденциями.

Объективно и научно рассмотреть историю каждого этноса сложно без всестороннего и глубокого воссоздания картины того, как складывались взаимоотношения разных государственных образований на территории региона. Сегодня актуальны изыскания, позволяющие проследить, как формировалась ориентация на Россию у отдельных дагестанских субъектов. Тщательное изучение помогает понять, как проходила инкорпорация местных владений в государственное пространство Российской империи.

После Каспийского похода Петра I (1722–1723 гг.) интеграционные процессы, оказавшие влияние на историю Аварского ханства, активизировались. Политическое развитие крупного региона исследовалось разными авторами. В частности, А.И. Омаров, Б.Г. Алиев рассмотрели вопросы политической истории Аварского ханства, а также описали, как Россия вводила на новых присоединенных территориях административное устройство [1, 2]. Б.Г. Алиев проанализировал сведения Р.Ф. Розена о политическом устройстве и управлении Аварского ханства и характеристики его экономического и политического развития [3]. М.А. Абдулпатахов, Н.Н. Гарунова изучили взаимодействие Аварского ханства с другими политическими образованиями нагорного Дагестана, роль династических браков в их укреплении, а также взаимоотношения дагестанских владетелей с российскими военными властями [4]. Истории отдельной части Аварского ханства с ранних этапов развития посвящен ряд публикаций Т.М. Айтберова [5]. Кроме того, интересующие нас вопросы находим в [6–10]. Ф.А. Полчаева отмечает, что правители отдельных государственных образований, в том числе и Аварского нучальства, несмотря на десятилетиями ведущиеся споры относительно их происхождения, не становились предметом отдельных генеалогических исследований из-за того, что не хватало традиционных источников, в частности переписей, метрических книг и др. [11].

Многочисленные документы архивохранилищ иллюстрируют взаимоотношения феодальных владетелей Дагестана с русскими военными властями в регионе. Материалы эти вошли в ряд ранее опубликованных нами статей, поэтому дублировать их еще раз не будем [12].

В нагорном Дагестане еще существовали такие крупные государственные образования, как Тарковское шамхальство и Мехтулинское ханство. Но Аварское ханство было одним из самых крупных, которое к тому же постоянно увеличивало свою территорию. Данный процесс происходил за счет как присоединения земель дагестанского пограничья, так и подчинения некоторых более слабых аварских обществ.

В период правления Магомед-Нучал-хана (1753–1774), потом его сына Умма-хана (1774–1801) территория ханства расширилась максимально, оно достигло пика своего развития.

Территория Дагестана в целом для России имела геополитическое значение, что и объясняет факт активизации ее политики в регионе. Поэтому Россия использовала разные способы привлечения в зону своего влияния дагестанских владетелей, в первую очередь развитие торгово-экономических отношений. В числе главных и основных аспектов интеграции Аварского ханства в Российское государство следует выделить складывающиеся связи в области экономики.

Связано это было в наибольшей степени с географическим расположением и особенностями хозяйственной деятельности ханства. В Дагестане испокон веков сложилась система натураль-

ного обмена товаров и продовольствия между горной, предгорной и равнинной частями, жизненно необходимая в условиях разных географических зон. Хозяйственно-экономические контакты между горскими обществами поддерживались посредством множества торговых путей и маршрутов, объединявших разные территории Дагестана в единое экономическое пространство [13, с. 328].

Из-за слабости местных рынков немаловажную помощь многим владельцам нагорного Дагестана оказывали основанные русскими властями крепости. Там находились не только гарнизоны, но и многочисленные купцы. Понимая важность решения бытовых и хозяйственных вопросов, феодальные владельцы осуществляли покровительство над купцами и давали им гарантии безопасности, хотя они всегда негативно относились к постройкам крепостей и часто противились их возведению.

Автор записок об Аварском ханстве первой половине XIX в. Хрисанф писал о промыслах, присутствующих на территории ханства. А русский генерал-майор П.Ф. Скалон в своих записках отмечал, что там развито только скотоводство. Такая противоречивость, на наш взгляд, связана с тем, что последний субъективно описал экономические возможности ханства, так как целью его было стремление показать малую целесообразность экономических контактов с Аварским ханством [4, с. 35].

Военно-дипломатическая политика таких стран, как Иран, Турция и Россия, оказывала влияние на характер политических взаимоотношений правящих горских элит, потому что именно эти страны длительный период соперничали за данный регион между собой.

Любой владелец, стоящий во главе правящей династии Дагестана, при выборе приоритетов в области внешней политики в первую очередь просчитывал свои собственные выгоды и интересы. Это объясняет, почему менялись предпочтения и отличались векторы внешней политики в разные периоды [12, с. 32].

Несмотря на междоусобицы, при внешней угрозе народные массы и правящие элиты объединялись. Период, предшествующий нападению на Дагестан иранского правителя Надир-шаха, характеризовался таким новым явлением в политической сфере Дагестана, как создание коалиций и временных союзов.

Сразу после того, как в 1740–1741 гг. Надир-шах вторгся в Табасаран, Сурхай-хан Казикумухский возле Дусраха дал бой, на территории Мехтулинского ханства прошли ожесточенные сражения, начинается прочная и надёжная консолидация сил дагестанских владельцев, усиливается стремление дагестанских феодалов к объединению, борьбе с иранскими войсками [13, с. 329]. Они укрепляли границы, строили крепости, собирали совместные силы. Поэтому полагаем, что разгром иранского завоевателя привел к консолидации сил и способствовал массовой переориентации дагестанских владельцев на Россию.

Россия не могла игнорировать независимость местных владельцев, притязания, веками формировавшиеся у Турции и Ирана к региону, поэтому постепенно чаша международного соперничества склонялась в пользу Российской империи. Особенно это стало заметно после 1722 г., когда Россия закрепилась на западной части Прикаспия [13, с. 8]. Российское правительство хорошо понимало, что важен не только один дагестанский участок Каспийско-Волжской торговой трассы, но и контроль за территорией других обществ [13, с. 9].

Русские военные дипломаты не ограничивались контактами с двумя или тремя феодальными владельцами, изъявившими желание подданства. Они внимательно изучали всех закавказских и дагестанских владельцев, старались наладить с ними контакты, награждали подарками и деньгами, принимали на службу, давали послабления в торговле, иногда наказывали. Лишение жалованья или подарков, а также военной поддержки завершило формирование политики кнута и пряника [10].

Укрепление и усиление Аварского ханства на протяжении XVIII в. исследователи часто связывают с его сильным политическим лидером Умма-ханом. На том этапе русско-дагестанских отношений, по мнению А.И. Омарова, Умма-хан был самым хитрым, умным, практичным и дальновидным правителем, могущественным и непредсказуемым [1, с. 140]. Окружавшие его соседи нуждались в нем больше, чем он в них. Хан мог повлиять на любой вариант политиче-

ской ситуации на территории Северо-Восточного Кавказа. Но он не всегда использовал эти возможности [1, с. 144].

П.С. Потемкин, выполняя функции наместника, в условиях нехватки ресурсов на Кавказе пытался использовать разного рода приемы дипломатической игры, на которые аварский хан блестяще отвечал [13, с. 103]. Наместник пытался решить главную задачу для России в тот момент, чтобы Умма-хан не нападал на грузинские территории, так как в возможных русско-турецких войнах надо было гарантировать грузинам защиту от дагестанских военных походов.

Дар политического предвидения и государственное мышление правителя можно оценить в период движения под руководством шейха Мансура в Чечне, когда в ответ на призывы шейха хан отказался быть союзником, ведь это принесет вред дагестанцам и нарушит его связи с Россией.

По мнению С.Б. Манышева, до кизлярского коменданта доходили известия о контактах Мансура и Умма-хана, но никаких антироссийских действий так и не было [6, с. 52]. То, что Умма-хан дал отказ шейху Мансуру, в Петербурге знали [13, с. 317].

Хотя и предпринимались активные дипломатические действия, были заверения о дружбе, велась активная переписка. Но никто не мог полностью осуществлять контроль над территорией.

Со временем на Россию стало обращать внимание все больше феодальных владетелей, так как здесь видели взаимовыгодные и надежные перспективы и дальнейшие гарантии своего существования. Феодальная элита лавировала между интересами трех империй, при этом получая подарки, деньги, подношения. По мнению наместника П.С. Потемкина, именно хан Аварии был одним из немногих владетелей, который смог оказать реальное сопротивление на практике всем попыткам иранских властей закрепиться на территории Закавказья. Особенно это стало заметно, когда армия Ага-Мухаммед-хана Каджара осуществила вторжение на территорию Дагестана. Тот же наместник послал аварскому хану в подарок табакерку и 500 р. [13, с. 320].

Когда Российская империя начала в 1796 г. поход под командованием В. Зубова, Екатерина II приоритетное внимание уделяла нейтралитету аварского хана, полагая, что он сможет и других владетелей удержать от необдуманных шагов [14, с. 333].

Хан Аварии в период переговоров о принятии его в подданство России отказал в поддержке Сурхай-хану Казикумухскому, хотя тот был его хорошим союзником. Умма-хан интересовался условиями своих доходов в случае принятия подданства, на что главнокомандующий отвечал, что ему будет положено и жалованье, и доходы от грузинского царя, и дополнительные благодеяния [15, с. 160].

Можно говорить, что правитель Аварии пытался лавировать среди интересов великих империй, при этом стремясь закрепить позиции на Кавказе. Он подчеркивал, что должен получить ответ от своих подданных для главнокомандующего, что было в правилах того времени и в условиях сохранения им своей независимости.

В 1796 г. на российский престол вступает Павел и на Кавказе ситуация сильно меняется, в частности грузинский царь перестаёт платить дань аварскому хану, что провоцирует того на новый военный поход. Умма-хан не менял пристрастий, просто действовал с осторожностью при учете своих интересов. Он относился положительно к принятию подданства, сохранял дружеские отношения с Россией, но руководствовался своими же соображениями и опасением потерять независимость. Умма-хан поддерживал оппозицию в лице нескольких грузинских царевичей, претендентов на грузинский престол [1, с. 148].

После Умма-хана во главе ханства встал аварский нуцал Султан-Ахмед-хан. Он продолжил ориентацию на Россию и в 1803 г. в Хунзахе, резиденции аварских ханов, принял подданство Российской империи.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что ориентация аварских ханов на Россию завершилась в 1803 г. положительно, но не безоговорочно.

В 20-е гг. XIX в. Султан-Ахмед-хан и поддерживавшие его союзники попытались выразить протестные настроения против военно-административного контроля в лице генерала А.П. Ермолова. Горцы пытались сохранить независимость, но ермоловская администрация жестко вводила имперские законы.

Ханы Аварии после длительного периода лавирования среди интересов трех империй вполне осознанно пришли к контактам с Российским государством, которые к началу XIX в. только усиливались, понимая перспективы и преимущества развития для своих народов.

Как нам кажется, выбор, сделанный аварскими ханами, был правильным с точки зрения дальновидности, хотя он и осложнялся в дальнейшем событиями 20–50-х гг. XIX в., когда в восстании имама Гамзат-бека была истреблена династия аварских ханов.

Таким образом, российское правительство проводило политику, способствующую нормализации военно-политической ситуации в регионе, установлению мира между феодальными властями Дагестана, создавая определенный паритет в балансе сил на Восточном Кавказе.

Список источников

1. Омаров А.И. Аварское ханство (XVIII в. – 1864 г.). Махачкала: АЛЕФ, 2024. 250 с.
2. Омаров А.И., Алиев Б.Г. Управленческая политика кавказской администрации в феодальных владениях Дагестана в первой половине XIX века // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Серия 2 : Гуманит. науки. 2022. Т. 37, № 4. С. 7–15. EDN: SBDFGW. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-4-7-15>
3. Алиев Б.Г. Генерал Р.Ф. Розен об Аварском ханстве // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2017. № 3 (51). С. 44–54. EDN: ZTLRRP.
4. Абдулпатахов М.А., Гарунова Н.Н. Еще раз к вопросу об особенностях взаимоотношений дагестанских владетелей с российскими военными властями в первой трети XVIII века // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Серия 2 : Гуманит. науки. 2022. Т. 37, № 3. С. 35–42. EDN: WXHWGM. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-3-35-42>
5. Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1990. 220 с. EDN: RWKGLN.
6. Маньшиев С.Б. Шейх Мансур в материалах кизлярского и моздокского комендантских архивов : сб. док. М.: Икс-Хистори, Кучково поле, 2022. 461 с. EDN: RBNUAA.
7. Гарунова Н.Н., Тагирова П.М. Меновые дворы в системе мероприятий российского правительства по развитию торговли в Предкавказье в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2021. № 5-1. С. 40–49. EDN: SSHNMQ. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202105Statyi05>
8. Гарунова Н.Н., Абдулпатахов М.А. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе как военные и экономические центры региона (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. Серия 2 : Гуманит. науки. 2026. Т. 41, № 2. С. 7–15. EDN: FMDXFC. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2026-41-2-7-15>
9. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: шейх Мансур и его время (XVIII век). М.: Модест Колеров, 2013. 256 с. EDN: RROYQL.
10. Гусейнова Б.М. Социально-экономическое развитие Дагестана в XVIII веке // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 1 (229). С. 81–86. EDN: DAGWJO. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-81-86>
11. Полчаева Ф.А. Проблема происхождения дагестанских династий и возможности генетической генеалогии // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22, № 2. С. 261–268. <https://doi.org/10.32653/CH222262-268>
12. Казамбиева П.М. Аварское ханство на пике политического подъема: процесс интеграции в состав Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманит. науки. 2025. № 4. С. 32–36. EDN: KXPWXT. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.04.21>
13. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сб. док. / сост. В.Г. Гаджиев и др.; отв. ред. В.Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. 355 с.
14. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1869. Ч. 2. 621 с.
15. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Т. III. 550 с.

References

1. Omarov A.I. *The Avar Khanate (18th century - 1864)*. Makhachkala: ALEF; 2024. 250 p. (In Russ.).
2. Omarov A.I., Aliev B.G. Administrative policy of the Caucasian administration in the feudal domains of Dagestan in the first half of the 19th century. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2022;37(4):7-15. (In Russ.). EDN: SBDFGW. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-4-7-15>
3. Aliev B.G. General R.F. Rosen on the Avar Khanate. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2017;(3):44-54. (In Russ.). EDN: ZTLRRP.

4. Abdulpatakhov M.A., Garunova N.N. Once again on the question of the specifics of relations between Dagestani rulers and Russian military authorities in the first third of the 18th century. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2022;37(3):35-42. (In Russ.). EDN: WXHWGM. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2022-37-3-35-42>
5. Aitberov T.M. *Ancient Khunzakh and the Khunzakh people*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House; 1990. 220 p. (In Russ.). EDN: RWKGLN.
6. Manyshv S.B. *Sheikh Mansur in the materials of the Kizlyar and Mozdok commandant archives*. Collection of documents. Moscow: X-History; Kuchkovo field; 2022. 461 p. (In Russ.). EDN: RBNUAA.
7. Garunova N.N., Tagirova P.M. Exchange yards in the system of measures of the Russian government for the development of trade in the Ciscaucasia in the first half of the 19th century. *Issues of History*. 2021;(5-1):40-49. (In Russ.). EDN: SSHHMQ. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202105Statyi05>
8. Garunova N.N., Abdulpatakhov M.A. Russian fortress cities in the context of Russia's policy in the North-Eastern Caucasus as military and economic centers of the region (18th – first half of the 19th century). *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2026;41(2):7-15. (In Russ.). EDN: FMDXFC. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2026-41-2-7-15>
9. Degoev V.V. *Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and his time (18th century)*. Moscow: Modest Kolerov; 2013. 256 p. (In Russ.). EDN: RROYQL.
10. Guseynova B.M. Socio-economic development of Dagestan in the 18th century. *Bulletin of Higher Education Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(1):81-86. (In Russ.). EDN: DAGWJO. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-1-81-86>
11. Polchaeva F.A. The problem of the origin of Dagestani dynasties and the possibilities of genetic genealogy. *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026;22(2):261-268. (In Russ.). <https://doi.org/10.32653/CH222262-268>
12. Kazambieva P.M. The Avar Khanate at the peak of political rise: the process of integration into the Russian Empire (second half of the 18th - early 19th century). *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Humanities*. 2025;(4):32-36. (In Russ.). EDN: KXPWXT. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.04.21>
13. Gadzhiev V.G. et al., comp. *Russian-Dagestani relations in the 18th - early 19th century*. Collection of documents. Moscow: Science; 1988. 355 p. (In Russ.).
14. Butkov P.G. *Materials for a new history of the Caucasus from 1722 to 1803*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1869, part 2. 621 p. (In Russ.).
15. Dubrovin N.F. *History of the war and dominion of the Russians in the Caucasus*. St. Petersburg: Skorokhodov Printing House; 1886, vol. 3. 550 p. (In Russ.).

Информация об авторе

П.М. Казамбиева — аспирант кафедры истории России ДагГУ.

Information about the author

P.M. Kazambieva — Postgraduate Student of the Department of the History of Russia, DagSU.

Статья поступила в редакцию 10.07.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 10.07.2026; approved after reviewing 16.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-59-73>

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ РУСИ В IX–XII ВЕКАХ ПО СВЕДЕНИЯМ ИНОСТРАННЫХ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Борис Борисович Луганцев

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
Новочеркасск, Россия

boris4721@mail.ru

Аннотация. На основании иностранных источников проводится оценка территории Руси в IX–XII вв. Например, в сочинении «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси основную территорию Руси разместил на Среднем Днепре, Внешнюю Русию с городами Кукияна, Арса и Салав — в Донской лесостепи. Для определения местоположения этих городов использованы сведения о расстояниях в днях пути. Учёт извилистости дорог позволил установить, что города Куяба (Кукияна), Арса, Салав находились, соответственно, у Маяцкого, Красного и Салтовского городищ лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры. Сведения «Худуд ал-алам» о взаимном положении стран актуальны на 834±2 г., по ним составлена политическая карта. Судя по информации о резиденции русского кагана в Куябе, в Маяцком городище стоял его замок. С помощью данных Константина Багрянородного выстроена карта Внешней Руси с указанием маршрута полюдья. Сообщения Ибн Русте, Фотия, ал-Истахри помогли проследить трансформацию Руси на протяжении почти трёхсот лет — от Страны Русов «Худуд ал-алам» в 830-е гг. до Руси и Внешней Руси ал-Идриси в первой половине XII в. Анализ сведений первоисточников о погребальных обрядах славян и русов позволяет считать ритуальное добровольное умерщвление вдов этноопределяющим признаком славян, в том числе русов. В начальный период после принятия русами христианства сохранялась вера, что женщина может попасть в рай только вместе с мужчиной. Кроме того, выявлено, что междуречье русов ошибочно называли островом русов.

Ключевые слова: ал-Идриси, дневной переход, извилистость дорог, меридиан, Константин Багрянородный, «Худуд ал-алам», резиденция кагана, этноопределяющий признак, междуречье русов

Для цитирования: Луганцев Б.Б. Изменения территории Руси в IX–XII веках по сведениям иностранных первоисточников // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 59–73. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-59-73>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE CHANGES OF THE TERRITORY OF RUS IN THE 9th-12th CENTURIES ACCORDING TO FOREIGN PRIMARY SOURCES

Boris B. Lugantsev

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

boris4721@mail.ru

Abstract. The territory of Rus during the 9th-12th centuries is assessed based on foreign sources. For instance, in his work “Nuzhat al-Mushtaq”, al-Idrisi situated the core territory of Russia along the Middle Dnieper, while placing Outer Russia - comprising the towns of Kukiyaana, Arsa, and Salav - in the Don forest-steppe region. Information regarding travel distances (measured in days of the journey) was used to pinpoint the locations of these towns. By accounting for the winding nature of the routes, it was determined that the towns of Kuyaba (Kukiyaana), Arsa, and Salav corresponded, respectively, to the Mayatskoye, Krasnoye, and Saltov hillforts - sites associated with the forest-steppe variant of the Saltov-Mayaki archaeological culture. Data from “Hudud al-Alam” regarding the relative locations of various lands reflect the geopolitical situation around 834 ± 2; a politi-

cal map has been reconstructed based on this information. Judging by accounts placing the residence of the Rus Khagan in Kuyaba, his stronghold was located at the Mayatskoye hillfort. Data provided by Constantine Bagryanorodny enabled the construction of a map of Outer Rusia that traces the route of the polyudye. Accounts by Ibn Rusta, Photius, and al-Istakhri helped trace the transformation of Rus over nearly three centuries - from the Land of the Rus described in "Hudud al-Alam" in the 830s to the Rusia and Outer Rusia depicted by al-Idrisi in the first half of the 12th century. An analysis of primary sources concerning the burial rites of the Slavs and the Rus suggests that the ritual, voluntary killing of widows was an ethnically defining characteristic of the Slavs, including the Rus. In the period immediately following the adoption of Christianity by the Rus, the belief persisted that a woman could enter Paradise only in the company of a man. It has been established that the interfluvial region of the Rus was erroneously referred to as the "Island of the Rus".

Keywords: al-Idrisi, day crossing, winding roads, meridian, Konstantin Bagryanorodny, "Hudud al-Alam", kagan's residence, ethnographic feature, interfluvial of Rus

For citation: Lugantsev B.B. The Changes of the Territory of Rus in the 9th-12th Centuries According to Foreign Primary Sources. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):59-73. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-59-73>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Для анализа содержания иностранных средневековых географических сочинений, повествующих о русах, обычно используют филологию и «Повесть временных лет». Географическую информацию игнорируют. Так, в географическом сочинении «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси указаны расстояния в днях пути между городами и странами, страны размещены по секциям климатов [1]. По этим данным можно определить местоположение городов с учётом извилистости дорог. Но сведения о размещении стран по секциям климатов почти не применяют. К информации о расстояниях относятся с недоверием.

Сочинение Константина Багрянородного [2] не считают географическим. В нем указано, что города Внешней Руси находились в бассейне р. Днепр, а также отмечена ее граница с печенегами, что помогает составить карту Внешней Руси.

Информация о взаимном положении стран в персидском анонимном сочинении «Худуд ал-алам» позволяет считать его географическим, предоставляющим уникальные сведения для составления политической карты [3], но для некоторых оно остается малоинформативным.

Страны появлялись и исчезали, менялись их границы. Для понимания происходивших процессов важно установление периода времени, для которого актуальны сведения используемого средневекового сочинения. Так, в [3] указано, что Страной Русов правил каган, резиденция которого была в Куябе. Ибн Русте писал о живущих на острове русах, которыми правил каган [4]. Ал-Истахри сообщал о трёх видах русов и их городах: Куяба, Арса, Салав [5]. Константин Багрянородный называл Киев столицей Внешней Руси [2]. Ал-Идриси знал о Руси с городом Кав (Киев) и Внешней Руси с тремя городами: Кукияна, Арса, Салав [4]. Совместное рассмотрение информации разновременных сочинений способствует получению новых знаний о Руси.

Главная задача при анализе содержания средневековых сочинений – попытаться понять представление автора сочинения о том, что он описывал, без оглядки на «что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» [6, с. 135].

Для понимания средневековых реалий необходимо:

- 1) предложить способ определения местоположения городов по сведениям о расстояниях в днях пути;
- 2) определить местоположение Куябы, Арсы, Салава;
- 3) по данным [3] о взаимном положении Страны Русов и её соседей составить политическую карту;
- 4) выстроить карту Внешней Руси Константина Багрянородного;
- 5) проследить изменения территории Руси с течением времени;
- 6) сравнить информацию о русах и славянах;
- 7) сопоставить сведения первоисточников о погребальных обрядах русов с археологическими данными о погребальных обрядах на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры;

8) установить варианты местоположения междуречья русов.

Методика исследования

В сочинении «Нузхат ал-муштак» ал-Идриси разделил земную поверхность на климаты, а климаты — на секции. Его обзор приведен в [1]. В третьей секции шестого климата ал-Идриси поместил сведения о Венгрии, в четвёртой и пятой — о Македонии и Руси (таблица). Из чего следует, что Русия ал-Идриси могла граничить с Македонией и Венгрией. Ал-Идриси поместил сведения о Руси не только в четвёртой и пятой секциях шестого климата, но и в четвёртой, и в пятой секциях седьмого климата. Он констатировал, что Русия — это большая страна [4, т. 3, с. 129–137]. В шестой секции расположилась Внешняя Русия вместе с Волжской Булгарией, Хазарией, Аланией [1, с. 117]. Основная часть Руси располагалась в Поднепровье. Внешняя Русия находилась восточнее, в бассейне р. Дон.

Расположение провинций Византии и стран по секциям шестого климата ал-Идриси / Location of the provinces of Byzantium and countries by sections of the sixth climate of al-Idrisi

Территория	Секция			
	3	4	5	6
Провинции Византии и страны	Венгрия, Польша, Германия, Фракия, Чехия	Русь, Фракия, Македония	Русь, Болгария, Половецкая степь, Македония	Русь Внешняя, Половецкая степь, Волжская Булгария, Башкирия, Алания, Хазария

И.Г. Коновалова считала, что за «Внешней Русью ал-Идриси не скрывается никакого самостоятельного значения» и воспринимать ее «какой-то особой частью русских земель нет оснований» [1, с. 211].

Ал-Идриси рассказывал о двух странах под названием «Русия» [1, с. 121]: 1) Внешняя Русия, или Донская Русь; 2) Русия, граничащая с Венгрией и Македонией, победившая болгар, буртасов и хазар, со столицей в Киеве (у ал-Идриси — город Кав), или Днепровская Русь. Во Внешней Руси он отмечал города Кукияна, Салав и Арса, в каждом из которых был свой царь. Арса находился между Кукияной и Салавом [1, с. 119].

И.Г. Коновалова писала, что «если локализация первых двух групп русов — Куябы в Киеве, Славии в центре, находившихся на территории будущего Новгорода или рядом с ним, не вызывает особых разногласий у исследователей, то относительно местоположения третьей группы — Арсы — продолжают выдвигаться новые версии, несмотря на то что их существует уже не менее полутора десятков ... Совершенно очевидно, что топонимы Куяба и Кукияна не ассоциировались у ал-Идриси с Киевом» [1, с. 233, 235]. Ал-Идриси называл Куябу Кукияной, потому что знал о Киеве на Днепре.

Исследователи, локализовавшие Куябу в Киеве, проигнорировали знание ал-Идриси, у которого Куяба и Кукияна с Киевом не ассоциировались.

Благодаря информации о расстояниях между городами и странами [1] можно определить местоположение городов Внешней Руси. Для этого в первую очередь переведем древние меры длины в современные.

Как писал Геродот, «дневной переход я принимаю в 200 стадий» [7, с. 242]. Стадий равен 177,6 м [7, с. 566]. Получается, такой переход составит: $177,6 \times 200 = 35\,520$ м.

Дневной переход — это расстояние, которое проходила гружёная лошадь за 6 ч. Арабский переход не должен был сильно отличаться от греческого. Фарсах — это расстояние, которое проходила гружёная лошадь за 1 ч. За норму принимался переход по ровной дороге. Фарсах по ровной дороге равен трём милям. Милья составляет 4000 чёрных локтей, чёрный локоть — 0,49 м [8, с. 392].

1 милья = $0,49 \times 4000 = 1960$ м.

По арабскому счёту дневной переход: $1960 \times 3 \times 6 = 35\,280$ м. Разница в расстояниях арабского и греческого дневных переходов вызвана округлением при переводе древних мер длины в современные и равна: $100 \% \times (35\,520/35\,280 - 1) = 0,68 \%$.

При подъёме в гору дневной переход был меньше 35 280 м в связи с сокращением длины шага, при спуске — больше. При незначительном различии высотных отметок пути между начальным и конечным пунктами дорогу условно можно считать ровной. При большем перепа-

де необходима поправка на изменение скорости движения. Также следует учитывать извилистость дорог: на низменности она незначительна, на возвышенности возрастает, в горах становится очень большой. Для определения расстояний используем сервис «Яндекс.Карты».

Чтобы сформировать общую картину, проанализируем разные источники. В предисловии к переводу «Худуд ал-алам» на английский язык отмечается: An anonymous geographical work called Hudud al-'Alam, i.e. "The Regions of the World", was compiled in 372/982-3... [3, p. 41]. В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский и другие полагали, что в сочинении «относительно мало новой информации» о русах, славянах и хазарах «по сравнению с сообщениями более ранних авторов» [4, т. 3, с. 52], так как эти актуальны лишь на 982 г. Изучение средневековых сочинений Е.С. Галкиной подтверждает «скорее всего ... датировку большей части информации „Худуд“ не позднее 1-й трети IX в.» [9, с. 154].

Т.М. Калинина, В.С. Флёрв, В.Я. Петрухин перевели «Худуд ал-алам» как «Границы мира», сравнили его с другими средневековыми сочинениями и пришли к выводу, что «сведения об областях проживания и пределах восточноевропейских народов, в том числе хазар, в книге „Границы мира“ не могут быть объективными» [10, с. 21–22].

Б. Шудар обратил внимание, что печенеги были не на Днепре, и после анализа других данных отметил, что «ситуация в трактате отражает время после 895 г.» [11, с. 263]. Из-за такой датировки у него получилось, что венгры раздвоились: западные уже обрели родину, а восточные жили на землях мордвы. Б. Шудар легко определил границу хазар и хазарских печенегов по Ставропольской возвышенности, территории внутренних болгар и мирват. Он составил схему размещения стран, на которой столица Руси — Киев [11, с. 265].

«В „Худуд ал-алам“ имеется несколько ссылок на неизвестную нам карту» [4, т. 3, с. 52]. Ее описание позволяет восстановить части карты со Страной Русов и её соседями. Здесь следует начать с определения территории внутренних болгар, а также времени, для которого актуальны сведения каждого первоисточника, чтобы по этим данным проследить изменения территории Руси.

Византийский император Константин Багрянородный (905–959) называл Днепровскую Русь Внешней Росией [2; 4, т. 2, с. 158]. М.В. Бибииков сообщил о пяти толкованиях выражения «Внешняя Росия» [4, т. 2, с. 158], но они направлены на приведение информации Константина Багрянородного в соответствие с «Повестью временных лет». Правильно ли это?

Константин Багрянородный, будучи современником князя Игоря и княгини Ольги, обладал информацией о Руси середины X в. А древнейший Киевский свод датируется 1039 г. Доказательств ведения ежегодных записей, т. е. летописи, нет до последней четверти XI в. [12, с. 351]. Первая редакция «Повести временных лет» была составлена в 1116 г. [12, с. 357]. Поэтому представления о Руси середины X в., создаваемые «Повестью временных лет», нужно корректировать в соответствии с информацией Константина Багрянородного.

Сведения иностранных первоисточников о начальной истории Руси предпочтительнее «Повести временных лет». Ведь ее версия о Рюрике, Аскольде, Дире, Олеге не подтверждена ничем. В синодальном списке Новгородской первой летописи нет текста до 1016 г. В комиссионном списке Новгородской первой летописи тоже отсутствует начало. При публикации в него помещают текст Толстовского списка XVIII в., составленного, видимо, посредством копирования плохо сохранившегося экземпляра «Повести временных лет». Нет оригиналов русского и византийского текстов договора, заключённого с греками якобы Олегом из Киева, в то время как русский и византийский оригиналы договора 944 г. сохранились.

Посвятивший свою жизнь изучению русских летописей, А.А. Шахматов в 1916 г. утверждал: «Рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [12, с. 284]. Иностранные авторы были свободны от русских политических страстей.

Из городов Внешней Росии Константина Багрянородного четвёртый в списке — Чернигога. Четвёртое племя в списке племён — северии. Полагаем, что города и племена Константин Багрянородный перечислил по очередности их посещения князем во время полюдя. При составлении карты следует исходить из этой очередности и учесть сведения о границе печенегов.

Результаты и их обсуждение

Определим местоположение городов Внешней Руси. В частности, ал-Истахри писал, что ближайший к Булгару город русов — Куяба [4, т. 3, с. 85].

В бассейне р. Дон скопление городищ обнаружено на притоках Дона: Тихая Сосна, Оскол, Северский Донец. Ближайшее городище к Булгару — Маяцкое.

Как указал ал-Идриси, «от [города] Булгар до первых рубежей русов десять переходов. От [города] Булгар до [города] Кукийана около двадцати переходов» [1, с. 121]. Этих сведений нет в переводе В.М. Бейлиса [13, с. 211]. Видимо, он посчитал их бессмысленными. Можно найти в них смысл, если полагать, что в первом предложении сообщается, сколько дней нужно идти по территории Волжской Булгарии, а во втором предложении приводится количество переходов по Русской земле, т. е. если во втором предложении указано расстояние от земли Булгар, а не от города. Так, А.П. Ковалевский пояснял, что одно арабское слово могло означать «поселение, город, страна» в зависимости от контекста [14, с. 88].

Будем считать ал-Идриси разумным человеком, а расстояние от Булгара до Куябы (Кукийаны) равным около 30 переходов. Предположим, что Куяба находилась у Маяцкого городища лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры.

Расстояние между городищем Булгар и Маяцким городищем (Куяба) по прямой — 792 км, минимальное расстояние по дороге — 1050 км (рис. 1). Извилистость дороги между городищами Булгар и Маяцким: $i_i = 1050/792 = 1,326$. Количество переходов (N) между Булгаром и Куябой: $N_1 = 1050/35,28 = 29,76$ — результат удовлетворительный. 900 лет назад извилистость дороги между Булгаром и Куябой была приблизительно такой же, как сейчас. Можно считать, что город, находившийся у Маяцкого городища, назывался Куяба (Кукийана).

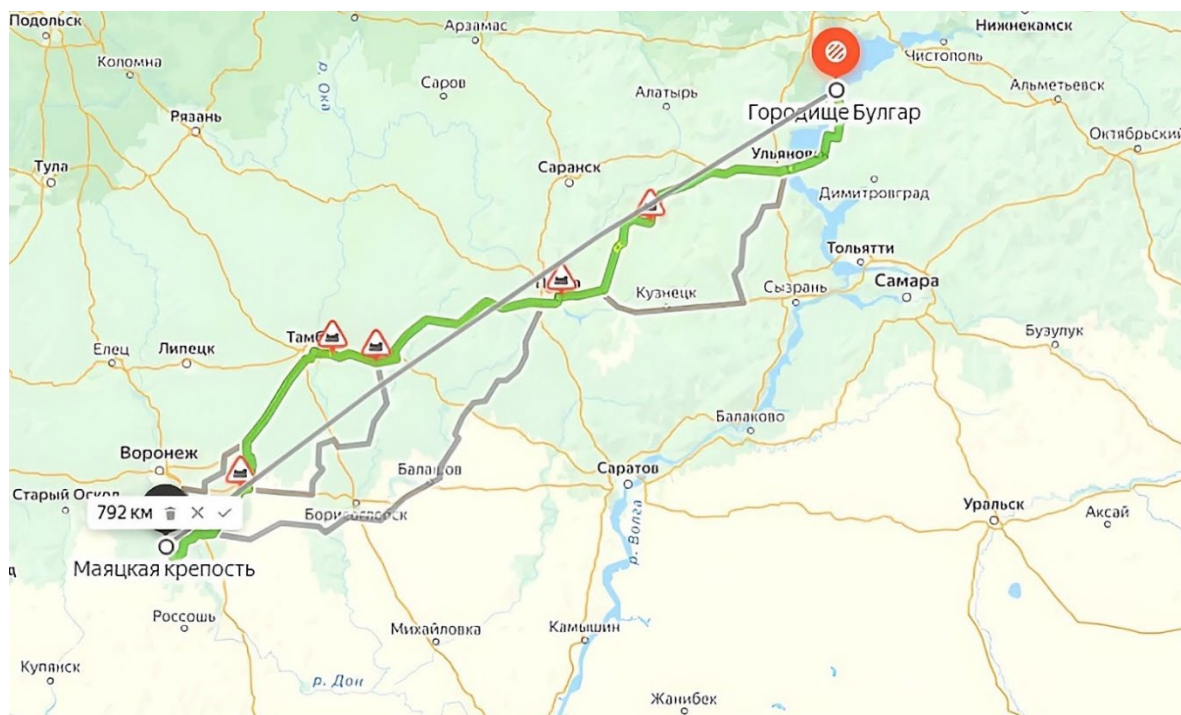

Рис. 1. Расстояние между городищами Булгар и Маяцкое / Fig. 1. The distance between the hillforts of Bulgar and Mayatskoye

От Кукийаны до Арсы — четыре дневных перехода, от Арсы до Салава — столько же [1, с. 120]. Найдём местоположение Арсы и Салава.

Из городищ лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры только семь являются остатками крепостей, которые не могли быть сооружены силами сельской общины: «Красное, Алексеевское, Колтуновское, Мухомудеровское, Верхнеольшанское, Маяцкое ... Салтовское» [9, с. 264, 267]. Из них наиболее удалено от Маяцкого городища Салтовское.

Допустим, у Салтовского городища стоял г. Салав. Арса была посередине между Куябой и Салавом. Почти посередине между Маяцким и Салтовским городищами находилось Красное городище. Рядом с ним, возможно, была Арса в верховьях Тихой Сосны.

Расстояние по прямой между Красным и Салтовским городищами — 98,5 км (рис. 2), между Красным и Маяцким городищами — 102 км (рис. 3), по дороге — 115 и 117 км соответственно.

Найдём извилистость дорог: $i_2 = 115/98,5 = 1,168$; $i_3 = 117/102 = 1,147$. Она значительно ниже, чем между городищами Булгар и Маяцким. Извилистость дорог между городами Куяба, Арса, Салав 900 лет назад: $i_{2i} = 35,28 \times 4/98,5 = 1,433$; $i_{3i} = 35,28 \times 4/102 = 1,384$.

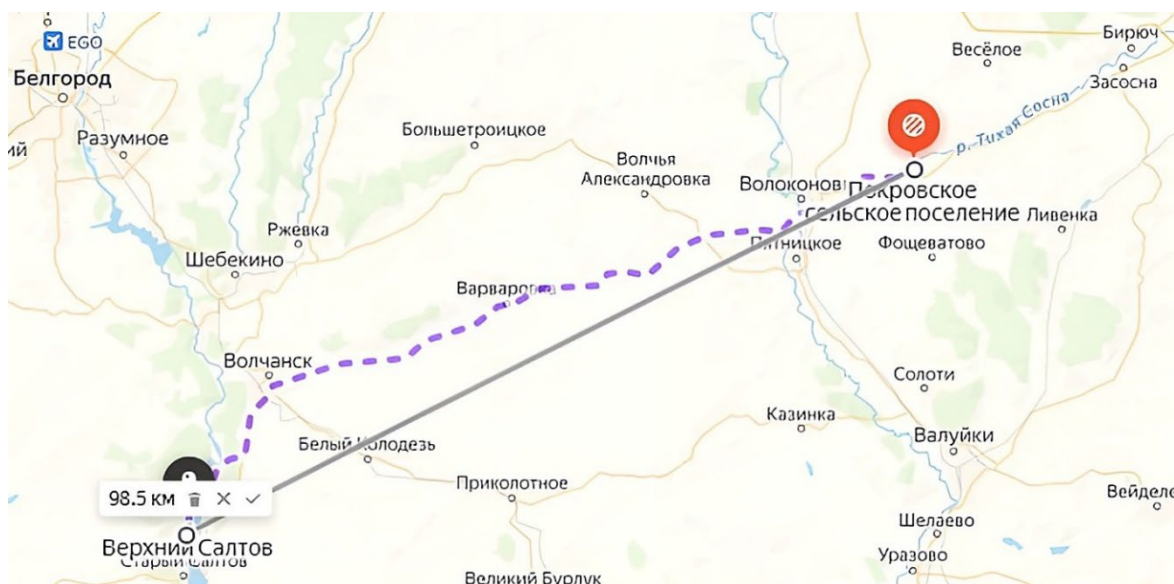

Рис. 2. Расстояние между Красным и Салтовским городищами / Fig. 2. The distance between Krasnoe and Saltov hillforts

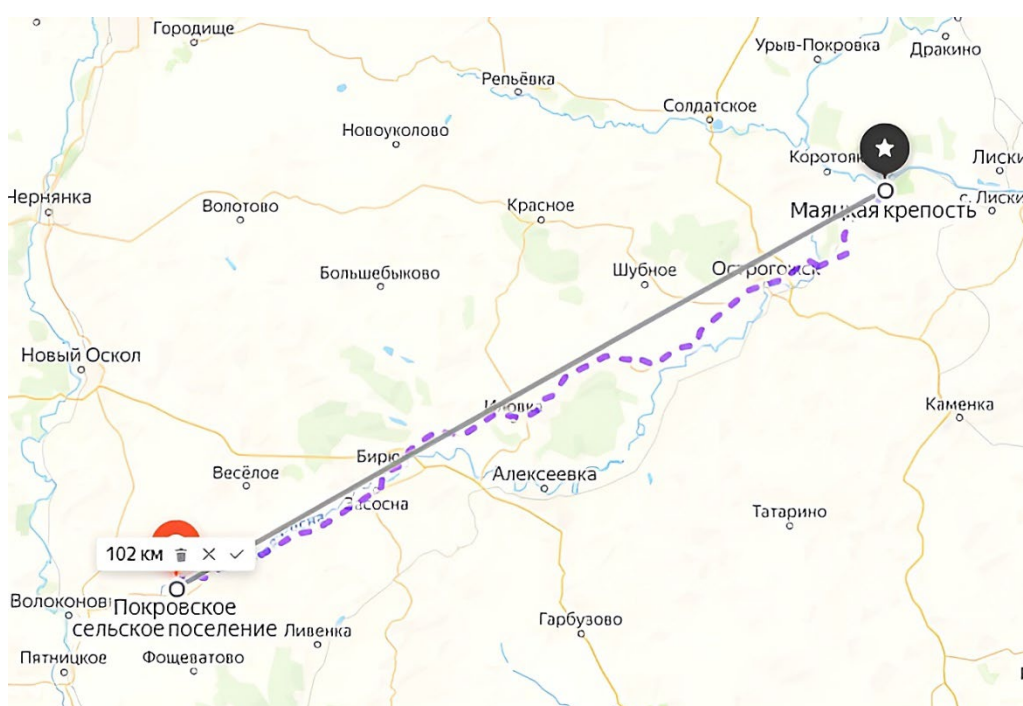

Рис. 3. Расстояние между Маяцким и Красным городищами / Fig. 3. The distance between Mayatskoye and Krasnoe hillforts

Найдём количество переходов между городищами: $N_2 = 115/34,56 = 3,3$ дня; $N_3 = 117/34,56 = 3,4$ дня. Количество переходов оказалось меньше, чем во времена ал-Идрисы.

Почему путь между городищами Булгар и Маяцким оказался таким же длинным, как 900 лет назад? Его большая часть проходит по дороге Ульяновск — Воронеж. Расстояние между этими городами по прямой — 683 км, по трассе — 810 км. Извилистость дороги Ульяновск — Воронеж ($i_1 = 810/683 = 1,186$) незначительно отличается от извилистости дорог между городищами Маяцким, Красным, Салтовским.

Добор расстояний на пути между городищем Булгар и Маяцким городищем происходит за счёт того, что они находятся в стороне от транзитных дорог (рис. 4). Извилистость дорог 900 лет назад была выше, чем сейчас. Её превышение для трёх рассмотренных случаев составит: $1,326/1,186 = 1,118$; $1,433/1,168 = 1,227$; $1,384/1,147 = 1,207$, т. е. на 11,8; 22,7; 20,7 %.

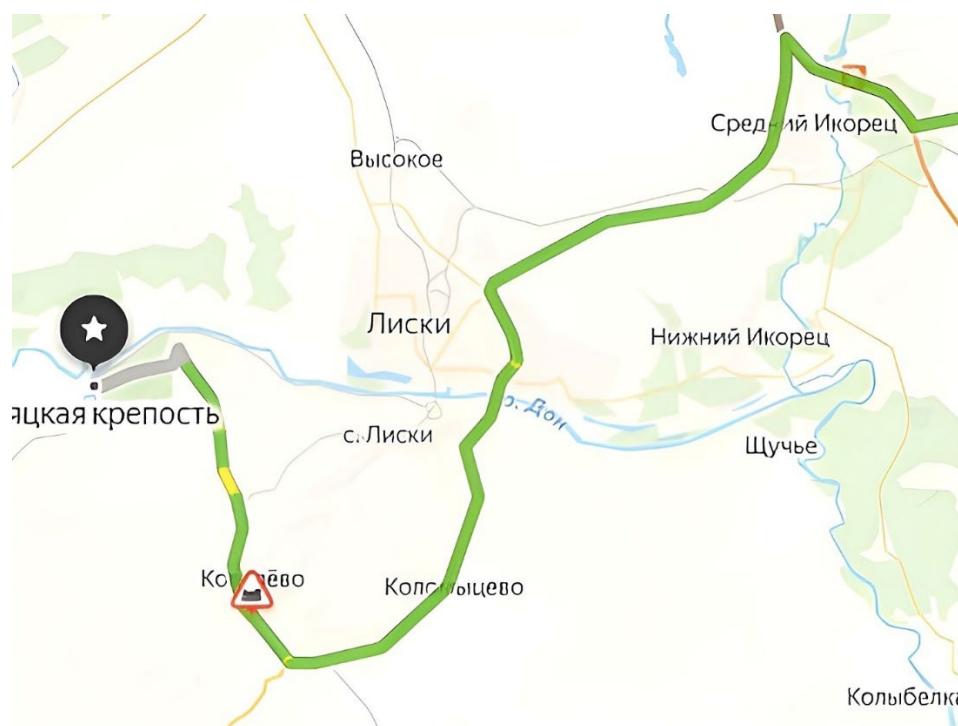

Рис. 4. Дорога местного значения на юг, потом на север / Fig. 4. A local road runs south, then north

Большая часть дороги Булгар — Куяба проходила по низменности, где превышение извилистости древней дороги над извилистостью современной дороги минимально. Дорога Салав — Арса преодолевала холмистый водораздел, где 900 лет назад приходилось обходить крутые подъёмы. При строительстве современных дорог выполняются большие объёмы земляных работ для уменьшения угла подъёма на холмы. Поэтому превышение извилистости древней дороги над извилистостью современной дороги максимально на холмистом водоразделе. Дорога Куяба — Арса следовала за изгибами р. Тихая Сосна.

Итак, у Маяцкого городища в устье р. Тихая Сосна находилась Куяба (Кукияна), у Красного городища в верховьях р. Тихая Сосна — Арса, у Салтовского городища на Северском Донце — Салав. Все три города располагались на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры, начало которой разные авторы относили к VI [15], VII [16] или середине VIII в. [17]. Салтово-маяцкая археологическая культура считалась хазарской, аланской, венгерской, славянской [17, с. 6], скандинавской [15, с. 56].

В «Худуд ал-алам» взаимное положение стран зафиксировано на 834 ± 2 г. Существуют две причины данной датировки: 1) в сочинении фигурируют славяне-христиане [3, р. 157] (Моравия приняла христианство в 831 г.); 2) византийское упоминание угров, напавших в 837 г. на византийцев, бежавших из болгарского плена, является первым сообщением о венграх в Причерноморье [8, с. 346].

С вторжением венгров в Причерноморье связывают также невозможность безопасного возвращения на родину из Константинополя послов кагана Rhos. Из-за чего в 839 г. послы оказались в Ингельгейме, где император Людовик их задержал, решив, «что они из народа свеев (Sueones)» [4, т. 4, с. 20].

Рассмотрим взаимное положение стран, воспользовавшись сведениями [3, р. 158–163] с заменой древних названий гор, рек и морей современными:

1. На востоке от Страны Славян — внутренние болгары и русы, на юге — Чёрное море и Византия.

2. На востоке от Страны Русов — Приволжская возвышенность, на юге — среднее течение р. Дон, на западе — славяне.
3. На востоке от Страны Мирват — Донецкий кряж и хазарские печенеги, на юге — Азовское море и хазарские печенеги, на западе — Азовское море и внутренние болгары.
4. На востоке от хазарских печенегов — Ставропольская возвышенность, на западе — Азовское море, на севере — мирваты.
5. На востоке от Страны Хазар — море, р. Волга, на севере — б.радасы и в.н.нд.р, на западе — Ставропольская возвышенность.
6. На востоке от Страны Буртас — гузы, на западе — Волга, на севере — тюркские печенеги.
7. На востоке от Страны В.н.нд.р — б.радасы, на юге — хазары, на западе — Донецкий кряж, на севере — венгры.
8. На востоке от Страны Б.радас — Волга, на юге — хазары, на западе — в.н.нд.р, на севере — тюркские печенеги.
9. На востоке от внутренних болгар — мирваты, на юге — Азовское море, на западе — славяне, на севере — Русская гора (одна из гор на Донецком кряже).
10. На востоке от Страны Венгров — гора, на юге — в.н.нд.р, на западе и севере — русы.
11. На востоке от тюркских печенегов — гузы, к югу — буртасы и б.радас, к западу — русы и венгры.

Е.С. Галкина сделала вывод, что Русский каганат со столицей «в верховьях Северского Донца» занимал территорию «от левобережья Днепра до Среднего и Нижнего Дона» [9, с. 300, 301].

По сведениям о взаимном положении стран составлена политическая карта по принципу сборки картинки из пазлов (рис. 5).

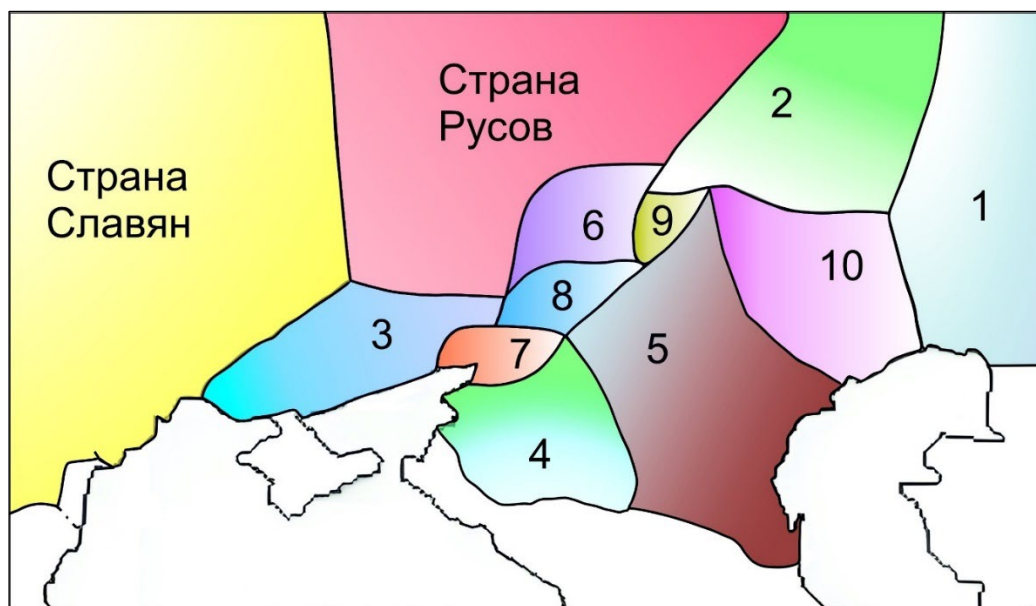

Рис. 5. Племена и страны по [3]: 1 — гузы; 2 — тюркские печенеги; 3 — внутренние болгары; 4 — хазарские печенеги; 5 — хазары; 6 — венгры; 7 — мирват; 8 — в.н.нд.р; 9 — б.радасы; 10 — буртасы
 / Fig. 5. Tribes and countries [3]: 1 - Guzs; 2 - Turkic Pechenegs; 3 - Inner Bulgarians; 4 - Khazar Pechenegs; 5 - Khazars; 6 - Hungarians; 7 - Mirvat; 8 - v.n.nd.r; 9 - B.Radasy; 10 - Burtas

На Днепре располагалась Страна Славян. Между нею и Приволжской возвышенностью находилась Страна Русов с городом Куяба, в котором была резиденция кагана русов.

Так как государство, где правит каган, правильно называть каганатом, а в переводе на современный русский язык каганат — это империя, Страна Русов — это Русская империя. Резиденция императора была в замке, что стоял на месте Маяцкого городища.

Почти сотню лет назад стало бы известно, какую территорию занимал Русский каганат в 830-е гг., а также местонахождение его столицы, если бы переводчик средневековых географических сочинений хорошо изучил географию.

На территории Киева археологически проявляются признаки города как центра княжества только в первой половине X в. [18, с. 127]. В IX в. Киевского княжества ещё не было. Не будем забывать, что «Повесть временных лет» сочинялась в Киеве. В Стране Славян были города Хордаб, Вабнит [4, т. 3, с. 54].

Автор «Худуд ал-алам» сообщил, что, в отличие от других стран, Русская империя огромна и изобилует всеми жизненными благами, потому что «её жители отличаются ... воинственностью ... они воюют со всеми ... всегда выходят победителями» [3, р. 159]. В 830-е гг. Русская империя — это великая держава, её армия непобедима.

Патриарх Фотий в 867 г. утверждал, что даже многопрославленные росы, покорившие все окружающие их народы, стали христианами и приняли епископа-грека [4, т. 2, с. 132]. До 867 г. Русская империя должна была освоить Страну Славян на Днепре. Иначе нельзя было бы утверждать, что русы покорили все окружающие их народы.

В списке племён к северу от Дуная второй половины IX в. [4, т. 4, с. 25], около 873 г. [19, с. 424], присутствуют русы и пять племён росов. В этом списке зафиксирована ситуация, когда Русская империя (руссы) уже покорили Страну Славян, но ещё не распалась. После вхождения в состав Русской империи пять славянских племён стали пятью племенами росов.

М.И. Артамонов писал, что в X в. на Днепре начала распространяться керамика с волнисто-линейным орнаментом, известная на Дону не позже IX в. [8, с. 62]. На Киевщине были обнаружены трупосожжения с захоронением золы в салтово-маяцких сосудах. В начале X в. в Среднем Поднепровье появилась ингумация в срубных гробницах, ориентированных на запад, иногда с христианскими атрибутами. Среди них встречаются весьма богатые — с массой оружия, конём и женщиной. Горшки и украшения, сопровождавшие покойного, типично славянские [15, с. 138]. Переход к ингумации говорит о распространении христианства в Поднепровье после его вхождения в состав Русской империи. Возможно, есть другие археологические подтверждения покорения Русской империей Страны Славян.

Установленное археологами прекращение существования салтово-маяцкой археологической культуры в начале X в. [8, с. 360], отсутствие упоминаний после 912 г. Русской митрополии [20], занимавшей 61-е место в списке митрополий при императоре Льве Мудром (886–912), свидетельствуют о распаде Русского каганата в начале X в. Ибн Русте, сведения которого датируются 70–90 гг. IX в., ещё упоминал о русском кагане [4, т. 3, с. 48]. Ал-Истахри уже написал о трёх царствах русов [4, т. 3, с. 85].

Три небольших царства — Куяба, Салав и Арса — были уничтожены киевлянами в начале XII в. во время походов Святополка II и Ярополка. После этого появились «бродники, презирающие смерть, ветвь русских...», потомки «подонского оседлого населения» [21, с. 179]. В летописи первое упоминание о бродниках датируется 1147 г., когда «бродники ... придоша» [22, с. 239] на помощь к князю Святославу Олеговичу. Там же разгромленные киевлянами города названы именами половецких князей. Ещё В.Н. Татищев догадался, что названия городов «не настоящие указаны» [23, с. 659]. М.И. Артамонов указывал, что эти города «не принадлежали кочевникам половцам» [8, с. 359], что, несмотря на то что «салтовская культура прекратила своё существование в начале X века», носители её «сохранились вплоть до начала XII века» [8, с. 360]. Анализ сведений о походах киевлян и бродниках позволяет утверждать, что в начале XII в. на Донской Руси жили русы-христиане.

Вернемся к Внешней Росии. Константин Багрянородный упоминал города, из которых в Киев поставлялись моноксилы: «Немогард, Милински, Телиуца, Чернигога, Вусеград» [2, с. 45], а также племена полюдья: «вервиане, другувиты, кривичи, северии» [2, с. 51], где князь с дружиной кормился зимой, и платившие дань племена: «ультины, дервленины, лenzанины» [2, с. 157].

Сопоставление перечня этих городов с перечнем племён полюдья по очередности упоминания «позволяет составить пары: Немогард — вервиане, Милински — другувиты, Телиуца — кривичи, Чернигога — северии» [24, с. 145].

На основании [2] составлена карта Внешней Росии (рис. 6). Росы — «поляне иже ныне зовомая Русь» [25, с. 20], ультины — уличи, дервленины — древляне, другувиты — дреговичи, кривичи, северии — северяне — размещены на привычных местах.

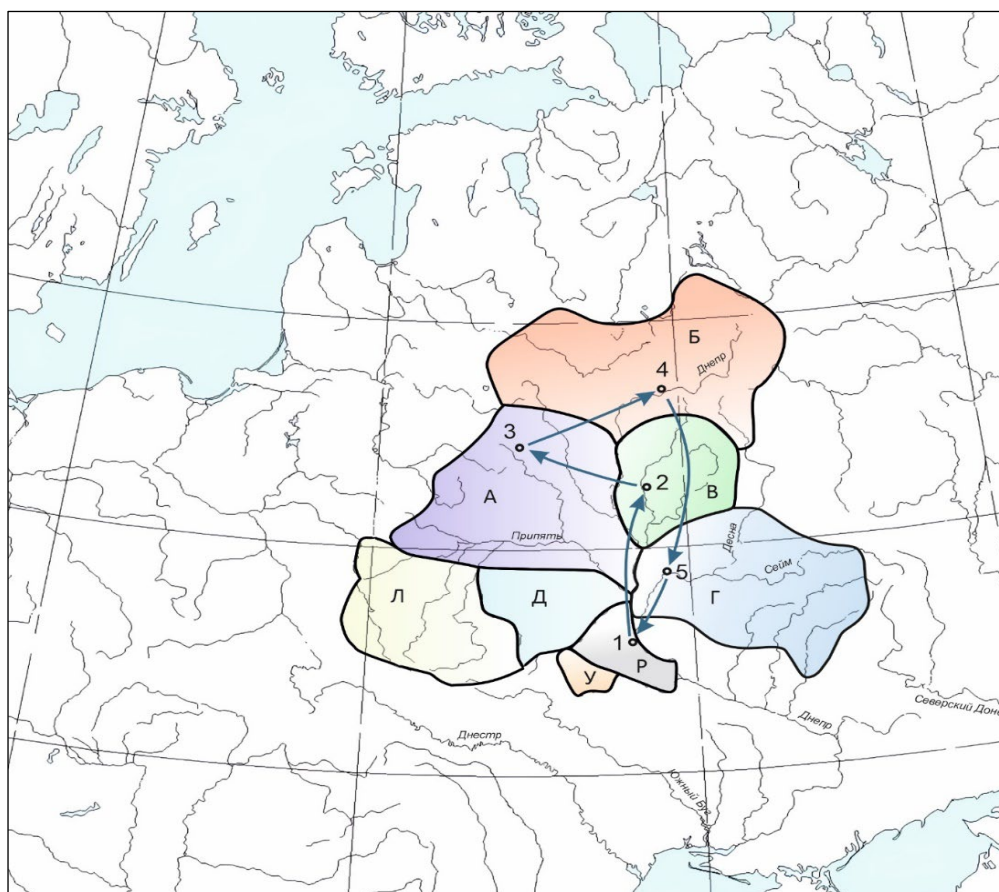

Рис. 6. Внешняя Русия [2]: Р — росы. Племена полудья: А — другувиты; Б — кривичи; В — вервиане; Г — северии. Подплатежные племена: Д — дервлянины; Л — лenzанины; У — ультины. Города: 1 — Киоава; 2 — Немогард; 3 — Милиниски; 4 — Телиуца; 5 — Чернигога / Fig. 6. External Rusia [2]: Р - Rhos. Polyudye tribes: А - Druguvites; Б - Krivichi; В - Vervians; Г - Severians. Tributary tribes: Д - Derlyanins; Л - Lenzanins; У - Ultins. Cities: 1 - Kiyava; 2 - Nemogard; 3 - Miliniski; 4 - Teliutsa; 5 - Chernigoga

Почти одновременно с Константином Багрянородным ал-Истахри сообщил о царствах русов Куяба, Арса и Салав в бассейне р. Дон. Первый собирал информацию о Днепровской Руси, второй — о Донской Руси.

Ал-Идриси жил на Сицилии. По мусульманским каналам он получал сведения о Донской Руси, по христианским — о Днепровской Руси, которые затем объединил.

Рассмотрим информацию о русах и славянах. Так, А.В. Назаренко установил, что в середине IX в. существовало славянское слово «Русь» [4, т. 4, с. 29]. Ал Масуди дважды повторил сообщение Ибн Хордадбега (820–890), что русы — это славяне [4, т. 3, с. 30, 113, 117–118]. П. Сойер написал, что сообщение Ибн Хордадбега противоречит тому, что в Европе «принято думать» о русах, поэтому на него не следует обращать внимание [26, с. 70, 71]. Кроме того, Ибн Хордадбех отмечал, что переводчиками купцов русов были славяне [4, т. 3, с. 31]. Когда рус говорил о рае [14, с. 83], переводил славянин Борис¹. О.Н. Трубачёв заявлял, что слово «рай» было в лексиконе славян задолго до принятия христианства [27, с. 28–30]. Судя по летописи, русы хорошо понимали язык славян [25, с. 28].

В «Житии Константина Философа» не утверждается, что Константин избрёл славянскую письменность, в Херсонесе он встретил человека, говорившего на русском языке, который показал ему Евангелие и Псалтырь и научил читать по-русски [27, с. 175]. В «Слове о грамоте русской» сообщается, что русской письменностью Константин поделился с другими славянами

¹ В переводе — «Барис» [14, с. 55]. Ибн Фадлан записывал на слух, поэтому вместо правильного «Борис» получилось ошибочное «Барис».

[28, с. 319]. Современные авторы считают, что в «Житии Константина Философа» язык назван русским ошибочно, а информацию «Слова о грамоте русской» игнорируют.

В дискуссии с трёхязычниками в 867 г. Константин перечислил народы, сделавшие переводы богослужебных книг на свои языки, не упомянув о русских Евангелии и Псалтыре, которыми он пользовался в Херсонесе [27, с. 178]. Естественно, Константин об этом не говорил, потому что знал: русы — это славяне, русский язык — это славянский язык. Ведь он научил других славян писать по-русски.

Считается, что Константин и Мефодий создали письменный славянский язык на основе родного древнеболгарского языка. Эта гипотеза безосновательна, потому что, во-первых, неизвестны надписи, тексты первой половины IX в. на солунском диалекте древнеболгарского языка; во-вторых, Константин и Мефодий были греками.

Русская письменность, о которой сообщило «Житие Константина Философа», постоянно совершенствуясь, оставалась русским литературным языком до XVIII в. Этот средневековый русский литературный язык немец А. Остенек (А.Х. Востоков) в 1820 г. назвал церковнославянским.

В 967 г. папа Иоанн XIII знал, что у народа Руси христианское богослужение ведётся на славянском языке [4, т. 4, с. 185], от епископа Адальберта, который по просьбе княгини Ольги в 961 г. был направлен на Русь [4, т. 4, с. 226].

Ибн Русте писал о русах: «Они высокого роста, статные и смелые» [29, с. 11]. Ибн Фадлан восхищался ими: «Я не видел людей с более совершенными телами, чем они» [4, т. 3, с. 68]. Проконный Кесарийский отмечал, что «они [славяне и анты] очень высокого роста и огромной силы» [29, с. 7]. Феофилакт Симокатта сообщал, что византийский император, беседовавший с тремя славянами, был удивлён «величине их тел и красоте телосложения» [4, т. 2, с. 99]. Таким образом, описания русов и славян схожи. По мнению императора Маврикия, «племена славян и антов ... выносливы, легко переносят жару, холод, дождь, наготу, недостаток в пище» [29, с. 7], а «[германцам] в тягость жара, холод, дождь, нехватка съестных припасов, особенно вина» [30, с. 189].

Менандр приводил прямую речь славян: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи» [31, с. 248].

Отметим особенности погребальных обрядов русов и славян. В «Худуд ал-алам» указано, что мёртвых славяне и русы сжигали [4, т. 3, с. 54–55]. Ибн Русте писал, что у славян после смерти мужа одна из жён добровольно удушает себя и её сжигают вместе с ним; для умершего знатного руса готовят могилу в виде большого дома, кладут туда тело, множество вещей и его живую жену, которая умирает после закрытия могилы [4, т. 3, с. 43–50]. Гардизи повторил сведения Ибн Русте о погребении умершего руса с живой женой [4, т. 3, с. 59].

Ал-Истахри сообщал о сжигании с умершими богатыми русами их девушек «для блаженства душ» [5, с. 193]. Ибн Хаукал это повторил [5, с. 221]. Ибн Мискавайх писал, что с умершим русом погребали жену или другую женщину [4, т. 3, с. 104]. Ал-Масуди тоже указывал, что славяне и русы сжигали жену с умершим мужем.

В VI в. византийский император Маврикий отмечал, что у славян женщины, целомудренные «сверх всякой человеческой природы», после смерти мужей «добровольно удушают себя» [4, т. 2, с. 96]. О добровольном умерщвлении вдовы после смерти мужа у славян св. Бонифаций, объяснявший это взаимной любовью, писал правителю Мерсии в 745–746 гг. О любви как причине ухода из жизни вдов славян и русов упоминается в «Худуд ал-алам», у Ибн Русте и Ибн Мискавайха. Византийский император Лев Мудрый подчёркивал, что добровольное умерщвление вдовы — это обычай славян [19, с. 189].

По словам Ибн Фадлана, существовал ритуал добровольного умерщвления женщины после смерти мужчины. Сразу после смерти знатного руса одна из его девушек проявила желание умереть вместе с ним. Десять дней после смерти мужчины шла подготовка к обряду сожжения. Все необходимые функции распределялись между родственниками умершего знатного руса. Соблюдался определённый порядок действий, в том числе женщиной, специализировавшейся на умерщвлении вдов [4, т. 3, с. 72–76].

Не проводили ритуала добровольного умерщвления вдов венгры, хазары, аланы, булгары, германцы, печенеги, гузы, буртасы, половцы.

На территории лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры археологи нашли три вида погребального обряда: кремация [15, с. 112], ингумация в катакомбах [15, с. 105], ингумация в ямах [15, с. 103].

Катакомбных погребений множество. Каждое из них состоит из камеры, в которой находится захоронение, и узкой траншеи, обеспечивающей проход к камере. Можно считать катакомбные погребения разновидностью камерных погребений.

Нередко в катакомбе с языческим инвентарём находят останки мужчины и женщины. С.А. Плетнёва отмечала, что захоронения мужчины с женщиной отличаются от других захоронений богатством [17, с. 79], подтверждая сообщение Ибн Русте, что так хоронили знатных русов: «В целом парные погребения весьма напоминают одиночные захоронения воинов, потому что женщина положена в камеру умершего мужчины в качестве его имущества, так же как вещи или лошадь» [17, с. 80].

Обнаруженные археологами в лесостепном варианте салтово-маяцкой археологической культуры ингумация в катакомбах, могилах в виде большого дома и кремация соответствуют арабским описаниям двух похоронных обрядов русов. Погребения в катакомбах приписывают аланам, потому что там находят останки людей, черепа которых относятся к длинноголовому типу; считают, что погребали умерших только кочевники.

В начальный период после перехода к ингумации в погребениях славянского племени северян скелеты с черепами длинноголового и среднеголового типов составляли 98 % [19, с. 25]. Резонно полагать, что на территории салтово-маяцкой археологической культуры погребения с черепами длинноголового типа в катакомбах также принадлежали славянам.

Получается, часть русов отказались от кремации в пользу ингумации. Погребение, дающее ключ к разгадке того, почему некоторые русы предпочитали ингумацию, обнаружено в сотне километров восточнее Львова. В этом камерном погребении мужчины с женщиной найдены нательные серебряные крестики [32, с. 488], которые стали носить после 988 г.

Таким образом, хоронили мужчину с женщиной русы-христиане. Захоронения христиан с языческим инвентарём не редкость на Руси в X — начале XI в. [33, с. 400–408]. Когда захоронения с языческим инвентарём и каменными крестами над могилами нашли в Англии, стали называть это смешением языческих и христианских обычаев [26, с. 115].

Ал-Масуди писал, что, идя на сожжение, жёны русов были уверены, что только так могут попасть в рай [4, т. 3, с. 113]. Ингумация вдовы с умершим мужем-христианином свидетельствует о сохранении какое-то время после принятия христианства веры в то, что женщина может попасть в рай только так.

Можно было бы считать, что ингумация в катакомбах мужчины с женщиной начала практиковаться после 867 г. Но нет оснований говорить, что христиане отсутствовали в Донской Руси в более раннее время и даже среди антов, оставивших пеньковскую археологическую культуру, которую наследовал лесостепной вариант салтово-маяцкой археологической культуры.

В языческих Новгороде и Киеве христиане не подвергались преследованиям. Мало того, в Киеве они входили в состав высшей знати наряду с язычниками. Достаточно вспомнить клятвы русов-христиан и русов-язычников в 944 г. Логично полагать, что доброжелательное отношение к христианам было общим для восточных славян (русов).

Следовательно, ритуальное добровольное умерщвление вдовы после смерти мужа — это этноопределяющий признак славян, в том числе русов и вендов.

Еще один пункт нашего исследования — остров и междуречье русов.

В переводах текстов мусульманских авторов встречаются следующие фразы: «Что касается русов, то они — на острове, окружённом озером»; «Что касается русов, то они живут на острове в море»; «Русы живут на острове среди моря» [4, с. 47, 58, 60, 62, 63, 126]. При этом в переводе текста Ибн Ияса сначала идёт пересказ версии об острове русов, а потом: «Страна Русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов» [4, т. 3, с. 64].

В арабском языке слово «джазира» означает остров, а также территорию, ограниченную чем-нибудь. Например, Джазира — это название северной части междуречья Тигра и Евфрата.

Мусульманские торговцы на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры, переправившись через реку, попадали на воображаемый остров, который

покидали, переправившись через другую реку. Лесостепь русов они называли «джазира русов». Поэтому мусульманские писатели решили, что джазира — это место, где живут русы. Переводчики получили «остров русов», который начали искать и не нашли, так как его никогда не было.

Ибн Русте определил длину острова в три дня пути [4, т. 3, с. 47]. За ним это повторили другие. Три дня пути в километрах: $35,28 \times 3 = 105,84$ км. У ал-Идриси: «От города Салав до города Кукийяна из земли Булгар восемь переходов» [1, с. 119]. Если «из земли Булгар» заменить на «по пути в Булгар», тогда в этом предложении появляется смысл.

Если торговый караван направлялся из Салава в Кукийяну по пути в Булгар, то ему приходилось проходить междуречье Северского Донца и Оскола. По прямой между этими реками — 72–78 км. Извилистость дороги в междуречье Северского Донца и Оскола: $i_c = 105,84/(72-78) = 1,47-1,357$. Извилистость дороги между Красным и Салтовским городищами: $i_{2i} = 1,433$. Так как значение i_{2i} находится внутри диапазона значений i_c , междуречье Северского Донца и Оскола караванщики могли пройти за три перехода.

У ал-Бакри длина «острова» пять дней пути [4, т. 3, с. 126]. Пять дней пути в километрах: $35,28 \times 5 = 176,4$ км. Караванщики, шедшие из Булгара, сначала пересекали междуречье Дона и Оскола. По прямой от Дона до Оскола — 120–130 км. Извилистость дороги в междуречье Дона и Оскола была: $i_d = 176,4/(120-130) = 1,47-1,357$. Извилистость дороги от Маяцкого городища к Красному городищу $i_{3i} = 1,384$. Так как значение i_{3i} находится внутри диапазона значений i_d , междуречье Дона и Оскола караванщики могли пройти за пять переходов.

Вполне возможно, что торговцы представляли себе междуречье русов по-разному. Одни рассказывали о междуречье Северского Донца и Оскола, другие — о междуречье Дона и Оскола.

Сообщение Ибн Русте об обилии влаги в Стране Русов обусловлено специфическим восприятием мусульманского торговца из Арминии, пытавшегося пройти по чернозёму после дождя: «Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погружается в землю по причине её влажности» [4, т. 3, с. 58].

Заключение

1. Предложенный способ применения сведений о расстояниях в днях пути можно использовать как для идентификации объектов, найденных археологами, так и для определения мест, где археологам следует искать городища.

2. В начале XII в. существовали Русия и Внешняя Русия ал-Идриси. Центр Руси находился на Днепре, Внешняя Русия — в Подонье.

3. Кукийяна ал-Идриси (Куяба — у других авторов) располагалась у Маяцкого городища салтово-маяцкой археологической культуры, Арса — у Красного городища, Салав — у Салтовского городища.

4. В 830-х гг. Русская империя с центром на Дону соседствовала со Страной Славян на Днепре. Столицей Русской империи был г. Куяба вблизи Маяцкого городища салтово-маяцкой археологической культуры.

5. До 860-х гг. Русская империя покорила Страну Славян, в 867 г. — приняла христианство.

6. В первой четверти X в. Русская империя распалась. Русская митрополия была ликвидирована.

7. Крупный осколок Русской империи на Днепре Константин Багрянородный назвал Внешней Росией. Ал-Истахри писал о Куябе, Арсе и Салаве, местоположение которых удалось определить по информации ал-Идриси о расстояниях.

8. Для ал-Идриси основная территория Руси была на Днепре.

9. Сведения разных авторов о погребальных обычаях восточных, западных и южных славян позволили сделать вывод, что ритуальное добровольное умерщвление вдовы — это этноопределяющий признак славян, в том числе русов. Погребали живую женщину с умершим мужчиной русы-христиане, сохранявшие в начальный период после принятия христианства веру в возможность попадания женщины в рай только таким способом.

10. Слово «джазира» применительно к расположению Страны Русов — это междуречье Дона и Оскола или Северского Донца и Оскола.

Список источников

1. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М.: Вост. лит., 2006. 328 с. EDN: SFIGON.

2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
3. *Hudud al-'Alam*. The regions of the world a Persian geography, 372 A.H. – 982 A.D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge: University Press, 1982. 524 p.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009–2010.
5. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1870. 308 с.
6. Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: Проспект, 2025. 136 с.
7. Геродот. История. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. 640 с.
8. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2002. 560 с. EDN: XASMAL.
9. Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.
10. Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросс-культурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М.: ЯСК; Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 208 с.
11. Шудар Б. Магьяры в персидском географическом сочинении «Худуд ал-алам» (982 г.) // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 257–265. EDN: YTRYAH.
12. Шахматов А.А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. 485 с. EDN: XRKGPД.
13. Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 208–228.
14. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.: Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. 193 с.
15. Галкина Е.С. Тайны русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.
16. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.: Л., 1958. Т. I. С. 85–150. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 62).
17. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142). EDN: RURWET.
18. Моле Э. К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 118–127.
19. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Иностр. лит., 1956. 450 с.
20. Колыванов Г.Е. Комментарий к истории Киевской митрополии // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/7/23/kommentarij_k_istorii_kievskoj_mitropolii (дата обращения: 24.03.2026).
21. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. М.: Вече, 2013. 304 с.
22. Полн. собр. русских летописей. Т. 2 : Ипатьевская летопись. М.: Книга по требованию, 2013. 640 с.
23. Татищев В. История российская. М.: АСТ: Ермак, 2005. Т. 2. 732 с.
24. Луганцев Б.Б. Русские. Начало истории. Новочеркасск: Южно-Российский гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова, 2017. 343 с.
25. Полн. собр. русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. М.: Книга по требованию, 2013. 380 с.
26. Сойер П. Эпоха викингов. СПб.: Евразия, 2006. 352 с. EDN: QPDAFF.
27. Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.
28. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
29. Хрестоматия по истории России : учеб. пособие / авт.-сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: Проспект, 2008. 592 с.
30. Стратегикон Маврикия / изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.
31. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // Вестн. древней истории. 1941. № 1 (14). С. 230–280.
32. Ливох Р. Большие курганы летописного Плесенска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492. EDN: LBKWPZ.
33. Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

References

1. Konovalova I.G. *Al-Idrisi on the countries and peoples of Eastern Europe*. Moscow: Eastern Literature; 2006. 328 p. (In Russ.). EDN: SFIGON.
2. Constantine Bagryanorodny. On the administration of the empire. Moscow: Science; 1991. 496 p. (In Russ.).
3. Minorsky V., transl. and expl. *Hudud al-Alam. The regions of the world: a Persian geography, 372 A.H. - 982 A.D.* Cambridge: University Press; 1982. 524 p.
4. *Ancient Rus in the light of foreign sources*. Reader: in 5 vols. Moscow: Russian Fund for the Promotion of Education and Science; 2009-2010. (In Russ.).
5. Garkavi A.Ya. *Tales of Muslim writers about the Slavs and Rus (from the middle of the 7th century to the end of the 10th century A.D.)*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1870. 308 p. (In Russ.).
6. Griboedov A.S. *Woe from wit*. Moscow: Avenue; 2025. 136 p. (In Russ.).

7. Herodotus. *History*. Moscow: OLMA-PRESS Invest; 2004. 640 p. (In Russ.).
8. Artamonov M.I. *History of the Khazars*. 2nd ed. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; 2002. 560 p. (In Russ.). EDN: XASMAL.
9. Galkina E.S. *Russian Kaganate. Without Khazars and Normans*. Moscow: Algorithm; 2012. 336 p. (In Russ.).
10. Kalinina T.M., Flerov V.S., Petrukhin V.Ya. *Khazaria in the cross-cultural space: historical geography, fortress architecture, choice of faith*. Moscow: Languages of Slavic Culture; Manuscript Monuments of Ancient Rus; 2014. 208 p. (In Russ.).
11. Shudar B. Magyars in the Persian geographical work “Hudud al-Alam” (982). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2018;(6):257-265. (In Russ.). EDN: YTRYAH.
12. Shakhmatov A.A. *History of Russian chronicle writing*. St. Petersburg: Science; 2002. 485 p. (In Russ.). EDN: XRKGP.
13. Beilis V.M. Al-Idrisi (12th century) on the Eastern Black Sea Region and the South-Eastern outskirts of Russian lands. *Ancient states on the territory of the USSR*. 1982. Moscow: Science; 1984:208-228. (In Russ.).
14. *The journey of Ibn Fadlan to the Volga*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1939. 193 p. (In Russ.).
15. Galkina E.S. *Secrets of the Russian Kaganate*. Moscow: Veche; 2002. 432 p. (In Russ.).
16. Lyapushkin I.I. Monuments of the Saltov-Mayaki Culture in the Don River Basin. *Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition*. Moscow, Leningrad, 1958;1:85-150. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 62). (In Russ.).
17. Pletneva S.A. *From nomad camps to cities. The Saltov-Mayaki culture*. Moscow: Science; 1967. 200 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR. No. 142). (In Russ.). EDN: RURWET.
18. Mühle E. On the question of the beginning of Kiev. *Issues of History*. 1989;(4):118-127. (In Russ.).
19. Niederle L. *Slavic antiquities*. Moscow: Foreign Literature; 1956. 450 p. (In Russ.).
20. Kolyvanov G.E. Commentary on the history of the Kiev Metropolis. *Russian People's Line. Orthodoxy. Autocracy. Nationality*. Available from: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/7/23/kommentarij_k_istorii_kievskoj_mitropolii [Accessed 24th March 2026]. (In Russ.).
21. Golubovsky P.V. *Pechenegs, Torks and Polovtsians. Rus and the steppe before the Tatar Invasion*. Moscow: Veche; 2013. 304 p. (In Russ.).
22. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2: The Hypatian Chronicle*. Moscow: Book on Demand; 2013. 640 p. (In Russ.).
23. Tatishchev V. *Russian history*. Moscow: AST; Ermak; 2005, vol. 2. 732 p. (In Russ.).
24. Lugantsev B.B. *Russians. The beginning of history*. Novocherkassk: Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); 2017. 343 p. (In Russ.).
25. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1: The Laurentian Chronicle*. Moscow: Book on Demand; 2013. 380 p. (In Russ.).
26. Sawyer P. *The age of the Vikings*. St. Petersburg: Eurasia; 2006. 352 p. (In Russ.). EDN: QPD AFF.
27. Trubachev O.N. *In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Rus*. Moscow: Science; 2005. 286 p. (In Russ.).
28. Nazarenko A.V. *Ancient Rus and the Slavs*. Moscow: Russian Fund for the Promotion of Education and Science; 2009. 528 p. (In Russ.).
29. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A., comp. *Reader on the history of Russia*. Textbook. Moscow: Avenue; 2008. 592 p. (In Russ.).
30. Kuchma V.V., ed. *Strategikon of Maurice*. St. Petersburg: Aletheia; 2004. 256 p. (In Russ.).
31. Mishulin A.V. Ancient Slavs in excerpts of Greco-Roman and Byzantine writers up to the 7th century A.D. *Bulletin of Ancient History*. 1941;(1):230-280. (In Russ.).
32. Livokh R. Large burial mounds of the chronicle Plesensk. *Slavic-Russian jewelry art and its origins*. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of G.F. Korzukhina (St. Petersburg, 10-16 April 2006). St. Petersburg: Nestor-History; 2010:486-492. (In Russ.). EDN: LBKWPZ.
33. Petrukhin V.Ya. *Rus in the 9th-10th centuries*. From the calling of the Varangians to the choice of faith. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: FORUM; NEOLIT; 2014. 464 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Б.Б. Луганцев — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры горного дела ЮРГПУ (НПИ).

Information about the author

B.B. Lugantsev — Doctor of Science (Technical), Professor, Professor of the Mining Department, SRSPU.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 94(470+571)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-74-82>

ЧЕЛОВЕК БУНТУЮЩИЙ: ДОНСКОЙ КАЗАК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XVIII ВЕКА

Николай Александрович Мининков ^{1✉}, Виктория Сергеевна Мязина ²

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Новочеркасский музей истории донского казачества, Новочеркасск, Россия

¹ namininkov@sfedu.ru ✉

² vikulya_krylova_2001@mail.ru

Аннотация. Антропологический ориентир современного научного исторического познания предполагает повышенный интерес к повседневной жизни человека и общественных микроструктур. Это относится в том числе к таким событиям, как массовые народные движения, в частности движение донских казаков 1792–1794 гг. против нарушений властями казачьих традиций, сложившихся при переселении на новые территории. В данном случае в центре исследования стоит обстановка повседневной жизни в «буйственных» донских станицах, которая существенно отличалась от обычной повседневности казачества. Без учета этого аспекта сложно оценить условия жизни человека в ходе подобных событий.

Ключевые слова: антропологический ориентир, история повседневности, массовое движение на Дону, 1792–1794 гг., заселение Кавказской линии

Для цитирования: Мининков Н.А., Мязина В.С. Человек бунтующий: донской казак в повседневности массового движения конца XVIII века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 74–82. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-74-82>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

A REBELLIOUS MAN: THE DON COSSACK IN THE EVERYDAY LIFE OF THE MASS MOVEMENT IN THE LATE 18th CENTURY

Nikolai A. Mininkov ^{1✉}, Victoria S. Myazina ²

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

² Novochoerkassk Museum of the History of the Don Cossacks, Novochoerkassk, Russia

vjz.vtxnf@yandex.ru

¹ namininkov@sfedu.ru ✉

² vikulya_krylova_2001@mail.ru

Abstract. The anthropological orientation of modern scientific historical knowledge presupposes an increased interest in the everyday life of the human being and social microstructures. This applies, among other things, to events such as mass popular movements, in particular the movement of the Don Cossacks in 1792–1794 against the authorities' violations of Cossack traditions that had taken shape during resettlement to new territories. In this case, the focus of the study is on the everyday life in the “rebellious” Don Cossack villages, which differed significantly from the ordinary everyday life of the Cossacks. In the context of the uprising, the situation of a person's life cannot be fully understood without considering everyday life.

Keywords: anthropological orientation, history of everyday life, mass movement in the Don, 1792–1794, settlement of the Caucasian Line

For citation: Mininkov N.A., Myazina V.S. A Rebellious Man: the Don Cossack in the Everyday Life of the Mass Movement in the Late 18th Century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):74–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-74-82>

© Мининков Н.А., Мязина В.С., 2026

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Антропологический ориентир гуманитарных исследований Новейшего времени возник не случайно. Определялся он недостатком внимания к положению и самочувствию конкретного человека на фоне первостепенного внимания к изучению социальных явлений и процессов, вызывавших большие исторические перемены и определявших ход истории и ее общий прогресс. Поэтому в центре внимания оказывались макрообъекты истории наподобие больших общественных классов, государств, этносов, которые отодвигали на второй план гуманитарного познания историю человека. В качестве еще одного направления в развитии гуманитарного научного знания выступает стремление к органичному сочетанию традиционного исследования больших исторических событий, явлений, процессов и жизни малых общественных групп и индивидуальностей в ее повседневном измерении. Отсюда сформировалась оппозиция между историей событийной и историей повседневности. Основания для этого были. В случае если исследование направлено на объект (государство, классы, общество) или явление (войны, революции, массовые движения, общественные противостояния), оно имеет событийную нацеленность. Но если в фокусе исследования — познание состояния микрообщностей в истории и культуре или отдельный человек, его биография и личность, то в нем выходит на более заметный план изучение повседневности.

Антитеза исследования историко-событийного — с изучением макрообъектов истории и человека в ситуациях своего времени и места пребывания — прочно утвердилась в сознании научного сообщества. Но такое представление преувеличенно. На самом деле человека невозможно выделить из окружающего его мира, т. е. общества, к которому он принадлежал. На этом основании несомненной представляется правота суждения М. Блока, что «предметом истории является человек. Скажем точнее — люди» [1, с. 17]. Из этого следует, что понимания человека в контексте своего исторического времени, которое составляет цель современного гуманитарного познания, невозможно добиться вне комплексного учета места его в своей социокультурной среде, как и невозможно понимание самой этой среды без учета состояния и отношения к ней конкретных людей. Тесная связь общего и индивидуального, существующая в исторической реальности, не должна разделяться в ходе познания этой реальности и положения человека в ней.

Между тем исторические ситуации, в которых находится человек и существует общество, отличаются между собой весьма резко. Повседневная жизнь в привычном ритме жизненных циклов труда, общения и отдыха, в которую вписался человек и целые сообщества, сменялась время от времени и по определенным причинам (например, войны) иной ситуацией, требовавшей от человека особых качеств и большей активности, чем в обычной жизненной обстановке. Но и в таком случае продолжалась повседневная жизнь, вызывавшая более определенное и решительное проявление личности.

К подобным ситуациям относятся массовые движения, в которых на протяжении XVII–XVIII вв. активно участвовало казачество. В том числе это относилось к такому своеобразному движению донских казаков, как их выступление в 1792–1794 гг. с протестом против стремления правительства переселить три тысячи казачьих семей на формирующуюся Кавказскую линию по Кубани. Движение привлекало внимание историков. Еще член Статкомитета Области войска Донского И.В. Тимощенко заявлял: это был «смелый и мужественный голос стойкого и заслуженного населения края, протестующего против нарушения коренных основ своего быта» [2, с. 63]. По мнению Е.П. Савельева, «бесцеремонное обращение» правительства «с казачеством вывело его из терпения» [3, с. 145]. С.Г. Сватиков указывал, что старый обычай донских казаков переселения «„по жребию и по очереди“ был грубо нарушен» российской властью» [4, с. 235]. А.П. Пронштейн связывал такое движение не только с политикой правительства по переселению казаков на Кавказ, но и с внутренними противоречиями в казачьей среде (между верхушкой и рядовыми казаками), мнением казаков об угрозе обращения их «в регулярство» [5, с. 242, 244, 250]. А.Т. Урушадзе причиной поражения казачества считает то, что «на рубеже XVIII–XIX веков традиции вольного казачества столкнулись с военно-государственной дисци-

плиной и порядком», и отказ казаков принимать грамоты на переселение на Кавказ «сделал казачье упорство в глазах официальной власти незаконным» [6, с. 81, 82].

Сложившаяся в историографии концепция этого массового движения донских казаков, последнего в его истории перед революционными событиями 1917–1920 гг., ставила в центр своего внимания казачество в целом. В ней справедливо указывалось на стремление правительства обеспечить переселение на Кавказскую линию казачьих семей без учета сложившихся на Дону традиций, по прямому распоряжению, действия местной власти по выполнению этого распоряжения, сопротивление казаков и его решительное и жесткое подавление. Между тем причины событий, их последовательный ход и итоги были результатом настроений и активности людей, принимавших участие в событиях, казаков в разных чинах. Каждый казак выбирал свое место в этой борьбе и форму участия.

С самого начала движения такая активность людей, интересы которых были прямо затронуты распоряжениями высшей власти и стремлением местной власти выполнить их, выразилась в самовольном уходе с Кубани трех донских полков, о чем неоднократно упоминалось. Но при этом не использовалось описание действий казаков этих полков по прибытии их в Черкасск и настроений в эти дни жителей Черкасска прямого свидетеля, жителя города есаула Степана Григорьевича Капацынова. По его словам, «1792 году мая 31 дня, заговев на Петровку, был Круг и большое волнование от казаков, которые с линии ушли от трех полковников: Григорья Поздеева, Луковкина и Кошкина, и взяли с собою все знамена, и угроживали войскового атамана, почему он их отдаст на поселение. И великой был в городе страх, думали — что от них будет дурное, то Бог, милосердая, недопустил до кровопролития и едва утушился тот мятеж, и солнце было в кругу во весь день. А генерал [войсковой атаман А.И. Иловайский] выехал за Оксай 3 июня и оттоль тово ж дни поехал в Петербург» [7, с. 30, 31].

В начале заметки автор пишет об этих событиях отстраненно и вполне нейтрально. Однако определенную позицию все-таки удастся проследить. Он называет происходящее «большим волнованием». В этом словосочетании отражается в том числе и отношение власти к данным событиям. Позиция казаков доставляла ей неудобства и сложности в отношениях с центральной властью, но не вполне отвергалась. Позднее казаки при объяснении своего недовольства апеллировали к традиции общественных кругов при решении вопросов о переселении при прежних государях. Дневниковая запись Капацынова содержит прямое указание на «Круг». Это свидетельство исключительно важно, поскольку фиксирует не просто стихийный бунт, а попытку казаков действовать в рамках традиционной институции — войскового круга. Даже если этот круг не был санкционирован атаманом, сам факт его созыва демонстрирует стремление придать протесту легитимный характер в глазах казачьего сообщества. То есть здесь человек бунтующий действует не хаотично, а воспроизводит привычные формы самоуправления.

Само по себе слово «мятеж», которое использует очевидец, показывает, что Капацынов в итоге квалифицирует действия казаков как противозаконное выступление. Он не вкладывает в это слово осуждение с точки зрения власти — скорее отмечает опасность, которая, к счастью, миновала.

У Капацынова появляется и еще одна интересная деталь. Он особо подчеркивал, что казаки взяли с собой все знамена, что считается фактом символического значения. Казаки унесли с линии не только оружие, но и воинские символы. Заметна вместе с тем эмоциональная оценка событий автором, писавшим о страхе в городе, который испытали черкасские обыватели, в том числе, очевидно, и он сам. В то же время упоминание, что Бог не допустил кровопролития, свидетельствует, как Капацынов и, вероятно, многие черкасские обыватели интерпретировали исход этого события. Явно прослеживается своего рода облегчение человека, избежавшего казачьего бунта.

По этому маленькому отрывку понятно, что Капацынов относится к этим событиям как вполне лояльный, но отстраненный наблюдатель. Его дневниковая заметка представляет собой взгляд человека, который находится внутри системы казачьего самоуправления и одновременно близок к местной атаманской администрации. Он видит причину событий в грубом разрыве традиции по воле власти и угрозы со стороны казаков в адрес начальства, но при этом не надевает участников движения негативными ярлыками, что говорит о его сложной идентичности. Он

и служилый человек, и казак, для которого «круг» и «знамёна» не пустые слова. Дневниковые записи есаула С.Г. Капацынова значительно расширяют представление, как сам современник, человек среднего звена казачьей администрации, воспринимал такие драматические события.

Материалы канцелярии войска Донского содержат сведения о множестве казаков, которых называли в связи с конкретными событиями в рапортах, посылавшихся из станиц в Войсковое гражданское правительство, именно такие личности могут рассматриваться в свете проблемы человека второго плана в истории, активно разрабатываемой в нынешнем столетии ростовскими историками. К подобным людям относился и автор дневника есаул из Черкаска Капацынов. Однако среди казаков, проявлявших себя в этих событиях, были не только люди второго плана, но и известные деятели в истории Дона и России в целом.

Самый известный из них — будущий «вихрь-атаман» граф М.И. Платов — в событиях 1792–1794 гг. участвовал эпизодически. В своем письме от 22 июня 1792 г. он, в то время в чине бригадира, осудил самовольный уход с линии казаков из трех полков, полковников Поздеева, Луковкина и Кошкина, как «дерзкое преступление» и призывал войсковые власти «угорворить казаков к немедленному возвращению в свои полки» [8, л. 3–3 об.]. Другой эпизод с участием Платова происходил при окончательном подавлении движения. Его биограф В.И. Лесин писал о жестокой расправе с восставшими, которую учинили в ст. Нижнечирской казаки трех Чугуевских полков регулярного Екатеринославского казачьего войска, которыми командовал уже генерал-майор Платов. Тем самым «Платову удалось нагнать страху „на весь Дон“» [9, с. 41]. Такая позиция может объясняться как традиционным для казаков представлением о царской службе, так и положением казачьего офицера, дослужившегося до генеральского чина и дорожившего своей карьерой.

В сложной ситуации в это время оказался войсковой атаман генерал-поручик А.И. Иловайский. С одной стороны, он должен был проводить политику правительства на Дону и обеспечивать переселение семей донских казаков на линию. Но, с другой, в силу своей атаманской должности он должен был не допускать, чтобы ожидаемое недовольство казаков перерастало в какое-то массовое движение, охватывавшее множество станиц. По словам есаула Капацынова, атаман А.И. Иловайский «отдает на поселение» казаков, т. е. уступает, соглашается на правительственное распоряжение, не будучи инициатором переселения. Есаул воспринимает его как атамана, вынужденного подчиниться обстоятельствам. Но эта фраза показывает, что уже в конце мая 1792 г. в казачьей среде сложилось устойчивое представление, что именно атаман виноват, поскольку «отдал» казаков на переселение, что и стало причиной последующего упорного сопротивления. Иловайский предстаёт не просто проводником политики правительства, но фигурой, на которую протестующие возлагали непосредственную ответственность за ущемление их прав. Капацынов понимал, что истинная причина конфликта выходит за рамки местной компетенции, и писал о срочном выезде 3 июня атамана в Петербург с докладом о масштабах волнений. Автор не осуждает его, но и не изображает решительным усмирителем, он скорее представлен Капацыновым в качестве объекта угроз и вынужденного переговорщика. В Петербурге Иловайский всячески стремился действовать в интересах донского казачества. Ему удалось добиться принятия 24 мая 1793 г. жалованной грамоты войску Донскому, в которой утверждались за ним «земли, на которые донские казаки простирали права свои», и «при сем препровождаемую карту» [10, № 17216], которая была составлена еще в 1786 г. и которой войско Донское всячески добивалось от центрального правительства. В качестве душиителя движения этот войсковой атаман особо не отметился. Тем не менее его подпись стоит под определением от 14 марта 1794 г. о наказании казака Зота Бередникова и бывшего атамана ст. Раздорской на Медведице Бахурина, арестованных и присланных в Черкасск за сопротивление принятию грамот на переселение на Кавказ, тридцатью ударами плетей и ссылкой в Тобольск [11, л. 121]. Уже по причине своего положения устранившись от участия в подавлении восстания он не мог. Поэтому отношение к нему среди восставших казаков было таким же, как и к другим представителям донской верхушки, которые уговаривали казаков принять грамоты о переселении на линию. В ст. Кобылянской казаки заявляли, что, если бы к ним «приехали господа увещатели, или бьгенераль Иловайской, онебъ [им, в том числе войсковому атаману Иловайскому]

брюхи повыпороли» [12, л. 68 об.]. Аналогичные высказывания в отношении войскового атамана встречались и в других станицах.

Среди людей второго плана упоминаются офицеры и чиновники, по поручению Войскового гражданского правительства отвозившие войсковые грамоты о переселении на линию казаков, живших по станицам, или посылавшиеся для руководства подавлением движения. Среди них выделялся бригадир Михаил Себряков, крупный землевладелец, отец которого, старшина Сидор Себряков, еще в 1762 г. по указу императора Петра III получил большой участок войсковых земель, причем попытки войска Донского вернуть эти земли окончились неудачей [4, с. 164, 165]. Сам М. Себряков пытался расширить свои владения за счет новых земель у р. Лычаг вблизи ст. Раздорской на Медведице [11, л. 124 об.]. Посланный по распоряжению войскового атамана Иловайского на помощь командующему регулярными войсками генерал-майору князю А.П. Щербатову на Медведицу от 2 апреля 1794 г. для подавления движения казаков [11, л. 106], Себряков действовал решительно: арестовал и отослал в Черкасск упомянутых «главного возмутителя и зловредного старика» Зота Бередникова и бывшего атамана ст. Раздорской Бахурина [11, л. 118–118 об.]. В деятельности других видных черкасских старшин, посылавшихся по разным станицам, по документам Войскового гражданского правительства заметно выполнение таких функций, как информирование войсковых властей о положении на местах, уговоры местных казаков, чтобы «склонить к благонамерению», т. е. принять войсковую грамоту на переселение на линию и составить списки семейных казаков, готовых переселяться [12, л. 8 об.]. К таким донским офицерам относились бригадир Иловайский и подполковники Маньков и Янов, старшина Слюсарев, премьер-майоры Савастьяновы и братья Чернозубовы, которые посылались по станицам Чирского сыскального начальства, наиболее активно участвовавшим в выступлении, а также старшина Иван Миллер вместе с майорами Андреем Слюсаревым и Аврамом Зарубиным, направленные в станицы по Северскому Донцу. В этом состояла служебная повседневность этих донских офицеров в ходе событий 1792–1794 гг.

В некоторых станицах, где казаки отказывались принимать грамоты, такая повседневность могла оказаться для них опасной. Так, 17 октября 1793 г. в ст. Трехостровянской казаки окружили Чернозубовых с намерением «бить их» [12, л. 17 об.]. В ожидании приезда подполковника Манькова в Нижнечирскую 26 декабря того же года местные казаки «хвалятся его непременно убить» [12, л. 28]. В рапорте от 11 декабря сообщалось, что в Есауловской казаки грозились, что если придут к ним «со увещанием», «то прорубим пролубь и их туда потопим» [12, л. 34 об.]. Из рапорта о событиях в Кобылянской от 22 декабря известно, что там казаки говорили: «Щасливи де господа бригадир Дмитрей Иловайской и подполковник Василей Маньков, что оне в станицу не доехали, и буде для них приготовлена пролубь, в кою их всадили и по воде назад спустили» [12, л. 38 об.]. Вообще угрозы утопления и «пролубь» упоминаются довольно часто. Символику подобной формы казни В.Я. Мауль объясняет распространенным в разных славянских сообществах «архаическим культом воды» [13, с. 127]. Тем более такое отношение к воде и связанным с ней способам казни имело место у донских казаков, в жизни и быту которых река играла важную роль.

Вообще сведений об угрозах со стороны казаков, показывавших резко негативное отношение к указу на переселение трех тысяч казачьих семей, офицерам, прибывшим от Войскового гражданского правительства для обеспечения выполнения этого указа, в рапортах с мест довольно много. Они отражают настроения значительного большинства казачества.

В самих станицах, откуда исходили рапорты, среди казаков существовало смешанное отношение к переселению на линию. Неслучайно поэтому на местах по-разному отнеслись к грамотам войсковым на переселение и к офицерам, которые привезли их из Черкасска. Ф.А. Щербина приводит сведения о количестве станиц, принимавших грамоты на переселение в целом, с разными оговорками и не принимавших их (в названиях некоторых станиц допущены ошибки). По его сведениям, «открыто бунтовали 49 станиц», и «только 17 станиц из 103 ... беспрекословно послали переселенцев на Кубань» [14, с. 690, 691]. Некоторые причины выступления донских казаков уходили в историю и определялись пониманием казачьим сообществом своей истории, а также связывались с положением на Дону в конце XVIII в. Казаки считали, что исторические традиции не допускали переселения их на новые земли по приказу, без доброволь-

ного согласия, или без жребия. В разных станицах казаки заявляли офицерам, что «блаженной и вечно достойной памяти царь Иван Васильевич по заслугам предков их жаловал непрменным жительство на Дону» [12, л. 28 об., 39 об.]. Как утверждали казаки, «при Петре Первом на Терик и при государыне Анне Иоанновне на Волгу» переселяли «только охотников, а не невольников», причем для решения подобного вопроса «прежняя войсковая атаманы всего войска общественные круги собирали», причем на них выслушивали царскую грамоту о переселении. «Ныне ж общественного круга собираемого не бывало, и собственное высочайшее повеление выслушано не было», — объясняли казаки свой отказ от принятия войсковой грамоты [12, л. 1].

С учетом такой особенности культуры казачества как численно не весьма значительного воинского сообщества с повышенным вниманием к своей истории, боевому прошлому и памяти о славных предках, боевых заслугах и вольностях, вполне возможна правота Ф.А. Щербины, указывавшего на возможность исторического обоснования ухода трех донских полков с линии в мае 1792 г. Они «видели не нарушение воинской дисциплины и тем более не дезертирство, а свое естественное право, вытекавшее из казачьих обычаев» [14, с. 693]. Данное действие основывалось на представлении о службе донских казаков в период Московского государства. Но подобный порядок службы стал уходить в прошлое еще со времени царя Алексея Михайловича, при котором московская власть на Дону укрепилась, и был окончательно ликвидирован в условиях полного подчинения Дона Российской империи.

В числе причин борьбы казаков против плана властей по переселению казачьих семей на Кавказ были и бытовые. Конечно, повседневная станичная жизнь на Дону была непростой, о трудностях жизни в ст. Верхне-Курмоярской, где чередовались затопления, пожары, нашествия песков, что вызывало необходимость переноса станицы с места на место, писал Е.Н. Кательников [15, с. 9–10]. Тем не менее к концу XVIII в. на Дону развивалась хозяйственная жизнь. Видимым показателем этого становилось возникновение и увеличение количества хуторов, в которые выселялись офицеры и рядовые казаки и вели свое хозяйство. Причем, как это видно из подсчетов количества хуторов по станицам А.П. Пронштейна, в наиболее «буйственных» станицах (Пятиизбянская, Верхнечирская, Нижнечирская, Кобылянская и Есауловская) появилось особенно много хуторов — от 17 до 46, кроме ст. Кобылянской (всего 5 хуторов) [5, с. 64]. По-видимому, данные станицы были более развитыми в хозяйственном отношении, чем другие, где хуторов было значительно меньше. В рапортах, отправлявшихся в правительство, хутора, принадлежавшие казакам этих станиц, упоминаются довольно часто. В сознании казаков тем самым закреплялось понятие о хозяйственной деятельности как ценности, дававшей возможности для существования. На Дону хозяйственная жизнь налаживалась. Совершенно иная ситуация открывалась перед казаками в случае переселения на Кубань. Хозяйство надо было обустроить, не привлекала даже ссуда на переселение. Наконец, свое влияние на нежелание переселяться оказывало осознание военной опасности на Кавказе. На Дону в XVIII в. она была значительно меньше, хотя и исчезла не вполне. Кательников описывал опасность со стороны калмыков, а иногда и горских черкесов, для его ст. Верхне-Курмоярской [15, с. 31]. Но тем не менее на Кубани в условиях фронта такая угроза, учитывая войну с закубанскими черкесами, была значительно более существенной.

Сами по себе станичные сообщества, которым адресовывались войсковые грамоты на переселение казачьих семей на линию, также неоднородны. В рапортах, посылавшихся в правительство, упоминались станичные атаманы и писари. В станичном сообществе заметно расслоение по чинам и возрасту: по чинам — офицеры в разных чинах и казаки, по возрасту — старые казаки, заслуженные и авторитетные в своих станицах, и просто казаки, иногда упоминались youngsters, или сыновья казачьих семей, которые еще не служили и должны были идти на службу. В этих рапортах даются подробности событий в станицах, сообщения о повседневности жизни станичных казаков в условиях восстания против несправедливых, как они считали, распоряжений о переселении на линию по Кубани. Еще одно разделение основывалось на отличии между казаками, поддерживавшими протест, которых было явное большинство, и казаками, готовыми принять грамоты и составить списки на переселение.

Массовое движение казаков, развернувшееся в ряде станиц, ставило их в новые условия повседневной жизни, отразившиеся в рапортах. В такой обстановке даже станичные власти про-

являли нелояльность в отношении офицеров, посланных из Черкаска. Так, по словам рапорта от 8 октября 1793 г., в Нижнечирской «станищной атаман Алексей Гармилов более всех так им приметно груб, дерзок и непослушен» [12, л. 1]. Сборы казаков стали постоянным явлением, на них высказывались угрозы расправ и происходили расправы с казаками, выступавшими за принятие грамот на переселение. Так, в ст. Нижнечирской казака Харитона Алимова, предлагавшего принять грамоты, «били на зборе жестоко, что изо рта и ушей кровь пошла» [12, л. 2 об.], а местному жителю подполковнику Карпу Денисову «причиняли ругательства с ножами и угроживанием порезать его, Денисова» [12, л. 3]. Подобных случаев было много. Характерно, что все это происходило в станице, бывшей центром Чирского сыскного начальства, где родственник подполковника, премьер-майор Варлам Денисов был сыскным начальником. Сама станица была «разделена на четыре сотни ... для отправления разнокасающихся интересов». Что стоит за этим выражением, ясно не вполне, но, совершенно очевидно, что разделение казаков на сотни соответствовало подготовке к военным действиям. Было запрещено пьянство «в станичном кабаке», «но пьяные в станице были» [12, л. 3]. С хуторов срочно созывались казаки «верхоконно с воинским оружием и недельным правянтном» [12, л. 6] для защиты Нижнечирской, Кобылянской и других станиц. В ст. Есауловской казаки, по сведениям дьякона Венедикта Донского от 2 февраля 1794 г., готовились к сопротивлению регулярным войскам и «всех до единого собрали и делают по кузням дротики» [12, л. 2 об.], что напоминало повседневность военного лагеря, в который превратилась станица. Казаки «благонамеренные», готовые принять грамоты на переселение, бежали из восставших станиц, где с ними «поступают безчеловечно», «в низовые станицы» [16, л. 4 об.]. По сообщению одного из активных участников движения, «развратника казака Кандратя Казакова», в «буйственных» станицах Пятиизбянской, Верхне- и Нижнечирской, Кобылянской и Есауловской даже были «готовы противу наряжаемого в низовых станицах похода» [12, л. 12 об.] против них. Как сообщал писарь Чирского сыскного начальства Евлампий Кательников, в станицах находились казаки, «вооруженные всем потребным к сражению» [12, л. 30 об.]. Постоянные сборы и повседневность осадного положения в станицах предполагали возникновение планов возможных действий. Казаки решили, что они, «собравшись, станут на рубеже, и в кровь будут биться, и их к себе не пустят», а затем «пойдут на низовые станицы» [12, л. 47 об.], где также имелось много казаков, не желавших переселяться на Кавказ.

Состояние постоянного напряжения в обстановке неизбежного ожидания карательных сил, значительно больших, чем располагали казаки нескольких станиц, с неизбежностью предполагало необходимость психологической разрядки. Тем более что она соответствовала традициям казачества, в которых переход от самоограничений, связанных с войной, к веселью и разгулу, когда старики и казаки «пьют да гуляют» [17, с. 104], был вполне органичен и в историческом отношении обусловлен. Неудивительно, что в Нижнечирской готовившихся к обороне, по сообщению не названного по имени казака, «начинают уже грабить, ибо многие, всегда пьянствуя ... напили ста полтора денег, причем для питья, входя в дома, грабят платье и здирают оное с повстречавшимися с ними на улице и несут в кабак» [12, л. 28].

После направления на Дон больших сил регулярных войск движение было подавлено. Как сообщал командующий генерал-майор князь А.П. Щербатов, пять станиц, наиболее проявивших себя в бунте, были заняты без кровопролития [14, с. 690]. Тем не менее над участниками движения происходили жестокие расправы [5, с. 347, 348]. Но при этом правительство, опасаясь нового недовольства казаков, сократило наряд на переселение с трех до одной тысячи казаков [4, с. 238].

Таким образом, обстановка народного восстания — движения донских казаков в 1792–1794 гг. — формировала собственную повседневность, отличавшуюся от мирной жизни. Ее своеобразие определялось общей ситуацией в ходе восстания на Дону в целом и в отдельных станицах, отражало готовность казаков защищать свои исторические права, традиции и частные, хозяйственные интересы. Без учета повседневной жизни в станицах, прежде всего там, где казаки решительно участвовали в борьбе, история самого движения не может быть полной. Она дает возможность более полно и глубоко понять вместе с тем культурно-исторический феномен чело- века бунтующего позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Список источников

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 256 с.
2. Тимошенко И.В. Очерк переселения казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып. 1. С. 62–77.
3. Савельев Е.П. История казачества. Новочеркасск: Донской печатник, 1918. 443 с.
4. Сватиков С.Г. Россия и Дон. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Вена: Изд-во Донской ист. комиссии, 1924. 592 с.
5. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.
6. Урушадзе А.Т. Вольная вода. История борьбы за свободу на Дону. М.: НЛО, 2020. 304 с.
7. Дон. 1887. № 5 (май).
8. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 146.
9. Лесин В.И. Атаман Платов. М.: Молодая гвардия, 2005. 403 с. EDN: QOZRTD.
10. Полное собрание законов Российской империи. Т. 23 : 1789 г. – 6 ноября 1796 г. СПб.: Тип. II Отд. собств. его имп. величества канцелярии, 1830. 969 с.
11. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 162.
12. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 165.
13. Мауль В.Я. Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 160 с.
14. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1 : История края. Екатеринодар: Тип. Обл. Куб. правления, 1910. 700 с.
15. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня Евлампия Кательникова. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1886. 63 с.
16. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 160.
17. Исторические песни XVII века. М.; Л.: Наука, 1966. 385 с.

References

1. Bloch M. *Apology of history, or the historian's craft*. Moscow: Science; 1986. 256 p. (In Russ.).
2. Timoshchenkov I.V. Essay on the resettlement of Cossacks from the Don to the Terek, Kuban and Sunzha. *Collection of the Regional Don Cossack Army Statistical Committee*. Novocherkassk; 1901;(1):62-77. (In Russ.).
3. Saveliev E.P. *History of the Cossacks*. Novocherkassk: Don Printer; 1918. 443 p. (In Russ.).
4. Svatikov S.G. *Russia and the Don. A study in the history of state and administrative law and political movements on the Don*. Vienna: Publishing House of the Don Historical Commission; 1924. 592 p. (In Russ.).
5. Pronstein A.P. *The Don Land in the 18th century*. Rostov-on-Don: Rostov State University Press; 1961. 375 p. (In Russ.).
6. Urushadze A.T. *Free water. The history of the struggle for freedom on the Don*. Moscow: New Literary Review; 2020. 304 p. (In Russ.).
7. *Don*. 1887;(5). May. (In Russ.).
8. *State Archive of Rostov Region* (hereinafter - SARR). Fund 341. In. 1. File 146. (In Russ.).
9. Lesin V.I. *Ataman Platov*. Moscow: Young Guard; 2005. 403 p. (In Russ.). EDN: QOZRTD.
10. *Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. 23: 1789 - 6th November 1796*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. 969 p. (In Russ.).
11. SARR. Fund 341. In. 1. File 162. (In Russ.).
12. SARR. Fund 341. In. 1. File 165. (In Russ.).
13. Maul V.Ya. *Socio-cultural aspects of the study of Russian rebellion*. Tomsk: Tomsk State University Press; 2005. 160 p. (In Russ.).
14. Shcherbina F.A. *History of the Kuban Cossack Army. Vol. 1: History of the region*. Ekaterinodar: Printing House of the Regional Kuban Administration; 1910. 700 p. (In Russ.).
15. *Historical information of the Don Army about the Verkhne-Kurmoyarskaya Cossack village, compiled from the legends of old residents and the author's own notes on 31st December 1818 by Evlampy Katelnikov*. Novocherkassk: Regional Don Cossack Army Printing House; 1886. 63 p. (In Russ.).
16. SARR. Fund 341. In. 1. File 160. (In Russ.).
17. *Historical songs of the 17th century*. Moscow; Leningrad: Science; 1966. 385 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.А. Мининков — доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений ЮФУ.

В.С. Мязина — научный сотрудник НМИДК.

Information about the authors

N.A. Mininkov — Doctor of Science (History), Professor of the Institute of History and International Relations, SFedU.

V.S. Myazina — Researcher, NMHDC.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 14.07.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 06.07.2026; approved after reviewing 14.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-83-91>

ОБРАЗ РОССИИ В XVII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКАХ

Павел Александрович Огорельцев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ogoreltsev@sfedu.ru

Аннотация. Изучается образ Московского и Российского государства в украинской литературе для учащихся основной школы. Выявлены профильные термины и персоналии, выделены трактовки конкретных сюжетов исторической памяти. Произведено разделение излагаемого украинскими педагогами материала на 4 основных тематических блока: невыгодность союза с Москвой, ментальная разница с великороссами, имманентная тяга украинцев к самостоятельности, угнетение сверху. Отмечается тенденциозный, ангажированный характер реконструкции исторического образа нашей страны в XVII — начале XX в. в сознании школьников. С помощью контраргументов показывается несостоятельность систематически декларируемого метанарратива о негативном влиянии со стороны великороссов. Подчеркивается, что ретроспектива исторического процесса в рассмотренных учебниках выстроена в соответствии с политическими соображениями. Обосновывается необходимость создания цельного пособия для вошедших в состав России республик и областей, посвященного демифологизации исторического образа Родины.

Ключевые слова: Украина, Россия, историческая память, школьное образование, национальный миф, украинно-российские отношения

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02675, <https://rscf.ru/project/25-28-02675/>

Для цитирования: Огорельцев П.А. Образ России в XVII — начале XX века в современных украинских учебниках // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 83–91. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-83-91>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE 17th - EARLY 20th CENTURIES IN MODERN UKRAINIAN TEXTBOOKS

Pavel A. Ogoreltsev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ogoreltsev@sfedu.ru

Abstract. The image of the Muscovite and Russian state in Ukrainian literature for basic school students is examined. Specialized terms and personalities are identified, and interpretations of specific themes of historical memory are highlighted. The material presented by Ukrainian educators is divided into four main thematic blocks: the disadvantage of an alliance with Moscow, the mental difference from the Great Russians, the inherent attraction of Ukrainians to independence, and oppression from above. The tendentious and biased character of the reconstruction of the historical image of our country in the 17th - early 20th centuries in the minds of schoolchildren is noted. With the help of counterarguments, the inconsistency of the systematically declared metanarrative about the negative influence of the Great Russians is demonstrated. It is emphasized that the retrospective of the historical process in the examined textbooks is constructed in accordance with political considerations. The necessity of creating a comprehensive manual for the republics and regions that be-

came part of Russia, dedicated to the demythologization of the historical image of the Motherland, is substantiated.

Keywords: Ukraine, Russia, historical memory, school education, national myth, Ukrainian-Russian relations

Acknowledgements: the study was conducted at Southern Federal University with the support of Russian Science Foundation grant No. 25-28-02675, <https://rscf.ru/project/25-28-02675/>

For citation: Ogoreltsev P.A. The Image of Russia in the 17th - Early 20th Centuries in Modern Ukrainian Textbooks. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):83-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-83-91>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Россия и Украина в настоящее время являются двумя самостоятельными государствами, переживающими период острого кризиса в отношениях. После начала специальной военной операции украинская пропаганда перешла к генерации и массовому распространению русофобских идей не только внутри своей страны, но и в международном масштабе. Культурные, языковые, религиозные предпосылки нынешней конфронтации были заложены значительно раньше. Каждая страна постсоветского пространства формировала концепцию трактовки фактов своего прошлого, но в случае Украины это вышло далеко за рамки самоописания. Подмена исторической правды идеологизированными нарративами отмечалась уже в 1990-е гг., а в 2006 г. историческое мифотворчество получило и формальное подкрепление в виде Украинского института национальной памяти. Особенно ярко это стало проявляться после событий 2014 г., де-факто закрепивших конфронтационный курс Киева в отношении всего русского. Наиболее концентрированной в идейно-политическом отношении считается современная украинская школьная литература.

Преподавание истории в школах Украины становилось предметом рассмотрения отечественных публицистов и исследователей еще в начале нынешнего столетия [1, 2]. В последнее время российскими специалистами через призму украинской учебной литературы оценивались главным образом темы, связанные с культурной и географической проблематикой, например территориально-административная принадлежность Крыма [3]. Отдельно стоит отметить объемную монографию [4], где изложен концепт исторической общности двух народов и аргументированный научный ответ на попытки пересмотра качества пройденного вместе пути. Ю.А. Борисёнок с помощью многочисленных примеров убедительно разобрал идеологическую составляющую методологии преподнесения фактов из прошлого подрастающему поколению украинцев [5]. Также отечественными учеными ведётся работа по изучению и отображению объективной ретроспективы вошедших в состав Российской Федерации территорий. Так, при участии историков из Южного федерального университета в 2024–2025 гг. были выпущены учебное пособие и сборники архивных документов по Донбассу в годы Великой Отечественной войны [6–8]. Однако наблюдается определенный недостаток просветительских работ, в которых бы прослеживался и разбирался современный нарратив украинцев о России. Потребность в изданиях такого рода обуславливается практической значимостью, так как жители Донецкой, Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей долгие десятилетия находились под влиянием процесса замещения исторической памяти.

Сейчас донскими историками разрабатывается пособие для широкого круга читателей, в котором доступным языком развенчиваются основные украинские мифологемы. Данная статья фиксирует промежуточные итоги этого исследовательского процесса и призвана передать основные концепты, транслируемые в украинских учебниках середины 2010-х гг. по отношению к Московии и Всероссийской империи. Период с XVII по начало XX в. характеризуется постепенным формированием единого исторически обусловленного пространства. В современной украинской педагогической сфере, как и в культурной, информационной, политической, установки на лишение автономии, подавление традиций, подневольный характер жизни с великороссами являются важным орудием в «войнах памяти». Это достигается за счет искаженной трактовки терминов, фокусировки на неоднозначных, а порой и откровенно преступных лично-

стях, замалчивания не укладывающихся в канву моделируемого повествования фактов, умышленного внедрения выдуманных событий, явлений и процессов. Основой для авторского анализа послужили учебники по истории Украины для 8-х и 9-х классов, вышедшие в свет в 2016–2017 гг. В первом из них коллектив авторов под руководством Н.Н. Гупана изложил концепцию развития страны в раннее Новое время [9]. Во втором фактически те же люди осветили период с XVIII по начало XX в. [10]. Каждая книга сопровождается картографическим и хронологическим материалом, имеет гриф «рекомендовано Министерством образования и науки Украины». Поэтому представляется вполне оправданным характеризовать данную литературу как выражающую официальную позицию Украинского государства.

Наше исследование основано на сочетании профильных и метапредметных подходов. Базовыми выступили историко-контекстуальный, историко-генетический, историко-системный, а интердисциплинарными — контент-анализ, семантический анализ текста. Так как большой объем сведений из учебников посвящен взаимоотношению русин, малороссов с другими странами и народами, для отсека ненужной информации применены средства цифровой гуманитаристики. В ходе рассмотрения учебного материала было принято решение остановиться на подходе тезис — антитезис, который одновременно позволяет показывать транслируемые исторические мифы и сразу приводить контраргументацию, основанную на объективном научном знании. Такая форма представляется наиболее репрезентативной и в просветительском отношении.

Тезис 1. Союз с Московским царством не был выгоден для украинских земель. В начале учебника с помощью разных формулировок восьмиклассник постепенно готовится к тому, чтобы критически воспринять вхождение украинских земель в состав восточного соседа [9]. Применительно к Переяславской раде 1654 г. в качестве комментария приводится цитата Ю.А. Мицика, где воссоединение прямо называется мифом. В подтверждение излагаются такие положения: 1) систематические боестолкновения с русскими до этого события; 2) украинцы только в 1648 г. впервые обратились к царю и установили дипломатические отношения с Москвой; 3) рада не была всенародной, на месте присутствовало не более 300 чел. Показателен отказ от включения даты Переяславской рады в список для запоминания.

Контраргумент: *стоит начать с того, что военных конфликтов между русскими и украинцами на национальной почве до XVII в. не было (понятие «национальный» может применяться в полной мере лишь с XIX в.). Казаки могли выступать на стороне как, например, Речи Посполитой, так и Москвы, это был сословно-политический момент. Контакты между казаками и московскими властями были установлены в различном виде задолго до 1650-х гг. [11]. Инициатива обращения под крыло царя исходила со стороны представителей Гетманичины, а не наоборот. Б. Хмельницкий понимал, что независимое государство в текущих условиях создать невозможно. Со многими соседями отношения были затруднены или испорчены по разным причинам, поэтому обращение к братьям по крови виделось вполне логичным [12]. Московские войска не присутствовали в качестве политического или силового фактора на территории Левобережья до Переяславской рады, Алексей Михайлович долго сомневался в необходимости утвердительного ответа на просьбы Хмельницкого.*

Что касается «всенародности», то в Переяславе были собраны представители различных слоев украинского общества в рамках традиционного сословного института, который имел право ратификации подобных соглашений. Кроме того, присяга на верность царю проводилась позднее в территориальном (города) и военном (полки) разрезе, т. е. многочисленными людьми на местах. В документах эпохи запорожцы вполне осознанно именовали себя «Войско <...> и весь мир православный российский» [13, л. 5–11].

Дальнейшее сораствление в рамках общности оценивается авторами [9] также негативно, особенно выделены втягивание малороссов в изнурительные внешние войны и разорение частных хозяйств. Исключения из этого нарратива единичны и парадоксальны для такого образа России, например одним из историков в положительном ключе описано влияние царской защиты на левом берегу Днепра: рост народонаселения, совершенствование торговых и региональных связей, сохранение казачьего жизненного уклада. Но главный тезис продолжает развиваться: рассказ о периоде царствования Петра I полон пессимизма. Интересы малороссов и великороссов

вновь расходятся, на этот раз в отношении Северной войны. Казаки были слабо мотивированы служить на далекой Балтике, многие из них вынужденно оставляли свои семьи, как бы делая одолжение царю. Продвигается четкая идея о пользовании Украиной как вотчиной для личных нужд. И именно поэтому гетман И. Мазепа совершил «переход» на сторону шведов и поляков. С ними, получается, была перспектива взаимовыгодного сотрудничества. В дальнейшем фигура мятежника становится символом борьбы с русскими за свободу и независимость, многих украинских националистов XIX–XX вв. считают его преемниками.

Контраргумент: участие казаков в Северной войне никак не может считаться услугой, это была их прямая обязанность. Петр I относился к малороссам как к части вверенного ему народа, рассчитывая на участие отправленных полков в качестве вспомогательной силы. Это вовсе не был вопрос его личных интересов. Казацкие части в Северной войне показали свою низкую боеспособность, что было обусловлено имущественным расслоением, обнищанием рядовых членов локального общества. Старишинская верхушка при этом накапливала материальные ресурсы.

В течение Северной войны в Русском царстве действительно нарастал экономический и демографический кризис. Однако это было характерно не для одних запорожцев, великороссы испытывали на себе аналогичные тяготы и лишения военного времени. Что касается предательства Мазепы, то оно обернулось для него провалом. Большинство казачьих полков сохранили в тот момент верность царю, что было вызвано позитивным опытом взаимодействия в составе единого государства [14]. То есть оправданно говорить об узком, верхушечном, даже личном соображении при осуществлении так называемого перехода, который фактически был изменой.

Тезис 2. Культурную, духовную общность с русскими нельзя рассматривать всерьез, развитие Украинского государства в русле европейской идеи отвечало бы менталитету населения. После окончательного разделения казачьего государства на Левобережье и Правобережье стала оформляться их ориентация на Москву и Варшаву соответственно. Лексика, используемая в школьной литературе применительно к описанию лидеров украинских земель, хотя прямо не выражает «правильную» позицию, но намекает на верность идей представителей проевропейского курса. Правобережный гетман П. Тетеря представлен школьникам как выдающийся дипломат, автор многих исторических соглашений, а левобережный И. Брюховецкий — как эгоист, утилитарно подходящий к вверенной территории и населению.

Контраргумент: на самом деле оба деятеля являлись в исключительной степени эгоистичными. П. Тетеря сначала планировал объединить украинские земли с помощью польского оружия в борьбе против Русского царства, а потерпев неудачу — предлагал турецкому султану напасть на Польшу. И. Брюховецкий же клялся в верности царю, активно приглашал московских представителей в малороссийские города, а в 1660 г. неожиданно для Москвы изменил. Здесь можно привести еще Ю. Хмельницкого, И. Выговского, П. Дорошенко. Все эти лидеры не могли представить никакой внятной государственной идеи, систематически пользуясь доверием и ресурсами представителей соседних государств. Эксплуатация личных интересов, желание удержаться на вершине казачьей элиты — вот что объединяло предводителей начального периода «Руины» [15]. «Флюгерная» ориентация сменяющих друг друга гетманов на Турцию, Крымское ханство, «европейскую» Польшу не принесла рядовым малороссам ничего хорошего: казацко-крестьянские восстания против польского господства и ответные карательные экспедиции, административная и управленческая нестабильность, запустение многих населенных пунктов, упадок торговли.

Первый параграф учебника для 8-го класса назван весьма красноречиво: «История Украины — составная часть европейской истории» [9]. В приложениях к параграфам приводятся вставки с мнениями европейских и американских историков, которые должны стать ориентиром для юношей и девушек при формировании собственного отношения к прошлому. Голос российских представителей встретить достаточно трудно, обычно он приводится в подтверждение идеи о великорусской эксплуатации или вообще будучи вырванным из контекста.

Контраргумент: украинские земли в ходе развития исторического процесса находились под воздействием различных стран, их культурных, мировоззренческих, религиозных систем. Турция, Польша, Литва, Крымское ханство, Русское царство, Австро-Венгрия — вот далеко не полный список агентов локального влияния. Следовательно, нельзя относить население совре-

менной Украины к какому-то одному направлению дискурса, ссылаясь при этом на историю [16]. Игнорирование факта непрерывного нахождения в лоне русской традиции значительной части граждан, декларативный отказ от связей с великороссами не меняют реального положения дел. Понятие «европейский», активно внедряемое авторами учебника, подходит в лучшем случае для некоторых западных регионов (Львовщина, Тернопольщина, Закарпатье), которые действительно долгое время входили в состав крупных европейских государств.

Тезис 3. Тяга к свободе от Москвы была имманентно присуща украинским казакам, логически обосновывает текущую независимость. В отношении Слободского края (включавшего в себя, кстати, и русские города) царь, по мнению украинских педагогов, «боялся, что ... выберут гетмана и создадут казачье государство» [9, с. 197]. То есть подчеркивается справедливая обусловленность желания тамошних жителей быть независимыми. В то же время в соседних параграфах при изложении периода «Руины» среди её причин указываются слабые государственные традиции, отсутствие общенационального лидера, низкий уровень политического самосознания украинского населения. Так действительно ли жителям окраинных земель экзистенциально требовалось выделиться в отдельное государство?

Контраргумент: во-первых, Слободской край имел отличную от гетманской Украины модель управления: главную роль там играл воевода, т. е. царский наместник. Во-вторых, несмотря на общую политическую централизацию управления пограничным регионом, было решено самоуправление на уровне полков и слобод. В-третьих, становление этого локуса происходило с помощью добровольных переселенцев, получавших от царя преференции и защиту в обмен на военную службу [17]. Если конфликты с верховной властью и происходили, то на административном или социальном уровне. Логика исторического развития территории совсем не вела к политической независимости от Москвы и выборам верховного местного главы.

Свободолюбивые украинцы в важные исторические моменты зачастую оказываются «порабощенными» не только центром, но и собственными элитами. Весьма интересным представляется объяснение доминирования промосковского консервативного дискурса в начале XIX в. Якобы ориентированные на российскую сторону представители украинской управленческой верхушки победили сторонников автономии, так как просто располагали большими ресурсами. Испугавшись поступи зарубежной революции, желая сохранить свои привилегии, местные лидеры повели значительную часть населения на борьбу с французами. Далее, несмотря на немалый вклад в победу над чужеземными захватчиками, Украина не получила «ожидаемой автономии и ликвидации крепостного права» от Александра I. У внимательных школьников могут возникнуть вопросы: а) другие народы Империи тоже ожидали получить автономию за участие в Отечественной войне; б) проблема крепостнического строя была актуальной только для украинцев? Ответов авторы не приводят.

Тезис 4. Российская власть игнорировала местные законы и обычаи, эксплуатировала окраинные земли, а государственная политика была направлена на уничтожение украинской самости. В завершение успешной кампании 1655 г. Московское царство заключило с Речью Посполитой мирный договор в Вильно (1656), однако украинских представителей «к участию в переговорах не пригласили». Авторами учебника делается вывод: Москва пренебрегла интересами Украины и стала союзницей Польши. Аналогичная позиция повторяется далее. Андрусовское перемирие 1667 г. между Московским царством и Речью Посполитой характеризуется как полное игнорирование украинских интересов, так как казаков на подписание не позвали. Это «в очередной раз доказывало отношение Москвы и Варшавы к Украине». Постепенно происходило «растворение Гетманщины».

Контраргумент: в XVII в. политический суверенитет был неразрывно связан с понятием божественного представительства, помазанничества правителя. Гетманы таковым не обладали. Зря украинские педагоги не берут в расчёт Переяславскую раду: на момент заключения Виленского перемирия Гетманщина относилась к Русскому государству, соответственно, все дипломатические сношения осуществлялись верховной властью из Москвы. Это объясняет то, что левобережные казаки не были приглашены к внешнеполитическому диалогу. И правобережные земли не обладали политической субъектностью, так как находились под властью польской короны. Кроме того, ненадежность казаков («переориентация» правобережного

гетмана П. Дорошенко в 1666 г. на крымского хана) ускорила переговоры сторон. Если вспомнить, что в это же время разгорался конфликт России со Швецией, то становится понятной тактическая необходимость данного действия. Можно отметить противоречивое отношение авторов учебника к полякам — то «европейская ориентация» считается верным курсом в противовес русской, то русско-польский союз направлен против малороссов.

«Растворение Гетманичины» — несостоятельный тезис, так как после 1654 г. на восточных украинских землях сохранялись собственная администрация, военное управление с войском, финансовая и судебная система. Фактическое ослабление статуса военного предводителя началось в результате внутренних распрей после смерти Б. Хмельницкого, а не из-за великороссов. Окончательная ликвидация гетманства произошла только при Екатерине II в 1764 г.

Авторы внесли даты со специфическими характеристиками в список для запоминания: например, 1764 г. — «ликвидация гетманства», 1783 г. — «закрепощение крестьян Левобережной и Слободской Украины» и «ликвидация Крымского ханства». Тем самым они хотели подчеркнуть завоевательный характер России в отношении соседних земель, отражающийся в том числе в подчинении и эксплуатации местного населения.

Контраргумент: объективная оценка указанных событий, характера отношения Российской империи к украинским и прилегающим к ним землям исходит из понимания контекста. Унификация и централизация российской системы управления затронули не только окраинные земли. Кроме того, в Европе, особо уважаемой авторами, происходило то же самое: ликвидация региональных автономий, административно-территориальная стандартизация, возвышение центров принятия решений. Австрия, Франция, Пруссия активно расширяли собственные сферы влияния за счет присоединения более слабых регионов. Что до Крымского ханства, то оно долгие годы находилось в тяжелом политическом кризисе, оставаясь фактором геополитической нестабильности (между Турцией и Россией). Причина присоединения указана в Манифесте Екатерины II: «Не достигли мы, однако ж, в пределах той части Империи нашей тишины и безопасности» [URL: <https://diletant.media/articles/35279297/>]. После этой «ликвидации», а фактически приема под российское покровительство решилось множество проблем — от защиты местных жителей от грабежа и насилия до торгово-экономического развития рубежей государства.

Казачья верхушка к середине XVIII в. уже приравнялась по статусу и обязанностям к дворянству. Многие её представители активно поддерживали проводимый Петербургом курс, желали большего контроля над крестьянами и землей. В 1783 г. произошло юридическое оформление различных форм экономико-правовой зависимости, существовавших ранее. Закрепощение крестьян постепенно осуществлялось в разных регионах Российской империи (центр, Поволжье, Беларусь и т. д.), т. е. нельзя считать, что «эксплуатация» осуществлялась по этническому признаку, это было исторически обусловленное сословное явление.

Социально-экономическое развитие украинских земель в составе Российской империи во второй половине XIX в. расписано весьма тенденциозно. Авторы учебника для девятиклассников выделяют специальным шрифтом ключевые положения: «1. Промышленное развитие Украины носило односторонний, по сути колониальный характер <...> 3. Развитие украинской экономики базировалось не на местном, а иностранном — российском, немецком <...> капитале, что приводило к выводу львиной доли прибыли за рубеж» [10, с. 177]. Открытым текстом заявляется, что российские капитал, инвесторы и территория — иностранные, чужие.

Контраргумент: в конце XIX в. Украина однозначно входила в тройку наиболее развитых индустриальных центров России. Кроме добывающей промышленности, были развиты металлургия, машиностроение. Для этого необходима инфраструктура, техника, рабочие руки, инвестиции. В случае же эксплуатации сырьевого прироста все ресурсы просто вывозятся в метрополию. Значительная часть капитала принадлежала местным жителям или лицам украинской национальности, экономическая сфера не была полностью подконтрольна Петербургу. Относительно иностранных вложений выделена странная характеристика, ведь наличие зарубежных средств в местном предприятии демонстрировало экономический интерес, перспективу. Иностранные партнеры и владельцы реинвестировали существенные средства в развитие производства, инфраструктуры, социального компонента. Это приводило к увеличе-

нию числа рабочих мест для украинцев, росту численности населения, повышению качества жизни. Основной целью П. Столыпина как государственного деятеля была экономическая модернизация страны, позитивно задуманная аграрная реформа затрагивала крестьян многих народов европейской части России.

«Усиление национального гнета» в 1907–1914 гг. выделено в отдельную подтему. Период пребывания у власти П. Столыпина отмечается нарастанием «агрессивного российского шовинизма», «царский режим пытался разжечь межнациональную рознь и антисемитские настроения в Украине» [10, с. 214]. Угнетение национальной культуры проиллюстрировано запретом на празднование 100-летия со дня рождения Т. Шевченко. Сознательно не приведены люди титульной имперской национальности, много сделавшие для украинской культуры, а украинское происхождение людей, по духу и содержанию признаваемых во всем мире как русских, намеренно подчеркивается (Н. Костомаров, В. Тропинин, Н. Пирогов, И. Мечников и др.).

Контраргумент: антисемитизм, антиукраинство и подобные дискриминационные идеи не были официально закреплены ни в каких в государственных актах. Пресловутая черта оседлости охватывала не только лишь украинские губернии, а в течение XIX в. вводились многочисленные послабления для евреев при выборе места жительства. Проявления противоправного поведения на национальной почве в 1900-е гг. можно было обнаружить в столице, на Юге, в Сибири и даже на Дальнем Востоке. Участвовали в этом, кстати, и этнические украинцы. Имеется множество документальных свидетельств, когда власти вводили войска, увеличивали полицейские контингенты для защиты еврейского населения, а местные военные и духовные лидеры выступали с обращениями и увещеваниями [18].

Несмотря на попытки авторов представить период в качестве «тюрьмы духа», на самом деле в начале XX в. на Украине открывались национальные издательства и газеты, активно действовали различные культурные и просветительские общества. Вводимые сверху запреты и ограничения не были связаны с украинцами как нацией. Власть боялась революционного потенциала региона, связанного прежде всего с социальной подоплекой. Более того, фамилии ученых, управленцев, писателей, художников, финансистов, путешественников, известных не только в границах Империи, но и за ее пределами, манифестируют ценность уроженцев Украины [19]. Сомнительно, что их развитие и продвижение могли происходить в условиях реального национального гнёта.

Таким образом, краткий обзор идей, изложенных украинскими педагогами для подрастающего поколения, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, доминирующий нарратив о России в учебниках строится через конструирование подавленной идентичности украинского народа. Во-вторых, учебники имеют некоторое различие в отображении нашей страны: доля отрицательных коннотаций больше в книге для восьмиклассников, негативное изложение характеристик России уменьшается при приближении к XX в. На наш взгляд, это обусловлено большим вниманием к процессу «утраты государственности», чем к последующему развитию в составе России. В-третьих, выделяются конкретные сюжеты исторической памяти, через которые формируется неприятие Московского царства и Российской империи: а) потеря самостоятельности, включение обоих берегов Днепра в состав России: «травмы 1654/1793 гг.»; б) колониальная ресурсная экспансия русских в течение XVIII–XIX вв.; в) подавление культурной, религиозной, национальной идентичности XVIII–XIX вв. Представляется очевидным, что украинские педагоги выстроили ретроспективу исторического процесса в соответствии с современными политическими требованиями. Для этого были задействованы лексические, стилистические средства; раскрыты только «правильные» личности, события, процессы; проигнорированы или фактически сфальсифицированы сведения из архивных документов. Безусловно, в рамках отдельной статьи трудно отразить весь спектр антинаучных идей, а потому методологическая и содержательная работа с учебными материалами будет продолжена. Перспективы дальнейших изысканий по проблематике связываются прежде всего с анализом украинской литературы (выходившей до 2022 г.), рассчитанной на жителей Новороссии.

Список источников

1. Учебная тревога // Огонёк. 2005. № 37. С. 29.

2. Смирнов С.Б. Российско-украинские отношения в зеркале российских и украинских школьных учебников истории // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 2. С. 55–60. EDN: MTZQHP.
3. Рунаев Т.А. «Крымский вопрос» в российских и украинских школьных учениках по истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9 (89). С. 77–80. EDN: UEBGNN. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.11>
4. Григорьев М.С., Дейнего В.Н., Дюков А.Р. [и др.]. История Украины. М.: Междунар. отношения, 2022. 648 с. EDN: OCPMDL.
5. Борисёнок Ю.А. Черная книга. Украина – не Россия? Украинские школьные учебники XXI века: методы и механизмы фальсификации истории. М.: Проспект, 2024. 136 с.
6. Полосин А.В., Аверьянов А.В., Броварь А.В. [и др.]. История Новороссии : учеб. пособие для образовательных организаций высшего образования. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2024. 525 с.
7. Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период ВОВ. Донецкая Народная Республика : сб. арх. док. / гл. ред. Е.П. Малышева; сост.: П.Д. Корасаков, А.В. Аверьянов, М.А. Пономарева, Л.В. Табунщикова [и др.]. М.: Связь эпох, 2024. 323 с.
8. Правда истории: хранить вечно (геноцид советских граждан города Сталино и Сталинской области в период немецко-фашистской оккупации в 1941–1943 гг.) : сб. док. / А.В. Броварь (науч. ред.); Н.А. Броварь, М.А. Пономарева [и др.]. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2025. 220 с.
9. Гупан Н.М., Смагин І.І., Пометун О.І. Історія України : підруч. для 8 кл. загальноосвіт. навч. закл. К.: Освіта, 2016. 320 с.
10. Пометун О.І., Гупан Н.М., Смагин І.І. Історія України : підруч. для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. К.: Оріон, 2017. 288 с.
11. Кутепов В.А., Рыбаков С.В. Чего добивался гетман Хмельницкий? // Омский науч. вестн. 2015. № 3 (139). С. 20–24. EDN: VNXXVN.
12. Гавриков А.В. Переяславская рада и проблема геополитического выбора гетманата // Науч. стремления. 2013. № 4 (8). С. 14–17. EDN: UBLAFR.
13. Российский государственный архив древних актов. Ф. : Посольский приказ. Малороссийские дела. 1654. Д. 37.
14. Измена Мазепы и погром казачьих вольностей царем Петром // Военное обозрение. 2013. 2 окт. URL: <https://topwar.ru/33994-izmena-mazepy-i-pogrom-kazachih-volnostey-carem-petrom.html> (дата обращения: 25.03.2026).
15. Кондорский Б.М. К вопросу об истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1 (39). С. 54–81. EDN: JTZQCA. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.03>
16. Калита В.Н. Особенности менталитета украинцев в контексте российско-украинских отношений // Обозреватель – Observer. 2017. № 9 (332). С. 83–93. EDN: ZGIUXH.
17. Краснова И.В. Истоки формирования Слобожанщины как части геокультурного пространства России XVI – первой половины XVII в. // Журн. Ин-та наследия. 2020. № 1 (20). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/341.html> (дата обращения: 17.03.2026). EDN: THJFY. <https://doi.org/10.34685/NI.2020.26.95.011>
18. Нам пишут. Из Мелитополя // Таврида. 1881. № 37. 10 мая.
19. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 2021. 12 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 30.03.2026).

References

1. Training alarm. *Little Light*. 2005;(37):29. (In Russ.).
2. Smirnov S.B. Russian-Ukrainian relations in the mirror of Russian and Ukrainian school history textbooks. *Society. Environment. Development*. 2010;(2):55-60. (In Russ.). EDN: MTZQHP.
3. Runaev T.A. The “Crimean Question” in Russian and Ukrainian school history textbooks. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2021;(9):77-80. (In Russ.). EDN: UEBGNN. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.11>
4. Grigoriev M.S., Deinego V.N., Dyukov A.R. et al. *History of Ukraine*. Moscow: International Relations; 2022. 648 p. (In Russ.). EDN: OCPMDL.
5. Borisenok Yu.A. *Black book. Ukraine - not Russia? Ukrainian school textbooks of the 21st century: methods and mechanisms of falsification of history*. Moscow: Avenue; 2024. 136 p. (In Russ.).
6. Polosin A.V., Averyanov A.V., Brovar A.V. et al. *History of Novorossiya*. Textbook for higher education institutions. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University; 2024. 525 p. (In Russ.).
7. Korasakov P.D., Averyanov A.V., Ponomareva M.A., Tabunshchikova L.V. et al., comp. *Without statute of limitations. Crimes of Nazis and their accomplices against civilians during the Great Patriotic War. Donetsk People's Republic*. Collection of archival documents. E.P. Malyshev (ed.). Moscow: Link of Epochs; 2024. 323 p. (In Russ.).

8. Brovar N.A., Ponomareva M.A. et al. *Truth of history: to keep forever (genocide of Soviet citizens of the city of Stalino and Stalin Region during the Nazi-Fascist occupation in 1941-1943)*. Collection of documents. A.V. Brovar (Ed.). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University; 2025. 220 p. (In Russ.).
9. Gupan N.M., Smagin I.I., Pometun O.I. *History of Ukraine*. Textbook for 8th grade of general education institutions. Kyiv: Education; 2016. 320 p. (In Ukrainian).
10. Pometun O.I., Gupan N.M., Smagin I.I. *History of Ukraine*. Textbook for 9th Grade of General Education Institutions. Kyiv: Orion; 2017. 288 p. (In Ukrainian).
11. Kutepov V.A., Rybakov S.V. What did Hetman Khmelnytsky Seek? *Omsk Scientific Bulletin*. 2015;(3):20-24. (In Russ.). EDN: VNXXVN.
12. Gavrikov A.V. The Pereyaslav Rada and the problem of the geopolitical choice of the Hetmanate. *Scientific Aspirations*. 2013;(4):14-17. (In Russ.). EDN: UBLAFR.
13. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund: Ambassadorial Department. Little Russian Affairs. 1654. File 37. (In Russ.).
14. Mazepa's betrayal and the suppression of Cossack liberties by Tsar Peter. *Military Review*. 2013. 2nd October. Available from: <https://topwar.ru/33994-izmena-mazepy-i-pogrom-kazachih-volnostey-carem-petrom.html> [Accessed 25th March 2026]. (In Russ.).
15. Kondorsky B.M. On the history of Ukrainian statehood. *History and Modernity*. 2021;(1):54-81. (In Russ.). EDN: JTZQCA. <https://doi.org/10.30884/iis/2021.01.03>
16. Kalita V.N. Features of the mentality of Ukrainians in the context of Russian-Ukrainian relations. *Observer*. 2017;(9):83-93. (In Russ.). EDN: ZGIUXH.
17. Krasnova I.V. Origins of the formation of Slobozhanshchina as part of the geocultural space of Russia in the 16th - first half of the 17th century. *Journal of the Heritage Institute*. 2020;(1). Available from: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/341.html> [Accessed 17th March 2026]. (In Russ.). EDN: THJFJY. <https://doi.org/10.34685/HI.2020.26.95.011>
18. They write to us. From Melitopol. *Tavrida*. 1881;(37). 10th May. (In Russ.).
19. Putin V. On the Historical unity of Russians and Ukrainians. *President of Russia*. 2021. 12th July. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> [Accessed 30th March 2026]. (In Russ.).

Информация об авторе

П.А. Огорельцев — аспирант Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

P.A. Ogoreltsev — Postgraduate Student of the Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 33: 94 (470-321.9)

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-92-98>

ЭКОНОМИКА КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ШАГИН-ГИРЕЯ

Владимир Евгеньевич Поляков ^{1✉}, Эрнес Бахтиярович Вахидов ²

^{1,2} Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова, Симферополь, Россия

¹ turshu@inbox.ru ✉

² ernesvahidov@yandex.ru

Аннотация. Исследуется экономическая политика последнего крымского хана Шагин-Гирея (1777–1783) в контексте геополитического противостояния России и Османской империи. Рассматривается переход Крымского ханства от экономической модели, основанной на военной добыче и дани, к модели внутреннего налогообложения, что потребовало от хана проведения непопулярных реформ. Особое внимание уделяется роли христианского населения (греки, армяне) как главного источника налоговых поступлений. Показано, что организованное российским командованием переселение христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г. было сознательной мерой, направленной на экономическое ослабление ханства и лишение Шагин-Гирея финансовой независимости. На основе анализа бюджетных данных, статистики переселения и историографических источников делается вывод, что данная политика («дехристианизация») стала ключевым фактором, предопределившим присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. Также оцениваются долгосрочные социально-экономические последствия этих событий, включая земельные споры, эмиграцию мусульманского населения и упадок православной инфраструктуры, что позволяет переосмыслить роль экономического давления как инструмента «мягкой силы» в геополитике конца XVIII в.

Ключевые слова: Крымское ханство, Шагин-Гирей, экономическая история, «дехристианизация», переселение христиан

Для цитирования: Поляков В.Е., Вахидов Э.Б. Экономика Крымского ханства в период правления Шагин-Гирея // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 92–98. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-92-98>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ECONOMY OF THE CRIMEAN KHANATE DURING THE REIGN OF SHAHIN GIRAY

Vladimir Ye. Polyakov ^{1✉}, Ernes B. Vakhidov ²

^{1,2} Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russia

¹ turshu@inbox.ru ✉

² ernesvahidov@yandex.ru

Abstract. The article examines the economic policy of the last Crimean Khan, Shahin Giray (1777-1783), in the context of the geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire. The transition of the Crimean Khanate from an economic model based on military booty and tribute to a model of internal taxation is considered, which required the Khan to carry out unpopular reforms. Special attention is paid to the role of the Christian population (Greeks, Armenians) as the main source of tax revenues. It is shown that the resettlement of Christians from Crimea to the Azov region in 1778, organized by the Russian command, was a deliberate measure aimed at the economic weakening of the khanate and depriving Shahin Giray of financial independence. Based on the analysis of budget data, resettlement statistics, and historiographical sources, it is concluded that this policy (“de-Christianization”) became a key factor that predetermined the annexation of

Crimea to the Russian Empire in 1783. The long-term socio-economic consequences of these events are also considered, including land disputes, the emigration of the Muslim population, and the decline of Orthodox infrastructure, which allows us to rethink the role of economic pressure as an instrument of “soft power” in the geopolitics of the late 18th century.

Keywords: Crimean Khanate, Shahin Giray, economic history, “de-Christianization”, Christian resettlement

For citation: Polyakov V.Ye., Vakhidov E.B. The Economy of the Crimean Khanate During the Reign of Shahin Giray. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):92-98. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-92-98>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Судьба последнего правителя Крымского ханства Шагин-Гирея по прошествии двух с половиной веков по-прежнему вызывает интерес. В общественном сознании за ним неоправданно закрепилась репутация честолюбца и реформатора-неудачника, чьи непродуманные действия привели к исчезновению с политической арены некогда грозного Крымского ханства. При этом совершенно не учитывается то, что присоединение Крыма к Российской империи было осуществлено не только в результате успешных военных действий, но и умелым сочетанием дипломатии и геополитического маркетинга — блестящего анализа ситуации и воздействия на экономику Крымского ханства в заключительный период его существования.

О Шагин-Гирее, его восхождении на престол, проводимых реформах, бесславном конце правления писали исследователи в XIX–XXI вв. в России и за рубежом [1–17]. Несмотря на значительную историографию, только А.А. Скальковский, которого по праву называют «Геродотом Новороссии», и наши современники Д.В. Конкин, П.Н. Марциновский обратились к экономике [4, 7, 8], в частности к роли экономики Крымского ханства периода правления Шагин-Гирея и непосредственному воздействию на нее со стороны России, что фактически стало наглядным применением в конце XVIII в. soft power — «мягкой силы» как одного из важнейших инструментов внешней политики.

Ко второй половине XVIII в. Османская империя стремительно теряла свои позиции на международной арене. Причин тому было много, например в силу отсутствия светского образования промышленность оказалась в стороне от начавшейся в Европе научно-технической революции, что пагубным образом сказалось на состоянии военно-морского флота, артиллерии, стрелкового вооружения... Еще недавно непобедимая османская армия терпела поражение за поражением от войск Австрийской и Российской империй. Логичным эпизодом стало заключение Кючук-Кайнарджийского мира 10 (21) июля 1774 г., по которому Крымское ханство формально обрело независимость.

В этот период активно себя проявила российская дипломатия. Плодороднейшие земли Дикого поля перешли под юрисдикцию России и стали интенсивно заселяться, но сложность ситуации заключалась в том, что в России не было свободного рынка трудовых ресурсов. Власти нашли выход — привлекать иностранцев, предоставляя им всевозможные ссуды и льготы. Так, в Северном Причерноморье первоначально появилась Новая Сербия, военно-административная единица, созданная в 1751–1764 гг. На вновь приобретенные земли были переселены выходцы из Сербии, Молдавии, Черногории, Валахии, Македонии. В административный центр превратилась крепость Святой Елизаветы — Елизаветград, впоследствии переименованный в Зиновьевск, Кировоград, Кропивницкий... По аналогии с Новой Сербией вскоре возник значительно более масштабный топоним — Новороссия.

Тогда правительство фактически закрывало глаза на самовольное заселение Новороссии беглыми крестьянами, но их доля была крайне незначительна. В Польше удалось уговорить к переселению в степь проживавших там русских старообрядцев. Им было дозволено свободно проводить свои богослужения, беспрепятственно вести торговлю. Тем не менее основная ставка по-прежнему делалась на заселение христианами из Австрийской и Османской империй.

В сжатые сроки появилось более 200 новых городов и поселений. Вся эта территория бывших северных владений Крымского ханства теперь нависала над полуостровом, фактически

превращая его в остров. С Османской империей, еще недавним сюзереном и покровителем, уже не было общей сухопутной границы.

В новых геополитических условиях внутри крымско-татарской знати возникает своего рода русская партия в лице калги-султана Шагин-Гирея и его сторонников. Его приглашают в Петербург. После личного общения с императрицей обе стороны остаются чрезвычайно довольны таким развитием событий. Возвратившись в Крым, Шагин-Гирей начинает открыто проводить пророссийскую политику и вскоре при всесторонней поддержке России, как финансовой, так и военной, становится крымским ханом, как оказалось — последним.

Следует напомнить, что власть крымского хана не была безграничной, так как в своей деятельности он был вынужден опираться на законы ислама и местные адаты. К тому же большую роль играл Диван, своеобразная «палата лордов».

Особенность правления рассматриваемого периода состояла в том, что при составлении бюджета государства уже нельзя было рассчитывать ни на дань от покоренных соседей, ни на военную добычу от часто практиковавшихся военных набегов. Единственным источником наполнения бюджета была внутриэкономическая деятельность. Правление Шагин-Гирея неофициально подразделяется на два неравноценных периода — до «дехристианизации» Крыма и после. Обоснуем предложенный термин.

Чтобы лучше понять, какая пропасть разделяет эти 2 периода, приведем мнения очевидцев в отношении двух самых известных крымских городов той поры: «Торговля Феодосии в наше время ничтожна; но в развалинах её мы видим следы прошлого блеска, и воспоминания о прошлом позволяют надеяться на будущее» [18, с. 56]; «Что представляла собой Евпатория? После 1779 года, потеряв часть своего промышленного населения — армян и греков, переселенных в Нахичевань и Мариуполь, она так и не достигла своего прежнего цветущего состояния» [19, с. 255]. В приведенной цитате армяне и греки названы несколько необычно — «промышленным населением», так как именно в их руках были сосредоточены основные ремесла.

Поскольку Шагин-Гирей в части формирования бюджета мог рассчитывать только на внутренние ресурсы, то он был вынужден ввести ряд непопулярных у населения новшеств. Например, никто не имел права самостоятельного забоя скота, кроме специальных откупщиков, которые, в свою очередь, платили непосредственно в казну. Присоединив к ханству принадлежавшие ранее Османской империи Мангуп и Судак, Шагин-Гирей значительно увеличивал базу налогообложения.

Доходная часть стала составлять 345,612 тыс. р., что позволяло вести достаточно независимую от России политику. Соленые озёра ханства приносили 215 тыс., сборы с виноградников — 14 тыс., со скота — 31 тыс. р. Помимо откупных доходов, хан получал десятину налога с хлеба в сумме 36 тыс. р. в год [4, с. 28–40]. Расходы распределялись следующим образом: 118 тыс. — на администрацию и 85 тыс. — на двор. Для лучшего учета источников налогообложения формируются новые административно-территориальные единицы. Ак-Мечетское, Бахчисарайское, Карасув-Базарское, Кефинское, Кезлевское, Перекопское каймаканства, которые, в свою очередь, были разбиты на 44 кадалыка, а уже в них 1474 деревни [4, с. 12]. Важной статьёй расходной части бюджета было жалование новоизбранных чиновников [2]. Новые представители дворянских родов (мурахасы) получали жалование от 1300 до 3300 р. в год. В реестре А.А. Скальковского указано 152 чиновника гражданского и воинского управления Крымского ханства — от калги-султана до ачувеского мутеселлима. Стоит отметить и жалование жён хана: Улу-ханша (вероятно, старшая из них), Мелек-Султан-ханша и Джанет-Султан-ханша имели доход 4680 р. в год [4, с. 43–44].

Важной экономической реформой Шагин-Гирея стало строительство монетного двора в г. Кафа. Как отмечал Ф.Ф. Лашков, «денежные работы начались с 1780 г., и за 3 года было выбито 92 113 ханских медных рублей, 37 480 р. 50-й пробы, 91 136 р. пятой пробы, 5 853 р. 80-й пробы. Чистая выручка от монетного двора с 1780 по 1783 г. составляла 17 737 р.» [3, с. 28].

В Петербурге быстро осознали, что основной источник пополнения ханской казны — налоги с «промышленного населения», коими являлись проживавшие в Крыму христиане и иудеи. Этнически они были представлены армянами, греками (в Крыму их называли урумами), в меньшей степени — молдованами и грузинами, а также караимами и крымчаками.

Вот тогда и возникла идея вывести христиан из Крыма, чтобы, с одной стороны, лишить Шагин-Гирея экономической независимости, а с другой — заселить пустующие земли Приазовья. Первоначально данная миссия была возложена на командовавшего в Крыму русскими войсками А.А. Прозоровского, но он с поставленной задачей не справился. Тогда это поручили А.В. Суворову, который блестяще выполнил эту довольно хлопотную миссию. Проведенная им операция по переселению считалась успешной. Генерал-поручик А.В. Суворов был вознагражден императорской табакеркой, осыпанной брильянтами.

Дореволюционная, советская и современная историография кардинально разнится в определении подлинных причин депортации христиан из Крыма и ее последствий:

— «...сие переселение делается от страха мщения, коим угрожают им турки своим на Крым нападением» [20, с. 232];

— «находящиеся на территории полуострова христиане могли пострадать в ходе будущей войны по покорению Крыма и потому, дабы не давать повода Европе убрать их в безопасное место» [21, с. 25];

— «...должно было способствовать экономическому ослаблению Крымского ханства, усилению его зависимости от России» [22, с. 272].

Из 8 городов и 66 сел полуострова было выселено 31 386 чел.: 18 395 греков, 12 612 армян, 161 волох, 140 грузин, 78 пленных русских [22, с. 272].

Решающую роль в осуществлении переселения христиан сыграло крымское духовенство, формально получавшее денежные средства на «нужды переселенцев». Примечательно, что А.В. Суворов выплачивал подушно, за каждого пересекшего Перекоп человека, но не самому переселенцу, а его духовному наставнику. Бухгалтерские документы сохранили такую информацию: митрополиту Игнатию было выплачено 6550 р., армянскому архимандриту Маргосу — 2 820, армянскому католическому патеру Якову — 1 250 р.

В 1786 г. в суд поступила жалоба от жителей Мариуполя, что деньги, которые должны были быть распределены среди всех переселенцев в качестве компенсации за оставленные дома, сады, виноградники, присвоил митрополит Игнатий. Скандальное дело власти не стали доводить до суда, и жалоба осталась без ответа [21, с. 19].

Лишившись такой части населения, Шагин-Гирей не смог восполнить необходимый бюджет. Хотя Екатерина II предоставила компенсацию «за потерю подданных» — Шагин-Гирей и наиболее влиятельные беи получили по 100 тыс. р., что окончательно определяло полную финансовую и экономическую зависимость от нового сюзерена [3, с. 17].

Через пять лет после исхода христиан из Крыма полуостров вошел в состав России. С одной стороны, срок небольшой, но не для оставленных без присмотра храмов, которые очень быстро превратились в руины. Многие православные жители селений Крыма, которые отказались покинуть родину, перешли в ислам. Без того пестрая этническая мозаика крымских татар в одночасье обогатилась потомками тавров, скифов, готов, эллинов, предоставив современным крымским татарам право заявлять себя как автохтонное, а не пришлое население. Примечательно, что среди части современных крымских татар, когда речь идет о периоде еще до российской эпохи, иногда говорят: «Это было тогда, когда мы были еще греками» [23, с. 43].

Сегодня это покажется удивительным, но новые власти не проявляли особой энергии в возрождении православия на полуострове. Выскажем, может быть, несколько радикальное предположение, что были у них в ту пору более важные проблемы, главная из которых — передел земельной собственности. Дело в том, что основная масса население Крыма эпохи Крымского ханства не знала такого понятия, как «частная собственность на землю». Этот юридический казус был воспринят новыми властями очень своеобразно: общее — значит ничье. Земли стали дарить отличившимся полководцам, раздавать приближенным... Если крымские беи и мурзы могли предъявить какие-либо документы на право владения своими угодиями, то их причисляли к дворянскому сословию, они становились законными землевладельцами. Основная масса простого люда была лишена этого права. Подобное отношение властей к земельному вопросу, подогреваемое муллами, вызвало всплеск массовой эмиграции в Османскую империю.

Примечательно, что первые судебные тяжбы по земельным вопросам были не между татарами и новыми землевладельцами, а между «своими» Воронцовым и Мордвиновым и т. д. Вот

почему отведение земель под храмы, монастыри совершенно не входило в первоочередные планы новых правителей полуострова.

Доходная часть бюджета Шагин-Гирея настолько сократилась, что расходную уже невозможно было поддерживать на прежнем уровне. Сохранилась смета расходов заключительного периода правления. В 1783 г. муфтий Крыма должен был получать 2 400 р. в год, столько же и кади-эскер. На содержании ханской казны находились многочисленные хатибы, муллы, муэззины, каюмы, деврихуны... Денег на них уже не было. Стоит ли удивляться огромному количеству исламского духовенства, покинувшего в те годы Крым и увлекшего с собой в Османскую империю значительную часть своей паствы.

Заключение

Подводя итоги, можно определенно сказать, что если в тактическом плане «дехристианизация» принесла ощутимые позитивные результаты и способствовала присоединению полуострова к Российской империи, то в стратегическом — все не так однозначно.

1. Экономика Крымского ханства периода правления Шагин-Гирея была самодостаточна и обеспечивала существование независимого государства.

2. Инвестиции со стороны Российской империи фиксировались, но не носили решающего характера.

3. Вывод за пределы юрисдикции Крымского ханства проживавших на полуострове христиан, вносивших значительный вклад в пополнение бюджета, привёл к существенному ухудшению экономики.

4. Христианству в Крыму был нанесен удар, от которого смогли оправиться разве что через три четверти века. Покинутые и не востребуемые церкви вскоре пришли в негодность. Спустя десятилетия практически все православные храмы пришлось отстраивать заново.

Всю первую половину XIX в. на полуострове существовал огромный дефицит трудовых ресурсов, что пагубно сказалось на состоянии экономики края.

Список источников

1. Грибовский В., Сень Д. Опрометчивый полет сокола. Закат крымско-татарского государства и реформы Шагин-Гирея // Родина. 2014. № 7. С. 130–134. EDN: SILHAP.
2. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885–1889.
3. Лаишев Ф.Ф. Шагин-Гирей, последний крымский хан : ист. очерк. Киев: Тип. А. Давиденко, 1886. 44 с.
4. Скальковский А.А. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского края // Журн. Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 30. С. 1–45.
5. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII столетии. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 252 с.
6. Вахидов Э.Б. Исторический портрет последнего крымского хана Шагин-Гирея // Вестн. Майкопского гос. технол. ун-та. 2025. Т. 17, № 2. С. 11–21. EDN: YHCTEE. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-11-21>
7. Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // Боспорские исследования. 2018. № 37. С. 166–186. EDN: YPCPSH.
8. Марциновский П.Н. Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777–1783 гг. // Культура народов Причерноморья. 2001. № 20. С. 100–104. EDN: VUJIM.
9. Санкин Ж.Ф. Визит последнего крымского хана в Богородицкую усадьбу в 1786 году // Тульский краеведческий альманах. 2017. Вып. 14. С. 112–119. EDN: ZTQBRB.
10. Шейхумеров А.А. Военная реформа последнего крымского хана Шагин-Гирея (1777–1782 годы) // Вестн. Омского ун-та. Серия : Ист. науки. 2018. № 2 (18). С. 65–69. EDN: XZCDKH. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.65-69>
11. Fisher A.W. Şahin Girey, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. 1967. Bd. 15, H. 3. P. 341–364.
12. Rayfield D. A seditious and sinister tribe: the Crimean Tatars and their khanate. London: Reaktion Books, 2024. 352 p.
13. O'Neill K. Claiming Crimea: a history of Catherine the Great's southern empire. New Haven; London: Yale University Press, 2017. 361 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300218299.001.0001>
14. Grousset R. The empire of the steppes: a history of Central Asia / Transl. from the French by N. Walford; with a foreword by P. Charanis. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1970. 714 p.

15. Akhiezer G. The Crimean Khan Şahin Giray (1777–1783): the first modernizer of the Islamic world and his image in imperial and minority perspectives // J. of the Economic and Social History of the Orient. 2023. Vol. 66, № 5–6. P. 656–676. EDN: PTMCUN. <https://doi.org/10.1163/15685209-12341603>
16. Kuzucu S., Koyuncu M. Rusya'nın Kırım Hanlığındaki Siyasi Faaliyetleri (1774-1783) (Şahin Giray Dönemi) // Bilge Tonyukuk Anısına Türkiye ve Türk Dünyası Araştırmaları-I. 2020. S. 371–393.
17. Орешикова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 21–27. EDN: JSAZOX.
18. Миргородский А.В. Неизвестные страницы жизни Евгения де Вильнева и его окружения // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2025. № 2. С. 51–60. EDN: JUOZIU. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-51-60>
19. Памятная книжка Таврической губернии 1897 год. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1897. 205 с.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М.: Мысль, 1966. Т. 29. 773 с.
21. Озенбашилы Э.М. Депортация христиан из Крыма в 1778 г. и отражение этого события в фольклоре. Симферополь: Тарпан, 2011. 32 с.
22. Прохоров Д.А., Храпунов Н.И. Краткая история Крыма. Симферополь: Доля, 2013. 400 с.
23. Поляков В.Е. Симферопольский уезд, район... М.: Маска, 2023. 184 с.

References

1. Gribovsky V., Sen D. The reckless flight of the Falcon. The sunset of the Crimean Tatar State and the re-forms of Shahin Giray. *Motherland*. 2014;(7):130-134. (In Russ.). EDN: SILHAP.
2. Dubrovin N.F. *The annexation of Crimea to Russia: rescripts, letters, relations and reports*. St. Petersburg, 1885-1889. (In Russ.).
3. Lashkov F.F. *Shahin Giray, the Last Crimean Khan*. Historical Essay. Kiev: Davidenko Printing House; 1886. 44 p. (In Russ.).
4. Skalkovsky A.A. The occupation of Crimea in 1783. Materials for the history of the Novorossiysk Re-gion. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1841;30:1-45. (In Russ.).
5. Smirnov V.D. *The Crimean Khanate under the suzerainty of the Ottoman Porte in the 18th century*. Odessa: Schulze Printing House; 1889. 252 p. (In Russ.).
6. Vakhidov E.B. Historical portrait of the last Crimean Khan Shahin Giray. *Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2025;17(2):11-21. (In Russ.). EDN: YHCTEE. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2025-17-2-11-21>
7. Konkin D.V. “Economy and life”: economic and trade practice in Crimea in the first decades after the an-nexation to the Russian Empire. *Bosporan Studies*. 2018;(37):166-186. (In Russ.). EDN: YPCPSH.
8. Martsinovskiy P.N. Revenue part of the budget of the Crimean Khanate in 1777-1783. *Culture of the Peo-ples of the Black Sea Region*. 2001;(20):100-104. (In Russ.). EDN: VUJJIM.
9. Sankin Zh.F. Visit of the last Crimean Khan to the Bogoroditsk Estate in 1786. *Tula Local History Alma-nac*. 2017;(14):112-119. (In Russ.). EDN: ZTQBRB.
10. Sheikhumero A.A. Military reform of the last Crimean Khan Shahin Giray (1777-1782). *Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences*. 2018;(2):65-69. (In Russ.). EDN: XZCDKH. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.2.65-69>
11. Fisher A.W. Şahin Girey, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1967;15(3):341-364.
12. Rayfield D. *A seditious and sinister tribe: the Crimean Tatars and their khanate*. London: Reaktion Books; 2024. 352 p.
13. O'Neill K. *Claiming Crimea: a history of Catherine the Great's Southern Empire*. New Haven; London: Yale University Press; 2017. 361 p. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300218299.001.0001>
14. Grousset R. *The empire of the steppes: a history of Central Asia*. Transl. from the French by N. Walford. With a foreword by P. Charanis. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press; 1970. 714 p.
15. Akhiezer G. The Crimean Khan Şahin Giray (1777-1783): the first modernizer of the Islamic world and his image in imperial and minority perspectives. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2023;66(5-6):656-676. EDN: PTMCUN. <https://doi.org/10.1163/15685209-12341603>
16. Kuzucu S., Koyuncu M. Russia's political activities in the Crimean Khanate (1774-1783) (Şahin Giray Period). *In Memory of Bilge Tonyukuk: Türkiye and Turkic World Studies-I*. 2020:371-393. (In Turkish).
17. Oreshkova S.F. The Crimean Khanate in the 1770s. *Issue of History*. 2008;(7):21-27. (In Russ.). EDN: JSAZOX.
18. Mirgorodsky A.V. Unknown pages of the life of Eugène de Villeneuve and his circle. *Bulletin of Higher Education Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2025;(2):51-60. (In Russ.). EDN: JUOZIU. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-2-51-60>

19. *Memorial Book of the Taurida Governorate for 1897*. Simferopol: Taurida Provincial Printing House; 1897. 205 p. (In Russ.).
20. Soloviev S.M. *History of Russia from ancient times*. In 15 books. Moscow: Thought; 1966, vol. 29. 773 p. (In Russ.).
21. Ozenbashly E.M. *Deportation of Christians from Crimea in 1778 and the reflection of this event in folklore*. Simferopol: Tarpan; 2011. 32 p. (In Russ.).
22. Prokhorov D.A., Khrapunov N.I. *A brief history of Crimea*. Simferopol: Share; 2013. 400 p. (In Russ.).
23. Polyakov V.E. *Simferopol uyezd, district...* Moscow: Mask; 2023. 184 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.Е. Поляков — доктор исторических наук, профессор кафедры истории КИПУ.
Э.Б. Вахидов — аспирант, преподаватель кафедры истории КИПУ.

Information about the authors

V.E. Polyakov — Doctor of Science (History), Professor of the History Department, CEPU.
E. B. Vakhidov — Postgraduate Student, Lecturer of the History Department, CEPU.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-99-115>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ (1990–1993 гг.): ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Павел Эдвардович Семашка

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Semashka@sfedu.ru

Аннотация. На основе архивных материалов рассматривается деятельность Ростовского областного совета народных депутатов. Актуальность темы связана с тем, что местные советы в ходе реформ перестройки стали важным актором политического процесса, а также отражали мнение и интересы социальных групп в российском обществе. В историографии неоднократно обращались к данной теме, однако всесторонний анализ работы этого органа власти предпринимается впервые. В исследовании использовались математические и исторические методы: все решения были собраны и разбиты по категориям. В результате выделены и рассмотрены три периода деятельности областного совета. В первый период облсовет преимущественно занимался социально-экономическими вопросами, связанными с грядущими реформами и перераспределением бюджетных средств с целью «восстановления справедливости». На втором этапе совет столкнулся с последствиями августовского политического кризиса (1991 г.), который привёл к изменениям в политической системе области. В новых условиях облсовет был вынужден сосуществовать с обладминистрацией и справляться с тяжёлыми последствиями рыночных реформ. Кризис в российском обществе обострил и без того существовавшие партикуляристские тенденции в деятельности органа власти, которые вышли на новый уровень на третьем этапе (1993 г.), когда областной совет в условиях противостояния ветвей власти включился в политическую борьбу с целью расширить свои полномочия и статус области. В 1990–1991 гг. Ростовский облсовет, избранный на альтернативной основе, был реальной политической силой и главным органом власти. Встроившись после распада СССР в новую систему местного самоуправления, он, частично реформировавшись, сумел продолжить работу в новых реалиях. Несмотря на выявленные недостатки в принципах работы совета и принятых им решениях, невозможно согласиться с мнением, что в своей деятельности облсовет был консервативной силой, как и с тем, что советы не поддавались реформированию. Так, решения депутатов значительно продвигали рыночные реформы, а сессии совета выступали центром демократических преобразований.

Ключевые слова: СССР, РФ, перестройка, реформы, советская власть, советы, местное самоуправление, федеративные отношения, разделение властей, Ростовская область, Ростовский областной совет

Для цитирования: Семашка П.Э. Деятельность Ростовского областного совета народных депутатов (1990–1993 гг.): основные периоды и их характеристика // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 99–115. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-99-115>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ACTIVITY OF THE ROSTOV REGIONAL COUNCIL OF PEOPLE'S DEPUTIES (1990-1993): MAIN PERIODS AND THEIR CHARACTERISTICS

Pavel E. Semashka

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Semashka@sfedu.ru

Abstract. This article examines the activities of the Rostov Regional Council of People's Deputies based on archival materials. The relevance of this topic is related to the fact that local councils, during the Perestroika reforms, became an important actor in the political process, as well as reflected the opinions and interests of social groups existing in Russian society. This topic has been repeatedly addressed in historiography, but this is the first time that a comprehensive analysis of the work of this authority has been undertaken. The study used mathematical and historical methods. So, all the solutions were collected and categorized. Based on this analysis, three periods in the activity of the regional council were identified and considered. In its first period, the regional council mainly dealt with socio-economic issues related to upcoming reforms and the redistribution of budget funds in order to "restore justice". At the second stage, the council faced the consequences of the August 1991 political crisis, which led to changes in the political system of the region. In the new conditions, the regional council was forced to coexist with the regional administration and cope with the severe consequences of market reforms. The crisis in Russian society has exacerbated the already existing particularist tendencies in the activities of the authority, which reached a new level at the third stage in 1993, when the regional council, in the face of opposition from the branches of government, joined the political struggle in order to expand its powers and the status of the region. In 1990-1991 the Rostov regional Council, elected on an alternative basis, has become a real political force and the main authority. Having integrated itself into the new system of local self-government after the collapse of the USSR, the regional council, having partially reformed, managed to continue its work in the new conditions. Despite the identified shortcomings in the council's working principles and decisions, it is impossible to agree with the opinion that the regional council was a conservative force in its activities, as well as the fact that the councils were not amenable to reform. Thus, the decisions of the deputies significantly promoted market reforms, the council sessions were the center of democratic transformations.

Keywords: USSR, Russian Federation, Perestroika, reforms, Soviet government, soviets, local government, federal relations, separation of powers, Rostov region, Rostov Regional Council

For citation: Semashka P.E. The Activity of the Rostov Regional Council of People's Deputies (1990-1993): Main Periods and Their Characteristics. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):99-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-99-115>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Реформа представительных органов власти во время перестройки была одной из важнейших составляющих политических изменений и серьезно повлияла на расстановку сил в стране. Коснулась она не только центральных органов управления, но и органов власти на местах. Так, местные советы, ранее — малозначимые, фиктивные учреждения, стали играть ключевую роль в принятии решений. В статье на основе протоколов и стенограмм сессий предпринимается попытка качественного и количественного анализа всех решений Ростовского областного совета народных депутатов в 1990–1994 гг. Для этого все решения по основным тематикам собраны, распределены и представлены в виде таблицы и рисунков, выявлены основные периоды деятельности облсовета и дана им оценка, интерпретированы полученные данные.

Деятельность Ростовского облсовета неоднократно затрагивалась в историографии. Например, А.А. Мирошниченко отмечал, что совет был консервативной силой, не способной на продолжение реформ, а областная администрация — силой реформаторской [1, с. 16–17]. Однако не все авторы согласны с этой точкой зрения. В 1999 г. областной избирком выпустил в рамках региональной целевой программы повышения правовой культуры работу [2], посвященную эволюции власти в области «на протяжении последних двух тысячелетий», где советы не считаются консервативной силой: «реформаторская деятельность имела место в работе и тех и других [то есть советов и администрации]», о чем свидетельствуют «60 решений, принятых областным советом ... направленных на формирование в области основ рыночной экономики...» [2, с. 79]. С.В. Чуев рассматривал деятельность облсовета в рамках общего процесса политических реформ: в изучаемый период в области сложилась обстановка политической неопределенности и плюрализма в том числе и в представительных органах власти [3, с. 186–187], советах, которые на первом этапе (1990–1991 гг.), став легитимными и демократичными органами власти, перехватили «бразды правления из рук КПСС» [4, с. 199–200], а на втором (1991–1993 гг.), хотя и частично растеряли полномочия, сохранили контроль над областной администрацией [5]. Депутатский состав историк оценивал как умеренный, способный поддерживать реформы и

не «выходить за рамки системности» [5]. Таким образом, не сложилось однозначного мнения о характере деятельности облсовета. Кроме того, он так и не стал самостоятельным объектом изучения, так как всегда рассматривался в более широком контексте.

Итак, целесообразно распределить все принятые решения по пяти основным тематикам: 1) экономика — вопросы, связанные с экономическим развитием региона, бюджетной политикой, экономической реформой; 2) социальная политика — реализация интересов различных социальных групп (образование, здравоохранение, вопросы социальной защиты и пр.); 3) организационные (технократические) вопросы — текущая деятельность облсовета и некоторых других структур области: ротация кадров, переименование различных структур внутри облсовета и т. д.; 4) политико-административные вопросы (политика местного уровня) — распределение власти на уровне области; 5) политические вопросы — полномочия федеральных/союзных органов власти.

Подобное деление позволяет осветить заявленную проблему и лучше понять специфику деятельности облсовета в различные периоды его существования, так как проводилось исходя из содержания и контекста принятого решения. Если речь в постановлении идёт о добровольном снятии полномочий с народного депутата, то такое решение можно отнести к организационным, однако если оно принимается в отношении бывшего председателя облсовета, подавшего в отставку после длительного скандала в связи с его поведением во время августовского кризиса, то это — важное политическое решение и т. д. Отдельно стоит упомянуть категорию «организационные вопросы». Сюда отнесены решения, которые регулировали преимущественно работу самого совета и мало влияли на жизнь области.

Следует отметить, что количественный анализ вряд ли можно признать исчерпывающим в данном аспекте, ведь значимость тех или иных решений нельзя оценить только по их числу. На восьмой сессии было принято 22 решения, посвященных назначению на должность новых судей в Ростовской области, — примерно столько же, сколько посвященных экономике области, однако их значимость несопоставима. К результатам подобного исследования нужно подходить критически и дополнять другими формами исторического исследования. Но количественный анализ позволяет, во-первых, представить, насколько возможно, объективную картину работы органа власти; а во-вторых, продемонстрировать динамику деятельности совета.

За время работы с 1990 по 1993 г. облсовет провел 17 сессий. В 1990 г. прошло 5 сессий, в 1991 г. — 3, в 1992 г. — 3, в 1993 г. — 6. В среднем за сессию принималось 15,9 решения (если исключить оргвопросы, то 5,9), причем экономике обычно уделяли 1,7 решения, социальной политике — 0,7, организационным вопросам — 10, местной политике — 2,2, федеральной политике — 1,2. Всего в 1990–1993 гг. было принято 271 решение (здесь и далее мы будем исключать из анализа решения, посвященные оргвопросам). В 1990 г. было принято 100 (14)¹ решений, в 1991 г. — 67 (23), в 1992 г. — 72 (42), а в 1993 г. — 32 (22). Стоит отметить, что пик законодательной работы органа пришелся на 1992 г., когда количество решений выросло почти в два раза. В 1993 г. их число вернулось к показателям 1991 г.

Однако деление по календарным годам не совсем валидно. Исходя из анализа статистики, можно заметить, что в деятельности совета есть три периода: 1) 1990 — август 1991 г.; 2) август 1991 г. — декабрь 1992 г.; 3) декабрь 1992 г. — октябрь 1993 г. В первый период деятельность облсовета в целом посвящена социально-экономическим проблемам. С августа 1991 г. начинаются активные перестановки в политической жизни страны и области, и депутаты на протяжении значительного времени посвящали основное время переменам в политической сфере области. Вместе с тем наблюдалась и активность в экономической сфере, связанная с рыночными реформами. В 1993 г. законодательная деятельность пошла на спад, а фокус в работе сместился в сторону политики федерального уровня.

Первый этап

В апреле 1990 г. завершилось формирование новых органов власти, местных советов. Всего на основе альтернативных выборов было избрано порядка 20 тыс. депутатов различных уровней, причём 68 % — впервые [6, л. 34]. В состав ростовского облсовета вошли примерно 300 депута-

¹ В скобках указано количество решений без оргвопросов.

тов (претендовали 950 [6, л. 34]), правда, из них в октябре 1992 г. в работе всех сессий приняли участие лишь 36, а 195 депутатов ни разу не выступили в прениях по обсуждавшимся вопросам [6, л. 164]. Аналогичная ситуация складывалась и в работе постоянных комиссий: каждое второе заседание комиссии не посещали 67 депутатов [6, л. 163–165]. В среднем же посещаемость сессий не превышала 200–205 депутатов [6, л. 1, 6]. Неудивительно, что за все годы существования облсовета не было ни одной сессии, на которой присутствовали более 86 % депутатов, а в среднем на сессию ходили примерно 216 делегатов (74 %). Причём в первый период своей деятельности посещаемость была куда выше — 235, во второй — 207, в третий — 204. С сентября 1991 г. начали возникать ситуации, когда сессия прерывала свою работу из-за отсутствия кворума или просто не могла принять решения из-за нехватки голосов. Около 20 % депутатов полностью игнорировали заседания облсовета, а 195 депутатов были ростовским «болотом», т. е. вовсе не участвовали в прениях [6, л. 164]. Фактически небольшая группа активных депутатов (не более 30 %) полностью руководила повесткой сессии.

Свою работу облсовет начал в апреле 1990 г. На первой сессии был избран его председатель — партийный функционер Л.А. Иванченко. Конкуренцию ему составил руководитель совместного предприятия «Хат-Дон» Б.Л. Гринберг, «активный представитель новой волны экономической элиты» [4, с. 196–197]. Кандидатуру Л.А. Иванченко поддержал 181 депутат, Б.Л. Гринберга — 44 депутата из 231 [7, л. 72]. Помимо председателя, на сессии избрали и других должностных лиц [8, л. 150–151].

Процесс институционального становления продолжился на третьей сессии. На ней утвердили целый ряд документов (так называемые временные положения), которые закрепляли полномочия, порядок работы, права и обязанности как облсовета в целом, так и его постоянных комиссий и президиума [9, л. 104–123, 154–159]. Складывалась примерно следующая внутренняя структура облсовета: наибольшими полномочиями обладала сессия — высший орган государственной власти в регионе. В перерывах между сессиями работал президиум Ростовского облсовета — подотчетная структура, имеющая право принимать временные решения в пределах полномочий облсовета, но при последующем утверждении на сессии [9, л. 155]. Важное место в структуре облсовета занимали постоянные комиссии, которые должны были разрабатывать предложения, проекты решений для рассмотрения сессией, подготавливать заключения по вопросам, вынесенным на сессию [9, л. 105]. Исполнительным и распорядительным органом был исполнительный комитет, отвечавший за осуществление всех принятых решений облсовета и вышестоящих органов власти, а также разрабатывавший и выносивший на обсуждение сессии проекты бюджета, перспективные планы развития области [9, л. 22].

Как раз такой план развития региона в июле 1990 г. представил председатель областного исполнительного комитета В.В. Бородаев. В принятой программе намечались основные направления деятельности органа власти: формирование новых экономических отношений, переход на самоуправление и самофинансирование [10, л. 99]. В рамках программы предполагалось перераспределить доходы предприятий в пользу местных бюджетов, добиваться «социальной справедливости» на уровне области [10, л. 100]. Также помимо традиционных вопросов (бюджет, развитие сельского хозяйства и пр.) были освещены проблемы «реализации комплексных программ по переходу области на региональный хозрасчёт, планово-рыночную экономику и развитие внешнеэкономических связей» [9, л. 164].

В сентябре 1990 г. на четвертой сессии обсуждался вопрос продовольственного обеспечения области. По итогам дискуссии приняли документ, предполагавший введение талонной системы на ряд товаров, возможное сокращение отчислений в союзно-республиканский бюджет на величину, необходимую для закупки мяса, отказ от административного вмешательства в сферу ценообразования потребительских кооперативов и, самое главное, проведение разгосударствления отдельных предприятий торговли, а также разработку концепции перевода экономики на рыночные отношения [11, л. 4–6]. Выход из кризиса сессия видела в расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, развитии рыночных отношений [11, л. 53–56, 75], но вместе с тем депутаты не могли отказаться и от ограничений рыночных свобод в виде талонов и дотаций. В декабре 1990 г. на пятой сессии облсовет принял концепцию перевода экономики на рыночные отношения [12, л. 14], согласно которой в 1991 г. предполагалось провести пере-

стройку системы управления народным хозяйством области, разработать комплекс документов для перехода региона к рыночным отношениям [12, л. 15–32]. Однако все эти меры носили сугубо подготовительный, организационный характер, их реализация началась лишь в 1992 г.

Стоит отметить, что на этой сессии проявились достаточно выпукло партикуляристские тенденции в деятельности облсовета. Так, председатель облисполкома В.В. Бородаев негативно охарактеризовал деятельность союзного и республиканского руководства [13, л. 20–21], связанную с вывозом сельскохозяйственной продукции из области в централизованные фонды. Данная политика приводила к тому, что крупнейший производитель продовольствия — Ростовская область — находился в нижней части списка по поставкам в регион агропродукции [13, л. 22]. В этой связи облисполком выдвинул поддержанное депутатами предложение утвердить пониженные цифры поставок сельхозпродукции в центральные фонды (например, снизить поставки мяса с 85 до 40 тыс. т и т. д.) [13, л. 28], ограничить вывоз продовольствия за пределы области [13, л. 38], чтобы вывести регион на среднеловое потребление по РСФСР [14, л. 4, 11].

Также в ходе пятой сессии шла борьба вокруг отдельных положений бюджета на следующий год, в обсуждении которого приняли участие 220 депутатов из 300, сделано 115 замечаний и предложений [14, л. 3]. Обсуждались разные темы, однако наиболее любопытен эпизод, связанный с перераспределением средств из местных бюджетов. Камнем преткновения стал второй пункт бюджета, в первоначальной редакции которого область изымала большую часть средств с подоходного налога с граждан из местных бюджетов. Глава ростовского горсовета В.Ф. Чуб, ссылаясь на принятый ранее закон СССР [URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_09.04.1990_№_1417-1], настаивал на том, чтобы все средства с подоходного налога оставались в ведении местных советов [15, л. 12]. Делегаты сессии, несмотря на протесты облисполкома [15, л. 15], прислушались к Владимиру Фёдоровичу, заняв его сторону [15, л. 14]. И хотя окончательно утвердить бюджет удалось лишь в 1991 г., исполком не сумел добиться пересмотра данного решения. Если в первоначальном проекте Ростову-на-Дону оставляли всего 25 % средств с подоходного налога [12, л. 78–79], то в мартовском решении — уже 84 % [16, л. 33].

Кроме того, в 1991 г. получила продолжение история со снижением поставок агропродукции в союзно-республиканские фонды. Как выяснилось, руководство страны и республики согласилось снизить задание, но совсем незначительно. Так, если область желала сократить поставки мяса с 85 до 40 тыс. т, то удалось снизить лишь до 80; молока — с 212 до 70 тыс. т, получилось, соответственно, лишь до 200 [16, л. 70]. Исполком продолжил настаивать на снижении плана (до 70 тыс. т молокопродуктов, 65 тыс. т мяса и 82 млн шт. яиц) и добился поддержки сессии [16, л. 77–83].

Пожалуй, самым острым был вопрос строительства Ростовской АЭС (далее — РоАЭС). В регионе весной 1990 г. усиливался общественный протест против возведения станции, проходили многочисленные митинги, некоторые местные советы тоже выступили против [17]. В июне облсовет был вынужден созвать вторую внеочередную сессию, которая по итогам обсуждения приняла решение «...считать строительство АЭС на территории Ростовской области ... недопустимым. Строительство Ростовской атомной электростанции прекратить» [18, л. 15]. Это решение, а также продолжающийся общественный протест в г. Волгодонске повлияли на союзные и республиканские органы власти, которые в конце августа 1990 г. законсервировали рассматриваемый проект [19].

В 1991 г. по Ростовской области прошла серия шахтёрских забастовок. Данный вопрос обсуждался на шестой сессии облсовета, на которой депутаты, проявив «озабоченность тяжёлым положением шахтёров», выступили с обращением к Верховным Советам СССР и РСФСР с просьбой вступить в переговоры по обсуждению выдвинутых требований, но вместе с этим призвали шахтёров вернуться к работе [16, л. 24–25]. Также делегаты приняли пакет мер по социальной защите населения [16, л. 132, 135–136, 143, 149] и одобрили программу дополнительных мер по улучшению продовольственного снабжения области в 1991 г. [16, л. 77–83]. На этом завершился первый этап деятельности областного совета.

Итак, в этот период решения облсовета в основном относились к экономике (8 решений, 35 %) и социальной политике (7 решений, 30 %). Решения, связанные с местной и федеральной политикой, составляют 5 (22 %) и 3 (13 %) соответственно (рис. 1). Облсовет сформировал

свою структуру, избрал членов руководства, определил порядок работы на последующее время и стал главным органом власти в регионе, «местом принятия политических решений» [4, с. 197], где сталкивались и согласовывались интересы различных слоёв населения. Так как обл-исполком был подотчетен облсовету, никакой самостоятельности не имел, а КПСС постепенно теряла своё влияние, именно облсовет стал обладать в регионе всей полнотой законодательной и исполнительной власти.

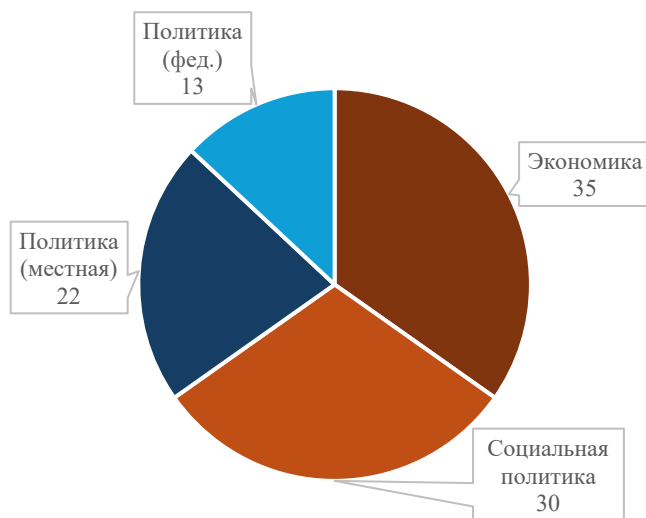

Рис. 1. Структура решений Ростовского облсовета на первом этапе (1990 — август 1991 г.), % / Fig. 1. Structure of decisions of the Rostov Regional Council at the first stage (1990 - August 1991), %

Прежняя централизованная и дисциплинированная партийная вертикаль власти ушла в прошлое, а новая, советская система, вынужденная опираться на мнение избирателей (причём нередко испытывая серьезное давление с их стороны), перестала быть послушным исполнителем воли Москвы. Поэтому неудивительно, что в своей деятельности лейтмотивом многих решений стал нарастающий политический партикуляризм, причём на уровне не только области, но и районов и городов. Это ярко прослеживалось в ситуации с РоАЭС, консервация проекта которой прошла под давлением на центральные органы власти со стороны общественности области и местных советов, а также при попытке пересмотра размера поставок агропродукции в союзные фонды, с одной стороны, и отказе богатых городов перечислять средства на дотации бедным районам — с другой.

Причиной такого явления, пожалуй, стоит признать стремление уничтожить централизованную систему распределения, выведившую значительную часть богатств области, района, города за их пределы, оно объединило большую часть делегатов.

В социально-экономической сфере депутаты приняли принципиальное решение о переходе экономики области на рыночные рельсы и ряд подготовительных мер, однако были и меры, которые рыночную свободу ограничивали. Подобная эклектичность связана с политикой советского руководства, которое тянуло с реформой и позицией самих депутатов, не готовых мириться с ростом неравенства и социальной напряженности. Это обусловило высокую социальную направленность совета, принявшего значительное количество мер по охране незащищённых слоёв населения.

Второй этап

Второй период, начавшийся в августе 1991 г., был вызван серьёзным политическим кризисом, разразившимся в СССР и непосредственно затронувшим регион, а также экономическими реформами, запущенными руководством независимой России.

19 августа 1991 г. в связи с созданием ГКЧП было созвано внеочередное заседание президиума облсовета. По итогам обсуждения президиум принял решение «О первоочередных мерах в области в связи с введением чрезвычайного положения в отдельных регионах страны», в котором «для координации действий по реализации принимаемых решений при введении чрезвычайного положения в области» создавалась оперативная группа под руководством Л.А. Иванченко [20, л. 5–7]. Данный документ содержал достаточно обтекаемые формулировки, однако заметно, что позиция областного руководства скорее склонялась к руководству СССР в лице ГКЧП. Так, в решении президиума содержатся ссылки на указ «и.о. Президента СССР Геннадия Янаева», признавалось верховенство Конституции СССР, а также не поддерживалась идея бессрочной забастовки [20, л. 5–7].

В результате даже отказ президиума в ночь с 20 на 21 августа создать аналог ГКЧП на территории области не помешал донским демократам, а затем и руководству РФ признать Иванченко сторонником ГКЧП [4, с. 249–250]. Уже 21 августа от должности отстранили председателя облисполкома В.В. Бородаева [URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/33627/>], а 23 августа — и самого Л.А. Иванченко с указанием в срок до 28 августа избрать нового председателя [URL: <https://vedomosti.rsf-sr-rf.ru/1991/35/>].

24 и 27 августа прошла седьмая сессия облсовета, где обсуждалась сложившаяся в регионе обстановка. По итогам дискуссии приняли решение: органы власти в области не предпринимают шагов по введению чрезвычайных мер. Вместе с тем отмечались «крупные ошибки» со стороны президиума и областного исполнительного комитета: областное руководство не добилося 19 августа оперативных указаний республиканского руководства и приняло «ошибочное решение № 100», а 20 августа, уже их получив, так его и не отменило. В этой связи сессия постановила: принять отставку В.В. Бородаева и президиума облсовета; учесть постановление об освобождении Л.А. Иванченко от занимаемой должности, поручить постоянным комиссиям рассмотреть на своих заседаниях кандидатуры на должность председателя облсовета [21, л. 22–23]. Фактически облсовет остался обезглавленным.

Получается, облсовет после запрета КП РСФСР [URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/33634/>] на какое-то время оказался единственным органом власти в регионе. Образовавшийся вакуум должны были заполнить создаваемые в соответствии с указом президента России Б.Н. Ельцина администрации, главы которых согласовывались с соответствующими советами народных депутатов [URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/33630/>]. Перед облсоветом встала задача избрать новое руководство и представить президенту кандидатуры главы администрации области.

И если с выбором кандидатуры на должность главы администрации области проблем не было, и уже 3 сентября сессия представила президенту двух кандидатов: А.И. Белого и В.Ф. Чуба [22, л. 20], который и стал первым главой администрации области [23, л. 29], то избрание нового председателя совета затянулось. В течение сентября — ноября 1991 г. шли долгие и мучительные попытки найти выход из сложившегося тупика. Депутаты в ходе первого заседания 3 сентября попробовали избрать нового председателя, однако ни один из кандидатов не набрал нужного количества голосов [23, л. 3]. 10 октября сессия продолжилась, однако на ней выборы председателя не проводили. На сессии развернулась целая дискуссия вокруг вопроса о законности снятия председателя с должности президиумом Верховного Совета России [24, л. 3, 10–21]. Часть депутатов признавали отставку Л.А. Иванченко и настаивали на новых выборах, считая невозможным идти на конфронтацию с Верховным Советом [24, л. 14, 16–17, 35], однако в целом сессия не была настроена поступаться своими полномочиями, считая, что снять с должности председателя могла только сессия облсовета [24, л. 15, 20; URL: <https://magmetall.ru/upload/iblock/8fd/q7w6gixrm4tz2325mpja9k3q0dkanmy.pdf>]. Поэтому делегаты перед выборами нового председателя должны были либо подтвердить статус председателя, либо выразить ему недоверие [24, л. 21]. Попытка поставить на голосование вопрос о недоверии провалилась — сессия вновь утонула в дискуссиях [24, л. 47], а потом и вовсе прервала свою работу из-за отсутствия кворума [23, л. 7].

11 октября делегаты вновь попытались решить назревшую проблему и вынести на голосование вопрос о доверии председателю Иванченко, но вновь не собрали кворум [23, л. 7–8]. В декабре 1991 г. дело сдвинулось с мертвой точки. На сессии перед депутатами был поставлен вопрос о недоверии Л.А. Иванченко. И хотя за высказались всего 16 депутатов, председатель облсовета сразу же после голосования подал в отставку [23, л. 21]. На проведенных вскоре выборах победил А.В. Попов [23, л. 25], бывший первый секретарь Новошахтинского горкома КПСС.

В декабре 1991 г. президиум облсовета был заменен малым советом [23, л. 30–34], действующим в период между сессиями. Он отличался от президиума более широким представительством. Так, если в первом составе президиума было 18 чел., то в малом совете — уже 29, а вообще он мог быть расширен до 60 членов [23, л. 30]. Примечательно, что в состав малого совета вводилось обязательное представительство от территорий — одна кандидатура от каждого из 15 избирательных округов [23, л. 31]. Это связывалось с тем, что ранее в президиуме в основном заседали ростовчане, а территории были представлены хуже [25, л. 56]. В 1992 г. облсовет

продолжил организационное оформление в новых условиях и официально закрепил новую схему управления областью, а также структуру администрации и облсовета [26, л. 34, 44]. Кроме того, в области стартовала работа по разработке устава области, «мини-конституции», как её назвал А.В. Попов [27, с. 30; 28, л. 36], а облсовет встал на путь «профессионализации»: расширение штата депутатов, работающих на постоянной основе, создание ряда новых структур с целью повышения эффективности своей работы [28, л. 32–33].

В фокусе внимания облсовета в конце 1991–1992 гг. остаются экономические вопросы, причём теперь решения касаются структурной перестройки экономики области. Так, 4 декабря 1991 г. облсовет принял решение «О формировании муниципальной собственности...», которое переводило значительную часть государственных объектов в ведение городов и районов [28, л. 37–39], а также «О приватизации...», в соответствии с которым в области создавались структуры, которые должны были осуществить приватизацию предприятий и жилья [28, л. 40–41, 56]. В 1992 г. облсовет одобрил программу приватизации в Ростовской области [26, л. 121–122], а также ряд мер, направленных на смягчение социальных последствий рыночных реформ [26, л. 49–50].

Следует сказать, что ухудшающаяся экономическая обстановка провоцировала конфликты между различными органами власти в регионе и между столицей и регионом. Так, облсовет в августе 1992 г. критически оценил работу администрации области по освоению бюджета за 1991 г. [28, л. 25], а также отметил «недостаточную социальную направленность» бюджета на 1992 г. [28, л. 13–14]. С похожей критикой выступили депутаты облсовета и в декабре 1992 г., комментируя отчет главы администрации В.Ф. Чуба [6, л. 60–65]. Впрочем, отношения между ветвями власти в целом оставались конструктивными в отличие от некоторых районов области, где местные советы и администрации вступали в длительные конфликты [27, с. 31–32; 29, л. 75].

Но доставалось не только местной администрации. Например, на одной из сессий делегаты негативно оценили законотворческую политику руководства страны в сфере экономики и финансов, отметив, что принимаемые законодательные акты «противоречили друг другу» [23, л. 52–53]. Своим решением депутаты приостановили действие одного из указаний Министерства финансов России и Государственной налоговой службы, так как оно якобы противоречило закону РФ «О налоге на добавленную стоимость» [23, л. 54].

В 1992 г. в связи со сложной обстановкой в стране делегаты облсовета неоднократно обращались к руководству страны с различными просьбами. Так, в марте депутаты обратились к руководству России, Молдавии и казачества с призывом остановить кровопролитие в Приднестровье [26, л. 223–224], а также попросили принять правительство «чрезвычайные меры по стабилизации экономического и социального положения...» [26, л. 88], в августе — с просьбой о созыве чрезвычайного съезда народных депутатов «с целью исключения полного разрушения экономики России...» [28, л. 70–72], а в декабре — с просьбой о восстановлении экономических связей с государствами СНГ и бывшего Совета экономической взаимопомощи [6, л. 58–59].

На этом этапе в повестку обсуждений облсовета входит и казачий вопрос. Ещё в декабре 1991 года облсовет поддержал инициативу Союза казаков Области войска Донского о восстановлении «незаконно упраздненного национально-государственного образования на Дону в составе РСФСР» [23, л. 35–36]. В 1992 г. это решение опротестовал прокурором области, однако отменено оно не было. Сессия решила изменить первый пункт, исключив из текста требование о восстановлении национально-государственного образования [26, л. 120]. Также в составе облсовета, а потом и администрации области были созданы комитеты по вопросам казачества [6, л. 161; 26, л. 182–183].

Отметим основные изменения, отразившиеся в работе органа власти на данном этапе. Прежде всего, облсовет пережил серьезнейший кризис власти в августе — декабре 1991 г., который на некоторое время приостановил нормальную законодательную работу. Во время кризиса ярко обнажились политические течения внутри облсовета (в первую очередь демократическое) и политическая платформа большинства депутатов, которые до последнего не желали отставлять Л.А. Иванченко, а после него избрали партийного функционера А.В. Попова. Даже в период наибольшего хаоса структуры облсовета продолжили свою работу и уже в декабре представили целый пакет документов, определивший дальнейшее развитие области.

Итогом кризиса стала организационная перестройка власти в области. Всевластие советов в связи с созданием администраций прекратилось, теперь они должны были разделить свои полномочия. Этот процесс не всегда носил конструктивный характер, однако в целом его можно признать состоявшимся. Кроме того, структура облсовета претерпела значительные изменения, а его новый постоянно действующий орган (малый совет) стал играть куда более важную роль, чем президиум. Фактически малый совет стал профессиональным подразделением, заменявшим в известной степени облсовет.

В сфере экономики депутаты продолжили курс на рыночные реформы, но теперь, ввиду решений сверху, приступили от слов к делу. Именно на сессиях облсовета была принята программа приватизации и созданы необходимые для её осуществления структуры. Социальные последствия реформ провоцировали многочисленные конфликты на сессиях и острую критику областной администрации и руководства России, однако и конструктивные решения также одобрялись.

Курс на отстаивание прав области перед руководством страны продолжился и пополнился новыми инструментами. Так, область вновь настаивала на снижении объема поставок продовольствия в центральные фонды [26, л. 87; 30, л. 80;], на сессиях регулярно принимались обращения к Верховному Совету и президенту, напоминающие манифестации, в которых достаточно резко характеризовалась деятельность правительства. Партикуляризм проявлялся и в достаточно специфических формах, как в случае с просьбой о «восстановлении национально-государственного образования на Дону». Процесс, начавшийся с просьб о снижении поставок мяса, начал принимать более жёсткие формы и вышел на пик в 1993 г. во время конституционного кризиса.

Описанные выше процессы отразились и на характере принимаемых решений. Так, в период с августа 1991 г. по декабрь 1992 г. они касались в основном вопросов политики местного уровня — 27 (48 %). Вопросам экономики было посвящено 15 решений (27 %), политике федерального уровня — 11 (20 %), социальной политике — 3 (5 %) (рис. 2). Бросается в глаза рост законотворческой деятельности на данном этапе — 56 решений. Он связывался с переформатированием политической жизни области и начавшимися экономическими реформами.

Третий этап

В 1993 г. облсовет, как и многие другие органы власти субъектов Федерации, включился в большую политику, в первую очередь в обсуждение разгоравшегося конфликта ветвей власти и связанного с этим конституционного процесса. В начале 1993 г. облсовет совместно с администрацией создает своё представительство при Верховном Совете и Правительстве России [29, л. 108], а 19 февраля А.В. Попов участвует в совещании представителей субъектов Федерации в Новосибирске [31, с. 607] и подписывает обращение, в котором субъекты критиковали предложение о проведении референдума, настаивали на приоритете социально-экономической стабилизации в политике страны и предлагали «провести в органах представительной власти субъектов Федерации обсуждение политической ситуации в России с целью выработки предложений по выходу из кризиса...» [29, л. 120–121].

На этом областные власти не остановились. Так, уже 29 мая глава администрации В.Ф. Чуб и председатель одной из постоянных комиссий облсовета И.Н. Пятигорец приняли участие в «консультативной встрече» предста-

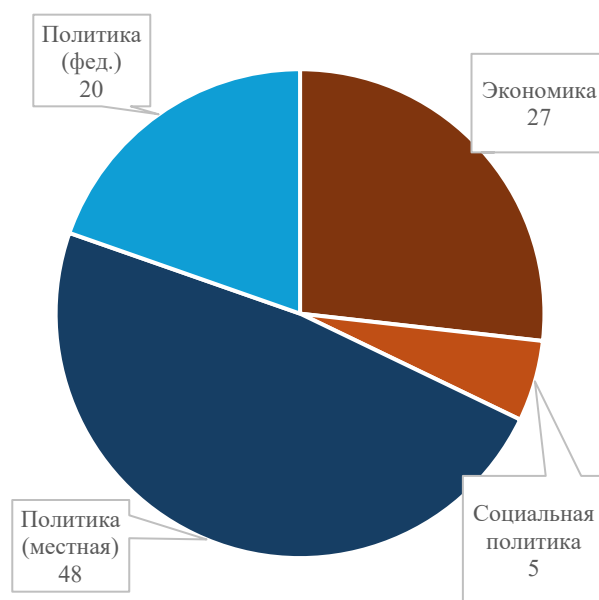

Рис. 2. Структура решений Ростовского облсовета на втором этапе (август 1991 — декабрь 1992 г.), % /
 Fig. 2. Structure of decisions of the Rostov Regional Council at the second stage (August 1991 - December 1992), %

вителей субъектов Федерации в Санкт-Петербурге. В заявлении, принятом по итогам встречи, подчёркивалась необходимость расширения полномочий субъектов и их участия в разработке конституции [32, л. 131]. В июне 1993 г. на сессии облсовета было принято решение «О проектах конституции», где депутаты призвали президента и Верховный Совет совместно с субъектами Федерации выработать единый проект конституции, в котором просили уравнивать в правах края, области и республики; формировать Совет Федерации пропорционально численности населения субъекта Федерации; сохранить советы как органы представительной власти; предусмотреть в новой конституции «положение о том, что способ вступления в должность главы исполнительной власти субъекты Федерации устанавливают самостоятельно...»; отказаться от «навязывания» единой для всех регионов модели местного самоуправления [33, л. 9–10]. Кроме того, облсовет отправил представителей в состав как конституционного совещания, так и рабочей группы по доработке конституции Верховного Совета России [33, л. 10].

В сентябре 1993 г. эти решения были подтверждены 15-й сессией облсовета [34, л. 18–20]. На ней обсуждалось предложение президента Б.Н. Ельцина о создании Совета Федерации, прозвучавшее в августе 1993 г. на совещании в Петрозаводске [35]. В итоге, несмотря на мнение председателя облсовета А.В. Попова [36, л. 125–127] и главы администрации В.Ф. Чуба [36, л. 127], посчитавших нужным участвовать в его создании, и уже принятое малым советом решение об этом, Совет Федерации был признан неконституционным, а участие в нём представителей облсовета — недопустимым [34, л. 18–29].

23 сентября в связи с принятым президентом России указом «О поэтапной конституционной реформе» была созвана 16-я внеочередная сессия облсовета. В ходе обсуждения приняли решение, в котором признавалось, что указы Б. Н. Ельцина и постановления Верховного Совета неконституционны. В связи с этим делегаты сессии решили: на территории области действует Конституция РФ, никакие решения, противоречащие ей, в Ростовской области выполняться не будут; обе ветви федеральной власти должны провести одновременные перевыборы; потребовать от Правительства РФ не препятствовать деятельности Верховного Совета, Съезда народных депутатов; обратить внимание силовых ведомств на необходимость соблюдать Конституцию и законы России; призвать всех граждан области защитить конституционные основы государства — советы, используя законные способы [37, л. 75–76]. Однако, как известно, к мнению делегатов не прислушались. Съезд народных депутатов разогнали, а в начале октября 1993 г. президент издал указ, «фактически прекращавший деятельность органов представительной власти на местах» [38, с. 9; URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/41257/>]. Однако благодаря «не очень внятным формулировкам пункта 5 президентского указа» и поддержке главы администрации В.Ф. Чуба [38, с. 9–10] по решению 17-й сессии полномочия облсовета до избрания Законодательного собрания области переходили малому совету [39, л. 4].

В 1993 г. резко обострился казачий вопрос. Так, 22 марта у стен здания облсовета во время заседания малого совета, посвященного борьбе ветвей власти, собралось несколько сотен казаков [40]. Они требовали выполнения нормативных актов, посвященных возрождению и реабилитации казачества, а также «восстановления незаконно упраздненного национально-государственного образования на Дону как субъекта РФ и на правах автономии», угрожая в противном случае приступить к реализации этих актов самостоятельно [41, л. 9]. Вскоре состоялась встреча руководства казачьих организаций и областной администрации. Казаки требовали у властей положение о наделении казаков землёй и программу возрождения казачества. В итоге 23 марта было достигнуто соглашение с казаками [41, л. 6–7], согласно которому на следующий день предполагалось провести заседание малого совета [34, л. 18], включив в повестку дня «утверждение Положения о реабилитационном земельном фонде для наделения землёй казачьих обществ», а также внести на рассмотрение сессии областного совета предложения по законодательной инициативе в части восстановления административно-территориального устройства в адрес Верховного Совета и т.д. В апреле этот вопрос действительно вынесли на обсуждение сессии, но сняли с повестки, решив полноценно рассмотреть его вкупе с остальными вопросами возрождения казачества на следующей сессии [42, л. 59–

65], которая состоялась в сентябре 1993 г. Однако и в ходе нее программа так и не была принята [43, л. 126; 44, с. 20].

Если кризис в отношениях ветвей власти, как уже было сказано выше, обошёл стороной область, то иная ситуация сложилась в отношениях облсовета с полномочным представителем Президента России в регионе В.Н. Зубковым. «Если глава администрации Ростовской области, а также его заместители регулярно посещали все заседания облсовета, то полномочный представитель Президента откровенно игнорировал подобные мероприятия, считая советы консервативными и антипрезидентскими органами» [4, с. 71]. В 1993 г. конфликт обострился и на 13-й сессии облсовет попытался «во исполнение постановления IX Съезда народных депутатов РФ...» упразднить этот институт в области [32, л. 57], однако безуспешно. Прокуратура уже на следующей сессии опротестовала данное решение [33, л. 8], а В.Н. Зубков продолжил свою работу [45], выступая против советов [46].

Однако на сессиях совета обсуждались и другие важнейшие для региона вопросы, в частности о приватизации. На 13-й сессии в апреле 1993 г. облсовет заслушал доклад комитета по управлению имуществом об итогах приватизации за 1992 г. и поручил составить программу приватизации на 1993 г. [32, л. 58], которая, впрочем, так и не была представлена ни на одной из последующих сессий. Также депутаты продолжили принимать меры по стабилизации экономики в условиях реформ [29, л. 12–17]. В социальной сфере важнейшим мероприятием совета можно признать принятую на 12-й сессии программу дополнительных мер по борьбе с преступностью [29, л. 20–21], разработанную администрацией области и включавшую в себя выделение дополнительных средств правоохранным органам, комплекс мер по социальной защите работников милиции, профилактике преступности [29, л. 22–42] и т.д.

Итак, в условиях разразившегося конфликта ветвей власти облсовет принимает активное участие в конституционном процессе. Выявленные ранее партикуляристские тенденции получили своё развитие в требованиях, выдвигавшихся депутатами и руководством облсовета к новой конституции. В первую очередь их интересовало расширение автономии региона, уравнивание его в статусе с республиками, однако трагические события в Москве подвели черту под этими требованиями.

Конфликт ветвей власти в целом обошёл стороной Ростовскую область, однако политическую обстановку обостряло противостояние депутатов облсовета с представителем Президента России в регионе и поведение казачества, представители которого в резкой форме требовали от областных властей решительных мер по восстановлению их прав. Также совет продолжил принимать меры по стабилизации социально-экономической обстановки в регионе [29, л. 12–17], однако их эффективность оставляла желать лучшего (например, принятое в апреле 1993 г. решение о создании фонда для поддержки животноводства так и не было реализовано, а поголовье скота продолжило сокращаться [36, л. 44–48]).

В целом же влияние облсовета как органа власти несколько снижается. Заметен спад законодательной активности – на данном этапе было принято меньше всего решений (таблица), что объясняется, во-первых, политической обстановкой в стране и усилением исполнительной власти; во-вторых, деятельностью малого совета, нередко принимавшего важнейшие решения самостоятельно. Именно малый совет утверждал основные программы по приватизации, схемы перераспределения бывшей государственной собственности на территории Ростовской области между муниципальными и региональными уровнями власти [4, с. 69]. Это отразилось и на количестве принятых решений. Если президиум в 1990 и 1991 гг. принял 205 решений, то малый совет в 1992 и 1993 гг. — 662 [47–50]. Этот факт отмечали также и депутаты, заявляя, что малый совет превышал свои полномочия [51, л. 47].

На последнем этапе облсовет принял активное участие в обсуждении проблем всероссийского уровня, что отразилось и на характере принятых им документов. Так, 7 решений (32 %) были посвящены политике федерального уровня, по 6 — политике местного уровня и экономике (27 %), 3 (14 %) — социальной политике (рис. 3). Заметно, что теперь на первое место в решениях органа власти выходят проблемы федеральной политики, а местная политика и экономика сравниваются.

Количество решений, принятых Ростовским облсоветом в 1990–1993 гг.
/ Number of decisions adopted by the Rostov Regional Council in 1990–1993

Сессия	Экономика	Социальная политика	Оргвопросы	Политика (местн. уровень)	Политика (фед. уровень)	Итого
1 (март — апрель 1990 г.)	—	1	38	2	—	41 (3)
2 (июнь 1990 г.)	1	—	2	—	1	4 (2)
3 (июль 1990 г.)	—	—	34	1	—	35 (1)
4 (сентябрь 1990 г.)	1	—	—	—	—	1 (1)
5 (декабрь 1990 г.)	4	1	12	1	1	19 (7)
6 (март 1991 г.)	2	5	12	1	1	21 (9)
Всего за 1990–1991 гг.	8	7	98	5	3	121 (23)
7 (август 1991 г.)	—	—	2	1	1	4 (2)
8 (сентябрь — декабрь 1991 г.)	2	—	30	9	1	42 (12)
9 (январь — март 1992 г.)	5	2	10	7	2	26 (16)
10 (август 1992 г.)	6	1	10	7	5	29 (19)
11 (декабрь 1992 г.)	2	—	10	3	2	17 (7)
Всего за август 1991 — декабрь 1992 г.	15	3	62	27	11	118 (56)
12 (февраль 1993 г.)	1	1	4	—	1	7 (3)
13 (апрель 1993 г.)	3	—	4	2	1	10 (6)
14 (июнь 1993 г.)	—	—	—	—	2	2 (2)
15 (сентябрь 1993 г.)	2	2	2	3	2	11 (9)
16 (сентябрь 1993 г.)	—	—	—	—	1	1 (1)
17 (октябрь 1993 г.)	—	—	—	1	—	1 (1)
Всего за 1993 г.	6	3	10	6	7	32 (22)
Итого (1990–1993 гг.)	29	13	170	38	21	271 (101)

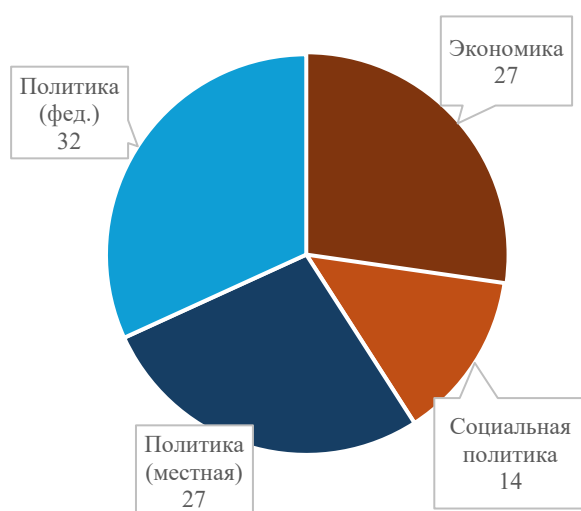

Рис. 3. Структура решений Ростовского облсовета на третьем этапе (1993 г.), % / Fig. 3. Structure of decisions of the Rostov Regional Council at the third stage (1993), %

Рассмотрим решения облсовета в целом. Во-первых, следует отметить относительное падение интереса к социальным проблемам (с 30 % на первом этапе до 5 — на втором и 14 — на третьем соответственно), рост интереса к политическим проблемам (35 — 68 — 59 %) и сохранение интереса к экономике на уровне 30 % от общего числа решений (35 — 27 — 27 %). Во-вторых, облсовет как орган местного самоуправления уделял основное внимание вопросам власти в своем регионе, но со второй половины 1992 г. по осень 1993 г. фокус переносится на вопросы взаимодействия с федеральным центром. В-третьих, социальная политика, как уже было сказано, меньше интересовала облсовет, но фиксируются рост интереса к ней в начале 1991 г. и периодические всплески в течение 1992 и 1993 гг.

Экономика была важной частью обсуждения практически все время существования облсовета, за исключением начала 1990 г., конца 1991 и 1993 гг. (рис. 4, 5).

Рис. 4. Динамика решений сессий (без оргвопросов) Ростовского облсовета в 1990–1993 гг. / Fig. 4. Dynamics of session decisions (excluding organizational matters) of the Rostov Regional Council in 1990-1993

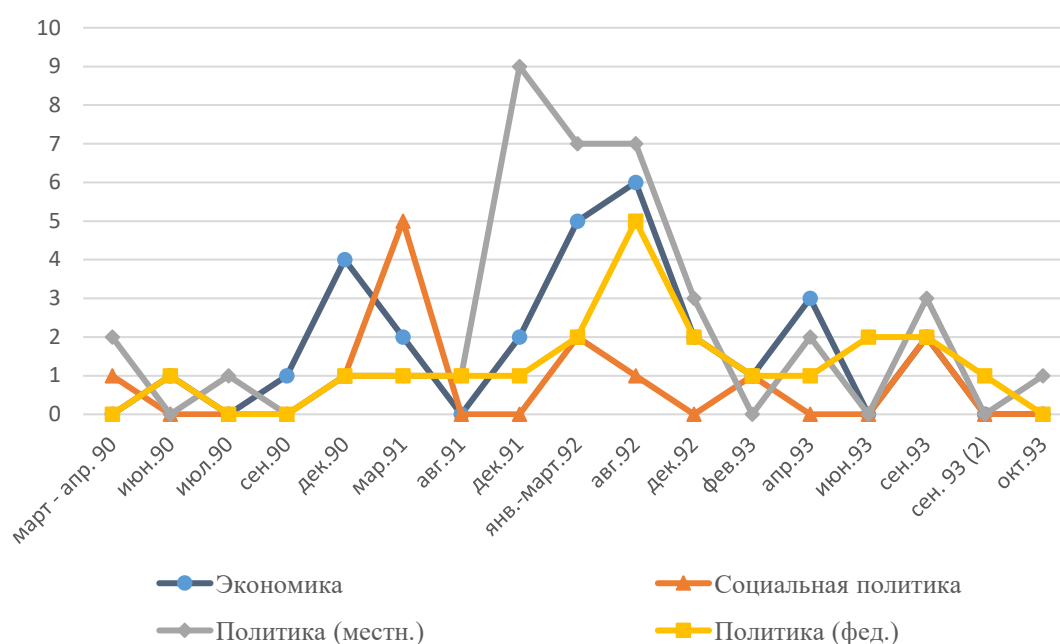

Рис. 5. Динамика решений сессий (без оргвопросов) Ростовского облсовета в разрезе разных сфер в 1990–1993 гг. / Fig. 5. Dynamics of session decisions (excluding organizational matters) of the Rostov Regional Council by different spheres, 1990-1993

Что касается организационной деятельности облсовета, то эта доля в решениях органа власти последовательно падает с 1990 по 1993 г.: на первом этапе — 98 подобных решений, на втором — 62, а на третьем — 10. Особенно много внимания уделялось организации работы донской представительной власти в первые месяцы после избрания облсовета, а также с сентября по декабрь 1991 г., когда политический ландшафт области и всей России кардинально поменялся. В 1992 и 1993 гг. эти вопросы затрагиваются все меньше. Впрочем, именно им отведено наибольшее количество решений: 170 из 271, т. е. 63 % (рис. 6). Однако реальная значимость подобных решений остается незначительной ввиду их специфики (это малозначимые рутинные бюрократические процедуры, которые практически никак не влияли на жизнь региона).

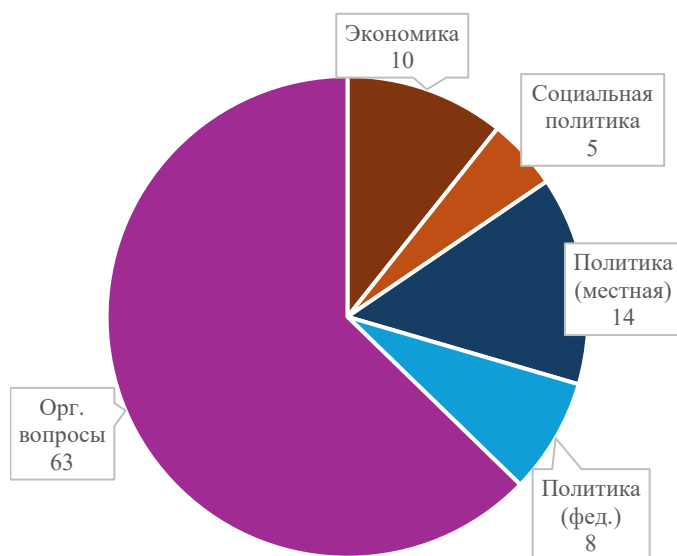

Рис. 6. Структура всех решений Ростовского облсовета в 1990–1993 гг., % / Fig. 6. Structure of all decisions of the Rostov Regional Council in 1990-1993, %

Заключение

Итак, на основании проведенного анализа зафиксировано 3 периода деятельности Ростовского областного совета народных депутатов. Для первого периода характерен приоритет социально-экономических вопросов, для второго — политических изменений в области, для третьего — также политических, но в большей степени федерального уровня. Фиксируется резкий рост законодательской деятельности во второй период (август 1991 г. — декабрь 1992 г.), а затем спад. В целом здесь доминируют организационные решения.

Итоги работы Ростовского облсовета трудно недооценить. В 1990–1991 гг. облсовет, избранный на альтернативной основе, был реальной политической силой, заменившей партийные органы. В 1991 г. совет с областной администрацией

фактически сформировал систему разделения властей на уровне региона, которая продемонстрировала потенциал совместной работы: облсовет не был послушным инструментом исполнительной власти, не позволяя последней чрезмерно усилиться, но вместе с тем и не допускал прямого противостояния, сохраняя конструктивные отношения. Кроме того, функционирование малого совета позволяло оперативнее решать важнейшие вопросы, не утопая в долгих дискуссиях на сессиях.

Облсовет с первых месяцев работы решительно отстаивал права региона перед советским, а затем и российским руководством. Депутаты требовали не только ограничить вывоз продовольствия за пределы региона, но и расширить права области, повысить её статус в составе Федерации. Партикуляристские тенденции нарастали с каждым годом и достигли своего пика в 1993 г. Характерно то, что депутаты поддерживали децентрализацию также и на уровне области, расширяя права местных советов.

Большинство депутатов объединяло стремление достичь «социальной справедливости», принимавшее различные формы. Так, они настаивали на бесплатной приватизации жилья, отменяли постановления правительства России, противоречащие интересам предприятий региона, и т. д. Это провоцировало конфликты с областным и федеральным руководством и в какой-то степени позволяло называть облсовет консервативной силой. Однако с этим утверждением вряд ли можно согласиться. Решения облсовета значительно продвигали реформы, а сессии, публично рассматривавшие самые острые вопросы политики и экономики, были главными событиями в политической жизни края, что делало совет центром демократических преобразований.

Список источников

1. Мирошниченко А.А. Общественно-политическая жизнь Ростова-на-Дону в 1991–1994 годах. Взгляд из «Города N». Ростов н/Д.: Город N, 1994. 111 с.
2. Власть на Дону. От первого атамана до первого губернатора (краткие исторические очерки). Ростов н/Д.: Ростиздат, 1999.
3. Чуев С.В. Современный политический процесс на Дону (1989–2004 гг.): этапы и содержание (исторический аспект) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2005. 212 с. EDN: NNMZMT.
4. Чуев С.В. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издат. решения, 2020. 624 с. EDN: OFGGIG.

5. Чуев С.В. Вехи эволюции региональной представительной власти в Ростовской области (1985–2022 гг.) // Вестн. Московского гос. обл. ун-та. Серия : История и полит. науки. 2022. № 2. С. 142–156. EDN: KKQENZ. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-142-156>
6. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 75.
7. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 2.
8. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 1.
9. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 8.
10. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 6.
11. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 9.
12. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 13.
13. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 10.
14. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 11.
15. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 12.
16. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 30.
17. Решение I сессии Волгодонского городского Совета народных депутатов 21 созыва от 6 апреля 1990 года «О прекращении строительства и недопустимости введения в эксплуатацию Ростовской АЭС» // Волгодонская правда. 1990. № 70 (9209). 11 апр.
18. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 5.
19. Правительственная телеграмма // Молот. 1990. № 201–202 (20590–20591). 6 сент.
20. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 49.
21. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 33.
22. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 36.
23. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 35.
24. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 37.
25. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 38.
26. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 61.
27. Попов А.В. Время выбрало нас. Ростов н/Д.: Журн. «Дон», 1997. 320 с.
28. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 66.
29. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 111.
30. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 64.
31. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 4 : 1993 год. Книга первая (январь – апрель 1993 года) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, 2008. 1120 с.
32. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 114.
33. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 117.
34. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 119.
35. Тасалов Ф.А. «Палата-невидимка» в XXI веке: возможно ли реформирование Совета Федерации? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1 (80). С. 33–46. EDN: NXOABD.
36. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 120.
37. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 122.
38. Берковский Б.Л., Белоцерковский Г.А. «Это из нашей истории строки...». Ростов н/Д.: ИП Ютишев А.С., 2019. 158 с.
39. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 123.
40. Донской республикой по кризису? // Наше время. 1992. № 49. 24 марта.
41. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 128.
42. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 116.
43. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 121.
44. Кислицын С.А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения : сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Логос, 1996. Ч. 1. С. 15–26.
45. Решение сессии облсовета не подлежит исполнению // Вечерний Ростов. 1993. № 84 (10435). 6 мая.
46. Перемены обязательно должны наступить // Вечерний Ростов. 1993. № 197 (10548). 7 окт.
47. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 25.
48. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 50.
49. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 96.
50. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 144.
51. ГАРО. Ф. Р3737. Оп. 16. Д. 67.

References

1. Miroshnichenko A.A. *Social and political life of Rostov-on-Don in 1991-1994. A view from "City N"*. Rostov-on-Don: City N; 1994. 111 p. (In Russ.).

2. *Power on the Don. From the first Ataman to the first Governor (brief historical essays)*. Rostov-on-Don: Rostov Publishing House; 1999. (In Russ.).
3. Chuev S.V. *The modern political process on the Don (1989-2004): stages and content (historical aspect)*. PhD Thesis. Rostov-on-Don, 2005. 212 p. (In Russ.). EDN: NNMZMT.
4. Chuev S.V. *Perestroika of 1985-1991 on the Don: personalities, events, historical results*. Moscow: Publishing Solutions; 2020. 624 p. (In Russ.). EDN: OFGGIG.
5. Chuev S.V. Milestones in the evolution of regional representative power in Rostov region (1985-2022). *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. 2022;(2):142-156. (In Russ.). EDN: KKQEHZ. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-2-142-156>
6. *State Archive of Rostov Region* (hereinafter - SARR). Fund R3737. In. 16. File 75. (In Russ.).
7. SARR. Fund R3737. In. 16. File 2. (In Russ.).
8. SARR. Fund R3737. In. 16. File 1. (In Russ.).
9. SARR. Fund R3737. In. 16. File 8. (In Russ.).
10. SARR. Fund R3737. In. 16. File 6. (In Russ.).
11. SARR. Fund R3737. In. 16. File 9. (In Russ.).
12. SARR. Fund R3737. In. 16. File 13. (In Russ.).
13. SARR. Fund R3737. In. 16. File 10. (In Russ.).
14. SARR. Fund R3737. In. 16. File 11. (In Russ.).
15. SARR. Fund R3737. In. 16. File 12. (In Russ.).
16. SARR. Fund R3737. In. 16. File 30. (In Russ.).
17. Decision of the First Session of the Volgodonsk City Council of People's Deputies of the 21st Convocation at 6th April 1990 "On the Termination of Construction and Inadmissibility of Commissioning the Rostov Nuclear Power Plant". *Volgodonsk Truth*. 1990;(70). 11th April. (In Russ.).
18. SARR. Fund R3737. In. 16. File 5. (In Russ.).
19. Government Telegram. *Hammer*. 1990;(201-202). 6th September. (In Russ.).
20. SARR. Fund R3737. In. 16. File 49. (In Russ.).
21. SARR. Fund R3737. In. 16. File 33. (In Russ.).
22. SARR. Fund R3737. In. 16. File 36. (In Russ.).
23. SARR. Fund R3737. In. 16. File 35. (In Russ.).
24. SARR. Fund R3737. In. 16. File 37. (In Russ.).
25. SARR. Fund R3737. In. 16. File 38. (In Russ.).
26. SARR. Fund R3737. In. 16. File 61. (In Russ.).
27. Popov A.V. *Time chose us*. Rostov-on-Don: Don Journal; 1997. 320 p. (In Russ.).
28. SARR. Fund R3737. In. 16. File 66. (In Russ.).
29. SARR. Fund R3737. In. 16. File 111. (In Russ.).
30. SARR. Fund R3737. In. 16. File 64. (In Russ.).
31. Rumyantsev O.G., ed. *From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional commission: transcripts, materials, documents (1990-1993)*. In 6 vols. Vol. 4: 1993. Book one (January - April 1993). Moscow: Wolters Kluwer; 2008. 1120 p. (In Russ.).
32. SARR. Fund R3737. In. 16. File 114. (In Russ.).
33. SARR. Fund R3737. In. 16. File 117. (In Russ.).
34. SARR. Fund R3737. In. 16. File 119. (In Russ.).
35. Tasalov F.A. The "Invisible Chamber" in the 21st century: is reform of the Federation Council Possible? *Comparative Constitutional Review*. 2011;(1):33-46. (In Russ.). EDN: NXOABD.
36. SARR. Fund R3737. In. 16. File 120. (In Russ.).
37. SARR. Fund R3737. In. 16. File 122. (In Russ.).
38. Berkovsky B.L., Belotserkovsky G.A. "These Are Lines from Our History...". Rostov-on-Don: IE Yutishev A.S.; 2019. 158 p. (In Russ.).
39. SARR. Fund R3737. In. 16. File 123. (In Russ.).
40. With the Don Republic against the crisis? *Our Time*. 1992;(49). 24th March. (In Russ.).
41. SARR. Fund R3737. In. 16. File 128. (In Russ.).
42. SARR. Fund R3737. In. 16. File 116. (In Russ.).
43. SARR. Fund R3737. In. 16. File 121. (In Russ.).
44. Kisilitsyn S.A. State and Cossacks: cooperation and confrontation. *Problems of Cossack revival*. Collection of scientific articles. Rostov-on-Don: Logos; 1996;1:15-26. (In Russ.).
45. Decision of the Regional Council Session is not subject to execution. *Evening Rostov*. 1993;(84). 6th May. (In Russ.).
46. Changes must certainly come. *Evening Rostov*. 1993;(197). 7th October. (In Russ.).
47. SARR. Fund R3737. In. 16. File 25. (In Russ.).
48. SARR. Fund R3737. In. 16. File 50. (In Russ.).

49. SARR. Fund R3737. In. 16. File 96. (In Russ.).
50. SARR. Fund R3737. In. 16. File 144. (In Russ.).
51. SARR. Fund R3737. In. 16. File 67. (In Russ.).

Информация об авторе

П.Э. Семашка — магистрант кафедры отечественной истории XX–XXI веков Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

P.E. Semashka — Master's Student of the Department of National History of the 20th-21st centuries of the Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 14.05.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-116-124>

МАЛЫЕ ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ ДОНСКОГО РЕГИОНА НАЧАЛА XX ВЕКА: ОСНОВАНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ

Алла Валерьевна Шадрина

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

bergson@yandex.ru

Аннотация. Анализируются основание, деятельность и значение удаленных от Новочеркасска и небольших по числу насельниц учрежденных в начале XX в. малых женских обителей Области войска Донского — Челбинского сиропитательного приюта (подворья Старочеркасского Ефремовского женского монастыря), Николаевского Бекреневского и Параскевиево-Николаевского монастырей. Челбинское подворье-приют было основано по инициативе местной жительницы, поддержанной казачьим населением, с целью призрения вдов, не вышедших замуж девушек и девочек-сирот. Бекреневский монастырь был преобразован из мужской обители после закрытия последней ввиду предосудительного поведения монахов. Параскевиево-Николаевский монастырь представлял собой ктиторский монастырь, возведенный по желанию П.М. Батыревой, завещавшей обители свое имение и значительный земельный участок. Объединяющим фактором малых обителей являлась их передача в управление игумении Старочеркасского Ефремовского монастыря Иннокентии (Петровой), которая назначала в монастыри монахинь, организовавших распорядок жизни и послушаний. Монастыри были всесословными институтами. Основная часть насельниц происходила из семей крестьян губерний, расположенных вблизи Области войска Донского. Несмотря на происхождение, большинство из них были грамотны и трудоспособного возраста от 20 до 60 лет. Главная задача малых монастырей — социализация в рамках монастырской жизни вдов и не вышедших замуж девушек. Монастыри также гарантировали уход возрастным монахиням и инокиням и погребение. В условиях социально-политических трансформаций начала XX в. для многих представительниц женского населения донские обители стали единственным способом выживания.

Ключевые слова: Область войска Донского, Челбинский сиропитательный приют, Николаевский Бекреневский общежительный женский монастырь, Параскевиево-Николаевский женский монастырь, игумения Иннокентия (Петрова), Н.И. Батырев

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гос. рег. 124012200178-4.

Для цитирования: Шадрина А.В. Малые женские монастыри Донского региона начала XX века: основание, деятельность, значение // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 116–124. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-116-124>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SMALL WOMEN'S MONASTERIES OF THE DON REGION IN THE EARLY 20th CENTURY: FOUNDATION, ACTIVITY, SIGNIFICANCE

Alla V. Shadrina

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

bergson@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the foundation, activity, and significance of small women's monasteries of the Don Host Region, established in the early 20th century, remote from Novocherkassk and small in the number of inhabitants: the Chelbinsky orphanage (a metochion of the Starocherkassk Efremovsky Women's

Monastery), the Nikolaevsky Bekrenevsky and Paraskevievo-Nikolaevsky monasteries. The Chelbinsky metochion-orphanage was founded on the initiative of a local resident, supported by the Cossack population, with the aim of caring for widows, unmarried girls, and orphan girls. The Bekrenevsky monastery was transformed from a men's monastery after the latter's closure due to the reprehensible behavior of the monks. The Paraskevievo-Nikolaevsky monastery was a ktitor monastery, founded according to the wish of the deceased P.M. Batyreva, who bequeathed her estate and a significant plot of land to the monastery. A unifying factor of the small monasteries was their transfer to the management of the abbess of the Starocherkassk Efremovsky Monastery, Innokentia (Petrova), who appointed nuns to the monasteries, the latter organized the daily routine and obediences. The monasteries were all-class institutions. Most of the inhabitants came from peasant families of provinces located near the Don Host Region. Despite their origin, most of them were literate and of working age from 20 to 60 years. The main task of the small monasteries was the socialization within monastic life of widows and unmarried girls. The monasteries also guaranteed care for elderly nuns and novices and burial. In the conditions of socio-political transformations of the early 20th century, for many representatives of the female population, the Don monasteries became the only way of survival.

Keywords: Don Cossack Region, Chelbinsky Orphanage, Nikolaevsky Bekrenevsky monastery, Paraskevievo-Nikolaevsky monastery, Abbess Innokenty (Petrova), N.I. Batyrev

Acknowledgments: this publication was prepared within the framework of the State Assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, State Registration No. 124012200178-4.

For citation: Shadrina A.V. Small Women's Monasteries of the Don Region in the Early 20th Century: Foundation, Activity, Significance. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):116-124. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-116-124>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С XIX в. женские монастыри Дона играли заметную роль в общественной жизни Области войска Донского. К началу XX в. они стали востребованной частью социума. Понимание роли данных институтов Православной российской церкви (с 1943 г. — Русской православной церкви), несмотря на их малочисленность, обеспечит более полное и глубокое представление об общественно-политической ситуации в регионе в то время. Поставленная проблема представляется актуальной, поскольку дает возможность более полно понять процессы в социальной жизни, происходившие на Дону в начале XX в.

Историография проблемы весьма скудна. Монастыри Донского региона выступали предметом исследования в [1–4]. В частности, П.В. Никольский ставил задачу выявления причин и истории основания как женских, так и мужских обителей в XVII–XVIII вв., особенностей их взаимодействия с местным населением и проблем внутренней жизни. А.А. Кириллов и протоиерей Г. Левитский посвятили свои работы основанному в 1937 г. Старочеркасскому Ефремовскому женскому монастырю, ставшему примером ктиторской обители на Дону. Донское монашество XVII–XIX вв. частично затрагивалось в [5, 6].

В основе источниковой базы настоящего исследования — две группы: делопроизводственная документация Донской духовной консистории, включающая делопроизводство монастырей Донской и Новочеркасской епархии (далее — Донской); архивно-следственное дело монашествующих Северо-Кавказского края (1931 г.) Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области и публикации в периодическом издании второй половины XIX в. «Донские епархиальные ведомости», посвященные Николаевскому Бекреневскому монастырю [7, 8]. Методологическая база исследования сформирована на традиционных для исторической науки принципах научной объективности, системности и историзма.

В первую очередь необходимо оговорить употребляющийся в настоящем исследовании термин «малый монастырь». Под ним понимается тип православного монастыря, удаленного от центра региона и отличающегося незначительным числом насельников (члены обители).

К малым монастырям Области войска Донского — обителям, основанным в начале XX в., относятся Челбинское подворье-приют, Николаевский Бекреневский и Параскевиево-Николаевский общежительные женские монастыри. Их возникновение обусловлено разными причинами, но объединяющим фактором являлась организация несоциализированного в соци-

ально-политических условиях женского населения — вдов и девушек, не вышедших замуж. Объединение в монастырях Православной российской церкви женщин региона, основным населением которого были донские казаки и крестьяне, до 1860-х гг. принадлежавшие донским помещикам, следует традиционным представлениям казачества. Последние отражены в известном отношении атамана Войска Донского XVIII в., приведенном исследователем донского монашества П. Никольским: «В тот монастырь [Покровский г. Воронежа] писали ... донские казаки, въезжают с Дону наши, холопей твоих, матери и сродницы по обещанию своему пострижены, а иные погребены, а кроме девича монастыря выехать с Дону сродницам нашим для душевного спасения негде» [2, с. 174]. Иными словами, монастыри рассматривались как учреждения христианской социальной направленности, в которых вдовы и девушки, будучи защищенными от негативного влияния общества, имели возможность вести благочестивый образ жизни, трудясь на благо Церкви и монастыря, получать кров, питание, одежду, уход в случае болезни и христианское погребение, т.е. гарантированно обеспеченный жизненный цикл.

Челбинский женский сиропитательный приют начал формироваться в 1900 г. [9, л. 2] в Первом Донском округе Области войска Донского, в 20 верстах от Цымлянской станицы — в хуторе Челбинском [10, л. 33–33 об.] (здесь и далее названия населенных пунктов приводятся в соответствии с делопроизводственными документами Донской духовной консистории конца XIX — начала XX в.). Инициатива организации сиропитательного приюта — общежития вдов и, скорее всего, девочек-сирот и незамужних девушек — принадлежала «одной из женщин» (имя не сохранилось), вероятно, вдове казака. Его основание было поддержано казаками Челбинского и окружающих хуторов, которые выделили не только землю, но и средства на постройку келий и хозяйственных помещений. Приют занимал около 5 десятин земли, на которых, кроме построек, рос сад [10, л. 33–33 об.]. Позднее монастырю было пожертвовано еще 12 десятин земли для сельскохозяйственных нужд [9, л. 2]. После начала деятельности насельницы обеспечивали себя за счет пожертвований, рукоделия и огородничества [9, л. 2].

Со времени основания Челбинский приют понимал себя как учреждение Православной российской церкви, хотя разрешения на его учреждение в документах Донской духовной консистории не сохранилось. В период формирования он не имел собственного храма. На богослужения насельницы ходили в находившуюся поблизости Вознесенскую церковь хутора Чувильдеев [11, л. 29–29 об.]. Однако уже в 1903 г. на территории приюта построили деревянный молитвенный дом с одной главкой над алтарем. Храм был небольшим: длина — 9 сажень 1 аршин (19 м 20 см), ширина — 3 сажени 2 аршина (7 м 8 см), высота до верха карниза — 1 сажень 2 аршина (2 м 1 см) [12, л. 2]. Он отапливался двумя голландскими печами, что с последней трети XIX в. стало нормой для церквей Донской епархии. В молитвенном доме находился иконостас, а рядом возвели деревянную колокольню высотой 5 $\frac{1}{4}$ аршин (3 м 7 см) [12, л. 2].

Появление и деятельность женского общежития монашеского типа не остались без внимания донского епархиального начальства, и к 1912 г. Челбинский сиропитательный приют по инициативе епархиального архиерея архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира (Сеньковского) и епархиального начальства — членов Донской духовной консистории — получил статус подворья Старочеркасского Ефремовского женского монастыря.

Изменение статуса принесло позитивные трансформации. В первую очередь они связаны с именем игумении Старочеркасского Ефремовского монастыря монахини Иннокентии (Петровой), широко известной в Российской империи и за ее пределами. Благодаря ее деятельности женское монашество Области войска Донского стало примером для многих обитателей и привлекло значительное число женщин и девушек из разных регионов Российской империи, желавших вести монашеский образ жизни под руководством игумении Иннокентии. По ее инициативе в Челбинский женский приют были направлены монахини и инокини Ефремовского монастыря, которые установили распорядок монастырской жизни: систему послушаний, общей трапезы (питания насельниц) и строгого подчинения.

Заведующей Челбинским подворьем-приютом была назначена монахиня Валериана (Татьяна Григорьевна Яковенко), 1861 г. р., дочь мещанина г. Азова [13, л. 8 об. – 9]. Она стала послушницей Ефремовского монастыря в 1887 г., в 1892 г. облачена в рясофор (иночество) и 10 октября 1908 г. пострижена в монашество. После почти 30 лет пребывания в Ефремовском монасты-

ре она, несомненно, стала носительницей традиций женского монашества, которые попыталась воплотить в Челбинском приюте. Второй монахиней, переведенной на подворье, была Геронтия (Мария Игнатовна Литвинова), 1861 г. р., дочь крестьянина. Насельницей Ефремовского монастыря стала 24 мая 1894 г., пострижена в монашество в 1912 г. [13, л. 16 об. – 17].

Монахиня Валериана, следуя примеру игумении Иннокентии, в первую очередь обратила внимание на условия жизни и деятельности насельниц. По страховой оценке строений Челбинского монастырского подворья-приюта, к 1912 г. монастырь представлял собой достаточно обширный комплекс. Помимо храма с колокольной, там были построены: в 1900 г. одноэтажный жилой дом-корпус (келии); в 1902 г. — одноэтажный деревянный дом заведующей монастырским подворьем-приютом; в 1903 г. — деревянный одноэтажный дом-трапезная; в 1905 г. — деревянный дом-корпус (келии) и хозяйственные постройки: деревянный амбар, дощатый сарай, саманная конюшня; в 1908 г. — еще один деревянный дом-корпус (келии), деревянный одноэтажный дом и дощатый сарай для священника; в 1910 г. — одноэтажный деревянный корпус, деревянный дом-гостиница и три сарая; в 1911 г. — деревянный дом-училище, деревянный дом-кухня для священника; в 1912 г. — деревянный одноэтажный дом-пекарня с печью. Каждый из них был снабжен голландскими печами для отопления [12, л. 2]. Как видно, Челбинское подворье-приют строилось на протяжении 10 лет. Несмотря на то что здания были деревянные, что говорит об ограниченных средствах обители, согласно свидетельствам, они отличались чистотой и уютом [10, л. 33–33 об.].

Штат монастыря формировался постепенно: в 1907 г. в Челбинское подворье-приют была направлена одна инокиня, в 1909 г. — две, в 1912 г. — одна, в 1915 г. — две. В 1917 г. там проживало 68 сестер [10, л. 33 об. – 34]: 2 монахини, 30 инокинь и 36 послушниц «на испытании» — девушки и женщины, которые имели право уйти из обители, в связи с чем их имена не были внесены в ежегодные клировые ведомости. Вероятно, в середине 1917 г. в Челбин из Старочеркасска была переведена монахиня Ермиония, назначенная на должность экономки [10, л. 34]. 23 девушки и женщины — основной поток иночествующих — были переведены из Ефремовского монастыря либо сразу поступили в Челбинский приют в 1917 г. [13, л. 1 об. – 70]. Это было обусловлено как событиями продолжающейся Первой мировой войны, так и начавшимися революционными трансформациями.

Представляет интерес сословный состав насельниц. Монахини до перечисления в духовное сословие относились к мещанскому и крестьянскому сословиям. Инокини (рясофорные послушницы): из семьи офицера происходила одна, из семей казаков разных станиц Области войска Донского — восемь, мещан Области войска Донского (Азов) — одна, донских крестьян — семь, крестьян других губерний (Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Сызранская, Таврическая и Самарская) — десять [13, л. 1 об. – 70]. Кроме девушек, пять инокинь были вдовами: две — казаков, три — крестьян [13, л. 1 об. – 70].

Показателен возраст насельниц-инокинь: от 50 до 60 лет — четыре, от 40 до 50 — десять, от 30 до 40 — тринадцать, от 20 до 30 лет — одна [13, л. 1 об. – 70]. То есть все сестры были среднего возраста, способные выполнять трудоемкие работы, связанные с обработкой земли и ведением хозяйства.

Инокини отличались тем, что до ухода в монастырь прошли обучение, скорее всего, в церковно-приходских школах или народных училищах. Среди них 19 инокинь были грамотными, 4 — малограмотными и только 3 — неграмотными. Характерно, что к категории малограмотных относились вдовы [13, л. 1 об. – 70].

Приведенные цифры весьма наглядны: если казачьи семьи отличались относительной стабильностью (учитывая, что среди инокинь казачьего происхождения — две вдовы), то женщины крестьянского происхождения оказались за пределами социализации, единственным путем, гарантировавшим им социальную стабильность, была жизнь в монастыре.

Деятельность насельниц Челбинского подворья-приюта была обусловлена монашеским образом жизни. Помимо участия в богослужениях и обеспечения повседневных потребностей, они несли послушание в огороде, занимавшем около 12 десятин земли, и в монастырских благотворительных учреждениях [9, л. 2]: одноклассной церковной школе для девочек [10, л. 34].

В 1914–1915 гг. сестры несли служение в лазарете, который располагался в монастырской школе [9, л. 4].

Внутренняя жизнь Челбинского подворья-приюта складывалась непросто. В 1917 г. обитель посетили с ревизией священники Донской епархии И. Емельянов и М. Прокопьев. Как показала ревизия, среди сестер не было мира: «взаимные отношения сестер не совсем нормальны. Правда, отношения заведующей к сестрам не вызывают жалоб, но плохо то, что она почти не вникает в жизнь младших сестер, и все находится в руках экономки Ермионии, которая, по показаниям сестер, груба, чрезмерно требовательна, ведет себя деспотически, часто несправедливо; некоторых притесняет и даже издевается над ними. Между собой сестры живут не особенно миролюбиво. Образовалось между ними две партии. Одна из тех, кто жил еще до передачи подворья монастырю, и сочувствующих им, а другая из присланных монастырем. Первая не прочь совершенно отделиться от монастыря и ведет себя иногда вызывающе... Обеты выполняются, видимо, не с той строгостью, как в монастыре» [10, л. 33 об. – 34]. Картина монашеских нестроений, зафиксированная ревизорами в отчете в Донскую духовную консисторию, с одной стороны, объяснима недостаточно длительным процессом формирования обители. С другой — она была характерна не только для Челбинского приюта, но и для многих других монастырей начала XX в.

Вторым малым женским монастырем Донской епархии был Николаевский Бекреневский женский общежительный монастырь. История этой обители началась с часовни, построенной хорунжим И. Стефановым и торговцем С. Абросимовым «в память избавления императора Александра II от покушения на его жизнь в Париже 25 мая 1867 г.» [7, с. 561]. С 9 мая 1867 г. к этой часовне было разрешено совершение ежегодного крестного хода из станицы Мариинской. В 1886 г. часовня с находящейся при ней землей отошла Донскому архиерейскому дому и стала называться подворьем. В 1889 г. часовня была преобразована в церковь во имя свт. Николая Чудотворца. В 1892 г. подворье по ходатайству епархиального начальства «обращено» в Бекреневский Свято-Николаевский общежительный мужской монастырь [7, с. 561].

Учитывая отдаленность от Новочеркасска и Донской духовной консистории, спустя 16 лет после учреждения монастыря для местного казачьего населения стала очевидна неблагоочестивая жизнь монахов. Дело о нестроениях в обители было начато в связи с рапортом благочинного Цымлянского благочиннического округа в Донскую духовную консисторию о плохом состоянии и нестроениях в Бекреневском монастыре [14, л. 2 об., 8].

Архиепископ Владимир (Сеньковский) на рапорт благочинного отреагировал незамедлительно. 5 сентября 1908 г. епархиальным советом епархии было предписано провести всестороннюю ревизию Бекреневского мужского монастыря [14, л. 2 об.]. Указ консистории духовному следователю Потемкинского благочиния священнику П. Ананьеву [14, л. 3] о проведении следствия направили 15 сентября 1908 г. [14, л. 4]. 13 октября 1908 г. дело о ревизии монастыря передали семиркакорскому благочинному священнику Петру Дубровскому [14, л. 10].

Следствие велось пять месяцев. Рапорт о состоянии Бекреневского Свято-Николаевского монастыря был предоставлен Донской духовной консистории 26 февраля 1909 г. [14, л. 13]. В результате ревизии выявлено, что монастырь обременен значительными долгами: 5883 р. 15 к. за постройку храма [14, л. 370], 786 р. 32 к. за содержание монастыря, 911 р. 58 к. за оплату работ по возведению храма [14, л. 371], 960 р. за топливо на год [14, л. 370 об.]. Духовное следствие выявило многочисленные нарушения насельников — нетрезвость и «ззорное отношение к женщинам» [14, л. 366]. В итоге указом Священного синода от 16 июня 1910 г. игумен Макарий был признан «виновным в неправильном ведении приходно-расходных книг, самоличном, без участия совета, распоряжении монастырскими деньгами, в пьянстве и неблагоповедении, в ззорных отношениях к женщинам, в слабости надзора за монашествующей братией монастыря и его насельниками и в несправедливых отзыхах о монашествующей братии и насельниках» [14, л. 366]. Решением Донского епархиального начальства от 26 мая — 1 июня 1910 г. игумен Макарий был уволен, запрещен в священнослужении и направлен на жительство в Кременской мужской монастырь под особо строгий контроль [14, л. 365 об.]. Монахи и послушники были разосланы по другим монастырям Российской империи под строгий надзор, а некоторые «обращены в первобытное состояние» [7, с. 562].

По ходатайству архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира (Сеньковского) решением Донского епархиального начальства Бекреневский монастырь в 1910 г. преобразовали в женский. Как сообщал А. Власов, «архипастырь благо рассудил, что на этом святом месте женская обитель процветет лучше, чем мужская; что монахини своею скромностью, богобоязненностью, трудолюбием ... благочестивой христианской неукоризненной жизнью будут благотворно влиять на окружающее население» [7, с. 562].

Бекреневский монастырь, как ранее и Челбинский женский приют, был передан в ведение игуменнии Старочеркасского Ефремовского монастыря Иннокентии «с тем, чтобы она населила его монахинями и послушницами своей обители и занялась его благоустройством» [7, с. 562].

Обитель начала новую жизнь далеко не сразу. Новые насельницы, избранные игуменией Иннокентией, прибыли в Бекреневский монастырь в начале 1911 г. Особое внимание уделили завершению строительства храма в монастыре, начатого и не оконченного монахами [7, с. 563]. Трехпрестольный храм был освящен 29 и 30 июня 1913 г. Это событие увенчалось тем, что император Николай II 21 марта 1913 г. пожаловал монастырской церкви богослужебные сосуды. Чин освящения совершил епископ Аксайский Гермоген, викарий Донской епархии [7, с. 563–564].

Завершение строительства храма и его освящение стали точкой отсчета жизни Бекреневского женского монастыря. Его заведующей с сентября 1913 г. была назначена монахиня Амфиана [15, л. 1 об. – 2], дочь купца Острогожского уезда Воронежской губернии Екатерина Васильевна Котляренко. Она получила домашнее образование и, избежав замужества, 11 декабря 1866 г. была определена в Старочеркасский Ефремовский монастырь. Пострижена в монашество 1 октября 1887 г. [15, л. 1 об. – 2].

На монахиню Амфиану, возведенную в сан игуменнии архиепископом Владимиром 18 мая 1914 г. [8, с. 709], возлагались большие надежды: «богатая умственными дарованиями и умудренная духовным опытом вновь возведенная игуменния ... она поведет врученную ей обитель твердой рукой по пути духовного процветания и совершенствования» [8, с. 709].

Штат монастыря начал формироваться в 1914 г. Насельницами стали шесть монахинь. Они все поступили в Ефремовский монастырь в 1882, 1887, 1889, 1893, 1902 гг., там же приняли постриг. Из них одна была вдовой крестьянина Донской области, одна — из семьи крестьян Воронежской губернии, одна — дочь мещанина г. Александровска-Грушевского, три — из семей казаков. Возраст монахинь: от 40 до 50 лет — две, от 50 до 60 — две, 60 — одна, 76 лет — одна. На последнюю было возложено послушание чтения Псалтири. Остальные монахини, перемещенные в Бекреневский монастырь, заняли руководящие позиции: благочинная, помощница благочинной, экономка, помощница экономки, ризничая, помощница ризничей [15, л. 2 об. – 4].

Восемь инокинь (рясофорных послушниц) до поступления в Ефремовский монастырь также принадлежали к разным сословиям: одна была вдовой казака, три — из семей казаков Войска Донского, одна — из семьи мещанина г. Александровска-Грушевского, три — из семей крестьян Донской области, Воронежской и Екатеринославской губерний [15, л. 4 об. – 7]. Инокини были помоложе: от 20 до 30 лет — одна, от 30 до 40 — две, от 40 до 50 — четыре, 70 лет — одна. Инокини выполняли послушания, связанные с богослужебной деятельностью: пономарей, клиросное, чтение Псалтири [15, л. 4 об. – 7].

Из Ефремовского монастыря в Бекреневский перевели двух штатных послушниц. Они поступили в Ефремовский монастырь в 1913 г. Им было 30 и 31 год, несли разные послушания [15, л. 7 об. – 8].

Также в Бекреневский монастырь были зачислены 58 «послушниц на испытании» [15, л. 7 об. – 20]: 29 дочерей казаков из разных станиц, преимущественно Первого Донского округа, в котором находился Бекреневский монастырь; 10 дочерей крестьян из Области войска Донского; 19 дочерей крестьян из других губерний Российской империи [15, л. 7 об. – 20]. Все послушницы были преимущественно молодого возраста: 4 шестнадцатилетних, 5 семнадцатилетних, 7 восемнадцатилетних и 6 девятнадцатилетних, т. е. 22 девушки от 16 до 20 лет. От 20 до 30 лет — 22 чел., от 30 до 40 — 8, от 40 до 50 — 5, от 50 до 60 лет — 1. Послушницы старше 60 лет не принимались. В числе послушниц были две вдовы казаков [15, л. 7 об. – 20].

Представляет интерес уровень грамотности девушек и женщин, принявших решение уйти в монастырь (послушницы): грамотных — 29 чел., причем большая часть из них — из семей крестьян. 26 чел. числились как малограмотные, большая часть из них — возрастные дочери казаков. Неграмотными были 3 послушницы [15, л. 7 об. — 20].

Как видно, Бекреневский женский монастырь, основанный на месте мужской обители, был своего рода отделением Старочеркасского Ефремовского женского монастыря. Несмотря на то что его официальным куратором была назначена игумения Иннокентия, обитель имела статус самостоятельной.

Третьим малым монастырем Области войска Донского, основанным в начале XX в., был штатный Параскевиево-Николаевский общежительный женский монастырь, находившийся в имении Отрадное Батыревых в Поповско-Иловайской волости Области войска Донского. Он представлял собой ктиторскую обитель, благотворителем которой выступал почетный гражданин Николай Иванович Батырев, иницировавший и профинансировавший строительство ряда донских храмов на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

Поводом для основания женской обители стала смерть его супруги — Параскевы Михайловны, которая завещала своему мужу до 40-го дня с момента ее кончины рядом с могилой построить временный храм и открыть женский монастырь [16, л. 2]. Для обеспечения обители она завещала свое имение Отрадное и 800 десятин земли [16, л. 2]. Завещание П.М. Батыревой было выполнено: рядом с ее могилой выстроили небольшой временный молитвенный дом [16, л. 1 — 1 об.], освященный 3 июня 1910 г. во имя прп. Параскевы Пятницы [16, л. 5]. После этого в храме ежедневные богослужения совершали иеромонахи Иоанно-Предтеченского монастыря Воронежской епархии [16, л. 6–6 об., 7 об., 11] и десять, а затем семь монахинь Казанского монастыря Воронежской епархии [16, л. 11 об.], которые проживали в усадьбе Батырева в небольшом корпусе [16, л. 63–63 об.]. Следуя воле покойной, Н.И. Батырев одновременно с возведением молитвенного дома начал постройку каменного храма и монастырских зданий [16, л. 2], строительство которых должно было завершиться к весне 1914 г. [16, л. 64 об., 66 об.].

29 сентября 1912 г. Святейший синод издал постановление об учреждении Параскевиево-Николаевского общежительного женского монастыря. Отдельно оговаривалось, что число насельниц будет зависеть от средств, которыми располагает обитель [16, л. 43–43 об.].

По сложившейся в Донской епархии традиции организация внутренней жизни обители была возложена на игумению Старочеркасского Ефремовского монастыря Иннокентию [16, л. 54]. После освидетельствования условий для жизни насельниц 14 июля 1914 г. временно заведующей Параскевиево-Николаевским монастырем была назначена монахиня Ефремовского монастыря Иоанна (Лейдева) [16, л. 68, 69]. Во время ее руководства обителью состоялось освящение нового трехпрестольного храма, которое совершил архиепископ Донской и Новочеркасский Владимир (Путята) [16, л. 70, 72]. 3 сентября 1914 г. в монастырь был назначен штатный священник Михаил Попов [16, л. 75]. В 1916 г. монастырь возглавила игумения Магдалина [16, л. 75, 77–78].

Источники не дают представления о численности, происхождении, образовании насельниц и внутренней жизни Параскевиево-Николаевского монастыря. Однако можно предположить, что число сестер было небольшим. А внутренняя жизнь строилась так же, как в Челбинском подворье-приюте и Бекреневском монастыре: уклад соответствовал уставу общежительных монастырей Православной российской церкви начала XX в., насельницы подчинялись игумении, которая определяла послушания, контролировала их исполнение и образ жизни. Вероятнее всего, численность сестер могла увеличиться в период Первой мировой войны, события которой обусловили неизбежное появление вдов, девочек и девушек-сирот, оставшихся без попечения родителей, а часто и без средств к существованию. Таким образом, преимущественным направлением деятельности малых обителей Области войска Донского стала социализация женского населения.

Малые женские монастыри в повседневности социума Области войска Донского имели большое значение. Они стали всесословными организациями Православной российской церкви, которые, гарантируя стабильный образ жизни насельниц (монахини, инокини и штатные послушницы), обеспечивали вдовам, незамужним девушкам и девочкам-сиротам кров, одежду и

пропитание в обмен на труды на благо монастырей, которые в первую очередь были связаны с сельским хозяйством. Учитывая политические трансформации начала XX в., многие послушницы принимали иночество и монашество. Девочки, прошедшие курс обучения в монастырской школе, имели возможность продолжать жизнь в миру.

Итак, основание и деятельность малых женских монастырей Донского региона начала XX в. были обусловлены разными причинами: самостоятельной организацией вдов и незамужних девушек с целью попечения о вдовах и сиротах; созданием по инициативе епархиального архиерея женского монастыря вместо мужского для реабилитации в глазах местного населения монашества как института Православной российской церкви; учреждением ктиторской обители ради сохранения памяти о покойной жертвователнице, на средства которой не только построили храм и монастырские помещения, но и оплачивали повседневные потребности насельниц. Значимой особенностью жизни обителей являлась деятельность, направленная на социализацию женского населения региона, оказавшегося в тяжелой ситуации: вдов, девушек, не вышедших замуж, и девочек-сирот.

Список источников

1. Никольский П.В. Монашество на Дону // Воронежская старина. Воронеж: Н. Кравцов и К, 1907. Вып. 6. С. 43–161.
2. Никольский П.В. Положение монастырей Воронежской епархии при святителе Митрофане // Воронежская старина. Воронеж: Типолит. В.И. Исаева, 1903. Вып. 2. С. 170–210.
3. Кириллов А.А. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь Донской епархии : исторический очерк монастыря с предварительными сведениями о Старочеркасске и роде Ефремовых. Новочеркасск: Донская тип., 1897. 201 с.
4. Левитский Г., прот. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь // Славный град Черкасск. Собр. соч. протоиерея Григория Левитского. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. 240 с.
5. Кирсанов Е.И. Православный тихий Дон. М.: Держава, 1997. 375 с.
6. Римский С.В. Бекреневский во имя святителя Николая мужской монастырь // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2002. Т. IV. С. 465–466.
7. Власов А., прот. Предстоящее торжество в Бекреневском монастыре // Донские епархиальные ведомости. 1913. № 18. С. 561–564.
8. Н. Светлое торжество в Бекреневском женском монастыре // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 16. С. 707–709.
9. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области. Д. П-51527. Т. I.
10. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 226. Оп. 22. Д. 15.
11. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11747.
12. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 8002.
13. ГАРО. Ф. 226. Оп. 5. Д. 499.
14. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11543.
15. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 12076.
16. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11706.

References

1. Nikolsky P.V. Monasticism on the Don. *Voronezh antiquities*. Voronezh: Kravtsov and Co; 1907;(6):43-161. (In Russ.).
2. Nikolsky P.V. The position of monasteries of the Voronezh Diocese under St. Mitrofan. *Voronezh antiquities*. Voronezh: Isaev Typo-lithography; 1903;(2):170-210. (In Russ.).
3. Kirillov A.A. *Starocherkassk Efremovsky Women's Monastery of the Don Diocese: a historical essay of the monastery with preliminary information about Starocherkassk and the Efremov family*. Novocherkassk: Don Printing House; 1897. 201 p. (In Russ.).
4. Levitsky G., Archpriest. *Starocherkassk Efremovsky Women's Monastery. Glorious city Cherkassk. Collected works of Archpriest Grigory Levitsky*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; 2024. 240 p. (In Russ.).
5. Kirsanov E.I. *Orthodox quiet Don*. Moscow: Power; 1997. 375 p. (In Russ.).
6. Rimsky S.V. Bekrenevsky Men's Monastery in the Name of St. Nicholas. *Orthodox encyclopedia*. Moscow: Orthodox Encyclopedia; 2002;4:465-466. (In Russ.).
7. Vlasov A., Archpriest. The upcoming celebration at the Bekrenevsky Monastery. *Don Diocesan Gazette*. 1913;(18):561-564. (In Russ.).

8. N. The bright celebration at the Bekrenevsky Women's Monastery. *Don Diocesan Gazette*. 1914;(16):707-709. (In Russ.).

9. *Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation for Rostov Region*. File P-51527. Vol. 1. (In Russ.).

10. *State Archive of Rostov Region* (hereinafter - SARR). Fund 226. In. 22. File 15. (In Russ.).

11. SARR. Fund 226. In. 3. File 11747. (In Russ.).

12. SARR. Fund 226. In. 3. File 8002. (In Russ.).

13. SARR. Fund 226. In. 5. File 499. (In Russ.).

14. SARR. Fund 226. In. 3. File 11543. (In Russ.).

15. SARR. Fund 226. In. 3. File 12076. (In Russ.).

16. SARR. Fund 226. In. 3. File 11706. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Шадрина — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЮИЦ РАН.

Information about the author

A.V. Shadrina — Doctor of Science (History), Chief Researcher, SSC RAS.

Статья поступила в редакцию 06.07.2026; одобрена после рецензирования 13.07.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 06.07.2026; approved after reviewing 13.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-125-129>

«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» — ПАРТИЯ АНТИФЕМИНИСТОВ?

Вячеслав Юрьевич Щербаков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

vysherbakov@sfedu.ru

Аннотация. Для политической системы Федеративной Республики Германии типичным является выделение «чужих», с которыми нельзя иметь дело. На разных этапах послевоенной истории в таком статусе в политике находились партии и организации самых разных направлений, которым ставилось в вину несоответствие тем или иным признакам демократического общества в понимании его традиционными структурами. Одним из признаков, согласно которому партия «Альтернатива для Германии» считается недемократичной, выступает обвинение в антифеминизме. Не вызывает сомнений, что отчасти эти обвинения справедливы, однако в угоду политической конъюнктуре они в значительной степени гипертрофированы традиционными партиями и средствами массовой информации, уверенными в собственной демократичности и непогрешимости. Любые попытки снять обвинения или найти приемлемые точки соприкосновения пресекаются в стремлении ослабить позиции набирающего влияние политического оппонента.

Ключевые слова: феминизм, традиционные партии, правый экстремизм, мизогиния, выборы в бундестаг, женщины в политике, «партия одного требования», «народная партия»

Для цитирования: Щербаков В.Ю. «Альтернатива для Германии» — партия антифеминистов? // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 125–129. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-125-129>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

“ALTERNATIVE FOR GERMANY” - THE PARTY OF ANTI-FEMINISTS?

Viacheslav Yu. Shcherbakov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

vysherbakov@sfedu.ru

Abstract. For the political system of the Federal Republic of Germany, a typical feature is the identification of “others” with whom one cannot deal. At various stages of post-war history, parties and organizations of the most diverse orientations found themselves in the status of the political “others”, accused of failing to conform to one or another attribute of a democratic society as understood by its traditional structures. One of the attributes according to which the party “Alternative for Germany” is considered undemocratic is the accusation of anti-feminism. There is no doubt that these accusations are partly justified; however, to suit political expediency, they are largely exaggerated by traditional parties and the media, confident in their own democracy and infallibility. Any attempts to drop the accusations or find acceptable points of contact are suppressed in the desire to weaken the position of an increasingly influential political opponent.

Keywords: feminism, traditional parties, right-wing extremism, misogyny, Bundestag elections, women in politics, “One Demand Party”, “People’s Party”

For citation: Shcherbakov V.Yu. “Alternative For Germany” - the Party of Anti-Feminists? *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):125-129. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-125-129>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

На федеральных выборах в сентябре 2013 г. созданная за несколько месяцев до этого партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) набрала 4,7 % голосов и не прошла в бундестаг [1]. Для многих молодых политических организаций, рассчитывавших на успех, первая серьёзная неудача ведёт либо к исчезновению, либо к упадку и, возможно, длительному, но бесперспективному существованию. Так случилось с быстро набиравшей силу в 1960-х гг. Национал-демократической партией Германии (НДПГ), которой в 1969 г. не хватило до прорыва в большую политику 0,7 % голосов. После этого поражения НДПГ так и не сумела оправиться, иногда, впрочем, добиваясь незначительных успехов на земельных или муниципальных выборах.

Другим путём пошли «Зелёные». Проиграв в 1980 г., партия переформировалась, отбросила лишнее, сконцентрировавшись на эколого-пацифистских проблемах и защите меньшинств — от женщин до мигрантов. Уже на следующих выборах 1982 г. «Зелёные» вошли в бундестаг. Представители традиционных партий считали их «чужаками в политике», но к концу 1990-х гг. бывшие изгои стали неотъемлемой частью политической жизни Федеративной Республики Германии.

АдГ также сумела перестроиться, отказавшись от имиджа «партии одного требования» и сменив лидеров на более харизматичных и быстрее адаптирующихся к запросам электората. К федеральным выборам 2025 г. партия превратилась в народную, фактически отобрав это почётное звание у социал-демократов. АдГ заняла твёрдое второе место, собрав 20,8 % голосов — в два раза больше, чем в 2021 г. [2]. Однако, в отличие от «Зелёных» и даже левых, «альтернативным» так и не удалось стать своими в политической системе Германии. Ни одна из партий, представленных в бундестаге или ландтагах, не желает сотрудничать с АдГ ни в одной из сфер политической деятельности. И это несмотря на постоянный уверенный рост популярности «альтернативных». По данным опросов населения, в случае проведения федеральных выборов 30.05.2026 27,4 % респондентов отдали бы голоса за правых популистов [3].

В бундестаге время от времени пытаются провести запрет АдГ. Основными инициаторами этих действий выступают «Зелёные» и представители Социал-демократической партии Германии, однако сторонники запрета имеются и среди других партий, представленных в немецком парламенте. Главная причина неприязни традиционных партий — альтернативная позиция АдГ по ряду принципиальных направлений внутренней и внешней политики. Это и собственное видение перспектив эволюции энергетики, и чёткое определение миграционной политики, и непризнание нетрадиционной семьи, и отношение к России и войне на Украине. Для традиционных партий АдГ — это даже не правые популисты. Чаще всего политические противники и немецкие СМИ называют АдГ правыми радикалами или даже правыми экстремистами, обвиняя в ненависти к мигрантам, расизме, сексизме, гомофобии и антисемитизме. Для Центрального совета евреев Германии, называющего АдГ «угрозой жизни для евреев» [4], критика «альтернативных» превратилась в неотъемлемую часть деятельности.

Одним из наиболее частых обвинений АдГ со стороны политических сил, считающих себя демократическими, является антифеминизм. Это достаточно ёмкое понятие, появившееся в начале XX в. на фоне роста противодействия политической активности многочисленных групп борцов за права женщин. Антифеминизм понимается как неприятие феминистских требований и достижений, связанных с равенством. Поэтому многие антифеминисты преследуют целью восстановление гендерных отношений идеализированного прошлого [5]. По мнению феминистки настроенных политиков, антифеминизм выходит за рамки простой мизогинии, поскольку антифеминисты враждебно настроены ко всем людям (включая мужчин), которые выступают за эмансипированное общество или своим образом жизни или целями противоречат узким рамкам антифеминистского мировоззрения [5].

Антифеминизм имеет давнюю традицию в Германии. Сам термин был введён в общественно-политический дискурс активисткой феминистского движения, немецкой писательницей еврейского происхождения Х. Доум. По мнению современной радикальной феминистки Р. Блум, «антифеминизм почти всегда возникает в сочетании с антисемитизмом и расизмом» [6]. Кроме того, он считается центральной стратегией правых популистов и экстремистов, пользующихся тем, что антифеминизм менее признан и оценен как человеконенавистнический по сравнению с расизмом или антисемитизмом [7].

Многочисленные феминистские организации и профеминистские партии Германии практически не обращали внимания на АдГ до тех пор, пока в 2014 г. она не прошла в Европейский парламент и парламенты нескольких восточных земель. До этого основным объектом их нападок были преимущественно откровенно правоэкстремистские организации, такие как НДПГ, Немецкий народный союз. Впрочем, критике часто подвергалась и антифеминистская, по мнению радикальных феминисток, политика партий, например Христианско-социального союза, ставящих на значимые должности политиков, по-видимому, считающих женщин глупыми или ленивыми, а «такое отношение к женщинам оскорбительно» [8].

В сентябре 2014 г. в феминистском журнале «Эмма» появилась статья, в которой отмечалось что АдГ «вызывает значительно больший энтузиазм среди мужчин, чем среди женщин». При этом подвергались критике не только мужчины, но и женщины, выдвинутые «альтернативными» на ведущие позиции в списках на выборы — «христианская фундаменталистка» Беатрикс фон Шторх и «мать троих детей, замужем за пастором, продвигающая семью с тремя детьми как идеальную модель и стремящаяся еще больше ужесточить законы об абортах, Фрауке Пек». Особый упор авторы делали на то, что «по сравнению с другими европейскими партиями АдГ — единственная правопопулистская партия, открыто поддерживающая антифеминизм». Напротив, «Герт Вилдерс в Нидерландах и Марин Ле Пен во Франции, по-видимому, поняли, что подобные лозунги больше не находят отклика у женщин-избирателей в XXI веке» [9].

В политической жизни современной Германии феминизм занимает доминирующие позиции и малейшие подозрения в антифеминизме могут негативно отозваться на имидже как отдельных политиков, так и партий. Показательно, что если в предвыборной программе 2025 г. АдГ слово «женщина» встречается 9 раз, то в соответствующем документе одной из наиболее феминистски настроенных партий Германии — «Союз 90», «Зелёные» — 33 раза, и даже имеется особый раздел «За права женщин». В программе «Зелёных» 2025 г. все слова, имеющие двойной смысл — граждане, пенсионеры, солдаты и т. д., в отличие от программы «альтернативных» [10], пишутся исключительно как солдат(ка), пенсионер(ка) и т. д. [11].

К числу наиболее распространённых обвинений относятся разного рода нападки представителей АдГ на участников феминистских акций. Аналогичные случаи с другой стороны принципиально не рассматриваются, поскольку, по мнению феминисток, «чтобы защитить толерантность и свободу выражения мнений ... иногда приходится проявлять нетерпимость, и свобода выражения мнений должна быть ограничена, если она угрожает всему обществу» [7]. На попытки АдГ найти точки соприкосновения радикальные феминистки не обращают внимания. Так, совершенно игнорируется факт ежегодного поздравления правыми популистами женщин с 8 Марта [12], что характерно больше для левых и «Зелёных».

Средства массовой информации Германии обвиняют АдГ в антифеминизме даже в тех случаях, когда, казалось бы, правые популисты выступают в пользу женщин. «Международные договоры должны включать больше прав для женщин и девочек, раздевалки и туалеты для женщин должны быть лучше защищены, а градостроители должны действовать более справедливо, с сочувствием и инклюзивно. Кто этого требует? „Зелёные“? Социал-демократы? Левая партия?». Нет, отвечают СМИ, — это АдГ, и обвиняют «альтернативных» в мимикрии, призывая смотреть не на предвыборные программы, а узнавать о позициях альтернативных политиков, например в социальных сетях, приводя, разумеется, наиболее «вызывающие», в частности цитируя М. Кра, который заявлял, что «существует только два пола», а «современный феминизм — это рак» [13]. Противники АдГ отмечают, что она называет себя «семейной партией», но под семьей она неизменно подразумевает гетеросексуальные, белые, женатые пары, в идеале имеющие несколько детей, и выступает против сексуального, гендерного и семейного многообразия. Следовательно, АдГ следует понимать как антифеминистскую и антигендерную партию [5].

Феминистки уверены, что антифеминизм АдГ проявляется буквально на всех уровнях и провоцирует нарастание соответствующих настроений в обществе. По мнению феминистки настроенных представительниц традиционных партий, после вхождения АдГ в 2017 г. в бундестаг отношение к женщинам в парламенте изменилось в худшую сторону: женщины-политики из других партий подвергаются «ужасным оскорблениям» не только из-за своих политических

взглядов, но и из-за своей внешности и одежды. Так, Н. Варкен из Христианско-демократического союза утверждает, что поскольку её кресло расположено близко к местам представителей АдГ, она слышит гораздо больше комментариев, чем попадает в официальный протокол: «Это снисходительные, унижительные замечания в адрес женщин» [14]. На запрос фракции АдГ в бундестаге по поводу обвинений в антифеминизме последовал ответ федерального правительства, в котором подчёркивалось, что обесценивание людей по признаку пола часто отражается в экстремистских взглядах, особенно в правом экстремизме, а также обращалось внимание на «сильную связь между антифеминизмом и правым экстремизмом» [15].

Говоря о женщинах, занимающих ведущие посты в праворадикальных партиях, психолог и психотерапевт М. Латнер, борющаяся за «освобождение женщин от ролевых установок» [16], делает вывод, что зачастую допуск к власти — это «политическая уловка», а соответствующие женщины-политики «всё чаще перенимают мужские насильственные принципы власти и научились получать власть и злоупотреблять ею» [17].

Сторонники феминизма, по сути, навязывают обществу свою идеологию, считая её истинно верной и отказывая политическим противникам в праве на собственное мнение. Наряду с зелёной энергетикой, защитой привилегий разнообразных меньшинств, признанием множественности политики Willkommenskultur¹, феминизм в современной Германии считается неотъемлемым признаком демократического общества. Любые попытки выразить несогласие с этой позицией, включая заявление о равноправии мужчин и женщин, являются маркером, определяющим понятие «свой — чужой». Для политической организации, признанной чужой, обвинения в антифеминизме включаются в список традиционных обвинений и ставят её в положение изгоя. Наиболее яркий пример подобного рода — АдГ.

Список источников

1. Endgültiges amtliches Ergebnis der Bundestagswahl 2013. URL: <https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2013/2013-10-09-endgueltiges-amtliches-ergebnis-der-bundestagswahl-2013.htm> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Bundestagswahl 2025: Endgültiges Ergebnis. URL: https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/29_25_endgueltiges-ergebnis.html (дата обращения: 22.02.2026).
3. Neueste Wahlumfragen im Wahlrend zur Bundestagswahl. URL: <https://dawum.de/Bundestag/> (дата обращения: 22.02.2026).
4. Wehe den Juden. URL: <https://www.juedische-allgemeine.de/politik/wehe-den-juden/> (дата обращения: 27.01.2026).
5. Geschlechterrolle rückwärts. Zum Antifeminismus bei der AfD in Baden-Württemberg. URL: <https://www.boell-bw.de/de/2020/11/11/geschlechter-rolle-rueckwaerts-zum-antifeminismus-bei-der-afd-baden-wuerttemberg> (дата обращения: 12.02.2026).
6. Blum R. Historische Kontinuitäten und Brüche im deutschen Antifeminismus. URL: <https://www.gender-blog.de/beitrag/antifeminismus-deutschland-kontinuitaeten-brueche> (дата обращения: 22.02.2026).
7. Antifeminismus und rechte Akteur*Innen. URL: <https://www.evangelischefrauen.de/nachrichten/antifeminismus-und-rechte-akteurinnen/> (дата обращения: 22.02.2026).
8. Riese D. Argumente wie vor 40 Jahren. URL: <https://taz.de/Kommentar-Antifeminismus-der-CDU/!5484713/> (дата обращения: 22.02.2026).
9. Die AfD und der Antifeminismus. URL: <https://www.emma.de/artikel/wahlen-die-afd-und-der-antifeminismus-317737> (дата обращения: 02.02.2026).
10. Zeit für Deutschland. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
11. Zusammen wachsen. Regierungsprogramm 2025. URL: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20250318_Regierungsprogramm_DIGITAL_DINA5.pdf (дата обращения: 17.06.2026).
12. Zum Weltfrauentag. URL: <https://alternative-rlp.de/zum-weltfrauentag/> (дата обращения: 02.06.2026).
13. Der Fake-Feminismus der AfD. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/kommentar-afd-fake-feminismus-deutsche-frauen-100.html> (дата обращения: 04.02.2026).
14. Unterirdische Kommentare - Frauen gezielt im AfD-Visier? URL: <https://www.dw.com/de/afd-bundestag-beleidigungen-frauen-frauenfeindlichkeit-nina-warken-cdu-claudia-roth-julia-kloeckner/a-75002022> (дата обращения: 22.02.2026).

¹ Willkommenskultur — культура «добро пожаловать».

15. Zusammenhänge zwischen Antifeminismus und Rechtsextremismus. URL: <https://www.bundestag.de/presse/hib/kurzmeldungen-988946> (дата обращения: 02.06.2026).

16. Lackner M. Über mich. URL: <https://martinalackner.com/ueber-mich/> (дата обращения: 04.06.2026).

17. Lackner M. Parteiprogramm unter der Lupe (Teil 1) - wie sich die AfD das Thema Feminismus zurechtlegt. URL: https://www.focus.de/experts/schwerpunkt-feminismus-afd-partieprogramm-unter-der-lupe-ausgediente-konzepte-versus-aufgeklarte-moderne_id_260165559.html (дата обращения: 02.06.2026).

References

1. *Final official result of the 2013 federal election*. Available from: <https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2013/2013-10-09-endgueltiges-amtliches-ergebnis-der-bundestagswahl-2013.htm> [Accessed 20th February 2026]. (In German).

2. *2025 federal election: final result*. Available from: https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/29_25_endgueltiges-ergebnis.html [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

3. *Latest election polls and trends for the federal election*. Available from: <https://dawum.de/Bundestag/> [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

4. *Woe to the Jews*. Available from: <https://www.juedische-allgemeine.de/politik/wehe-den-juden/> [Accessed 27th January 2026]. (In German).

5. *Gender roles in reverse: On the AfD's antifeminism in Baden-Württemberg*. Available from: <https://www.boell-bw.de/de/2020/11/11/geschlechter-rolle-rueckwaerts-zum-antifeminismus-bei-der-afd-baden-wuerttemberg> [Accessed 12th February 2026]. (In German).

6. Blum R. *Historical continuities and ruptures in German antifeminism*. Available from: <https://www.gender-blog.de/beitrag/antifeminismus-deutschland-kontinuitaeten-brueche> [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

7. *Antifeminism and right-wing actors*. Available from: <https://www.evangelischefrauen.de/nachrichten/antifeminismus-und-rechte-akteurinnen/> [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

8. Riese D. *Arguments like those from 40 years ago*. Available from: <https://taz.de/Kommentar-Antifeminismus-der-CDU/!5484713/> [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

9. *The AfD and Antifeminism*. Available from: <https://www.emma.de/artikel/wahlen-die-afd-und-der-antifeminismus-317737> [Accessed 2nd February 2026]. (In German).

10. *Time for Germany. Program of the Alternative for Germany for the election to the 20th German Bundestag*. Available from: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm_2025_web.pdf [Accessed 19th February 2026]. (In German).

11. *Growing together. Government Programme 2025*. Available from: https://cms.gruene.de/uploads/assets/20250318_Regierungsprogramm_DIGITAL_DINA5.pdf [Accessed 17th June 2026]. (In German).

12. *For International Women's Day*. Available from: <https://alternative-rlp.de/zum-weltfrauentag/> [Accessed 2nd June 2026]. (In German).

13. *The AfD's fake feminism*. Available from: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/kommentar-afd-fake-feminismus-deutsche-frauen-100.html> [Accessed 4th February 2026]. (In German).

14. *Vile comments - Women specifically targeted by the AfD?* Available from: <https://www.dw.com/de/afd-bundestag-beleidigungen-frauen-frauenfeindlichkeit-nina-warken-cdu-claudia-roth-julia-kloeckner/a-75002022> [Accessed 22nd February 2026]. (In German).

15. *Connections between antifeminism and right-wing extremism*. Available from: <https://www.bundestag.de/presse/hib/kurzmeldungen-988946> [Accessed 2nd June 2026]. (In German).

16. Lackner M. *About Me*. Available from: <https://martinalackner.com/ueber-mich/> [Accessed 4th June 2026]. (In German).

17. Lackner M. *Party Platform under the microscope (Part 1) – How the AfD frames the issue of feminism*. Available from: https://www.focus.de/experts/schwerpunkt-feminismus-afd-partieprogramm-unter-der-lupe-ausgediente-konzepte-versus-aufgeklarte-moderne_id_260165559.html [Accessed 2nd June 2026]. (In German).

Информация об авторе

В.Ю. Щербakov — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the author

V.Yu. Shcherbakov — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Institute of History and International Relations, SFedU.

Статья поступила в редакцию 09.06.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 09.06.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 17.07.2026.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LAW AND LEGISLATION

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-130-135>

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ирина Ивановна Короленко ^{1✉}, Анна Борисовна Малявина ², Ольга Васильевна Толопченко ³

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

² Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

¹ korolenko.irina.2013@mail.ru ✉

² vicktoria22@mail.ru

³ tolopchenko.olga@yandex.ru

Аннотация. Современная военная преступность в условиях широкомасштабной вооружённой конфронтации формируется под воздействием сложного комплекса социально-психологических, организационных, правовых и демографических факторов, проявляющихся значительно интенсивнее, чем в периоды мирного развития гражданских институтов. Специальная военная операция стала катализатором глубокой трансформации криминогенного пространства, поскольку вооружённый конфликт неизбежно порождает особые условия, влияющие на поведение лиц, проходящих военную службу. Назначение наказания по делам военной категории в подобном контексте всё чаще связывается с необходимостью учитывать не формальные признаки состава, а степень обусловленности поведения субъекта экстремальными факторами. Меры ответственности требуют анализа вопросов, выходящих далеко за пределы традиционного уголовно-правового инструментария: характера боевой задачи, уровня тактической неопределённости, плотности огня и степени дезорганизации подразделения.

Ключевые слова: военный служащий, боевые действия, специальная военная операция, преступность, суд, уголовная ответственность

Для цитирования: Короленко И.И., Малявина А.Б., Толопченко О.В. Современные проблемы оценки воинских преступлений в особых условиях боевых действий // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 130–135. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-130-135>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MODERN PROBLEMS OF ASSESSING MILITARY CRIMES IN SPECIAL CONDITIONS OF COMBAT OPERATIONS

Irina I. Korolenko ^{1✉}, Anna B. Malyavina ², Olga V. Tolopchenko ³

¹ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

² Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

¹ korolenko.irina.2013@mail.ru ✉

² vicktoria22@mail.ru

³ tolopchenko.olga@yandex.ru

Abstract. Modern military criminality under conditions of large-scale armed confrontation is formed under the influence of a complex set of socio-psychological, organizational, legal, and demographic factors that manifest themselves much more intensively than during periods of peaceful development of civil institutions. The special military operation has become a catalyst for a deep transformation of the criminogenic space, since armed conflict inevitably generates special conditions that affect the behavior of persons performing military service. The imposition of punishment in cases of the military category in such a context is increasingly associated with the need to take into account not the formal elements of the offense, but the degree to which the subject's behavior is conditioned by extreme factors. The measures of responsibility imposed require analysis of issues that go far beyond the traditional criminal law toolkit: the nature of the combat task, the level of tactical uncertainty, the density of fire, and the degree of disorganization of the unit.

Keywords: serviceman, combat operations, special military operation, criminality, court, criminal liability

For citation: Korolenko I.I., Malyavina A.B., Tolopchenko O.V. Modern Problems of Assessing Military Crimes in Special Conditions of Combat Operations. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):130-135. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-130-135>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Преступность военнослужащих в условиях специальной военной операции представляет собой сложный социально-психологический феномен, формируемый под влиянием интенсивной боевой нагрузки, разрушения привычных социальных структур, нарушения механизмов правового контроля, психологических последствий участия в военных действиях и организационных просчётов военного управления. Ключевую роль играют не отдельные факторы, а их взаимодействие, создающее устойчивую криминогенную среду, требующую системных мер профилактики, включая психологическую поддержку, совершенствование дисциплинарного механизма, повышение качества командования и создание полноценной инфраструктуры реабилитации участников вооружённого конфликта.

Современная военная обстановка создает уникальную правовую среду, в которой квалификация деяний военнослужащих приобретает качественно иное содержание. Боевая среда постепенно превращается в самостоятельный юридический феномен, внутри которого объективная сторона деяния не может рассматриваться вне контекста разрушенных коммуникаций, постоянного огневого воздействия, колоссального психофизиологического давления и изменённой структуры межличностных взаимодействий.

Результаты исследования

Статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации показывает, что за период с 2020 по 2024 г. структура воинской преступности перестраивается не точечно, а в целом. Данный сдвиг уже нельзя объяснить единичными всплесками.

Численность осуждённых военнослужащих выросла с 3 248 до 13 674 лиц, т. е. более чем в четыре раза, а суммарный прирост превысил 300 %, что выглядит как маркер глубокой трансформации дисциплинарной и криминогенной среды в войсках. В подобных ситуациях статистика работает как индикатор накопленных организационных напряжений.

Отдельно привлекает внимание рост тяжких насильственных преступлений, поскольку он меняет привычное представление о главных рисках внутри воинских коллективов.

Количество осуждённых по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) увеличилось с 12 до 134 лиц, по ст. 111 — с 48 до 187, по ст. 112 — с 29 до 66, по ст. 131 —

с 15 до 36, по ст. 134 УК РФ — с 17 до 35 [URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1886554/>]. Такая картина нередко воспринимается как признак усложнения межличностных конфликтов в подразделениях, которые находятся под экстремальным воздействием, где повышается эмоциональная напряжённость, ухудшается предсказуемость взаимодействий и возрастает цена ошибок в управлении людьми, что связывают с деформацией повседневных моделей общения и контроля.

Параллельно устойчиво растёт массив дел по ст. 337 УК РФ. Здесь фиксируется скачок с 115 эпизодов до 1232 [URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1886554/>], формирующий отдельную линию в общей динамике, потому что отражает изменение служебного поведения, а не только рост конфликтности. На практике это вызвано нарушением связи, потерей ориентиров, изменением маршрутов движения и иными объективными факторами. При таком фоне становится заметнее потребность в более точной профилактике и единообразной оценке обстоятельств, иначе статистический рост будет лишь фиксироваться постфактум, не превращаясь в управляемый правовой результат.

Суды, столкнувшиеся с подобными случаями, вынуждены проводить глубокий анализ оперативной обстановки, сопоставляя интенсивность огневого воздействия, характер манёвра подразделений, состояние военнослужащего и возможность сохранения боеспособности группы. Рассмотрение конкретных судебных дел позволяет проследить, как окружающая боевая действительность изменяет практику квалификации.

Решение, вынесенное Восточным окружным военным судом по делу № 1-16/2023, иллюстрирует ситуацию, когда военнослужащий покинул позицию после массированного артиллерийского удара. Суд исследовал данные беспилотной съёмки, подтверждающие разрушение ориентиров и невозможность восстановления связи. В результате квалификация была изменена на ст. 337 УК РФ, поскольку выявленная картина боевой обстановки свидетельствовала, что поведение лица определялось стремлением сохранить жизнь, а не внутренней направленностью на прекращение службы.

В другом деле — № 1-58/2023 — Севастопольский гарнизонный военный суд установил, что военнослужащий не выполнил приказ удерживать позицию ввиду огневого воздействия, при котором нахождение на исходной линии приводило к неминуемой гибели. Суд исследовал параметры обстрела, оценил технические характеристики поражающих средств противника и признал, что объективные условия исключали возможность реализации распоряжения командира. Квалификация строилась на понимании того, что при определённой интенсивности вооружённого воздействия сохранение жизни личного состава становится необходимым элементом служебного поведения [URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NjxP0cao3LUY/>].

Проблемы возникают и в делах об уничтожении техники. В решении Южного окружного военного суда по делу № 1-212/2022 экипаж бронетранспортёра повредил машину и уничтожил её во избежание захвата. Первоначально следствие рассматривало действия через призму нарушения правил обращения с имуществом, однако суд установил, что эвакуация была невозможна, а сохранение техники создавало угрозу использования её противником. Вывод суда подтвердил существование особой формы военной необходимости, недостаточно закреплённой в действующем уголовном законе.

Сопоставление доктринальных подходов позволяет заключить, что в центре квалификационных затруднений по делам о воинских преступлениях стоит не столько дефицит норм, сколько нехватка нормативно закреплённого понятийного аппарата, который давал бы возможность учитывать реальную военную обстановку.

В правоприменении постоянно всплывают категории «боевая обстановка», «военная необходимость», «опасность потери боеспособности подразделения», «непреодолимый риск поражения», однако они живут главным образом в научных текстах и судебных рассуждениях, а на уровне закона остаются без точных контуров. Отсюда возникает предсказуемая проблема: один суд наполняет эти понятия фактическим содержанием через показания и обстановочные данные, другой суд делает акцент на формальных признаках состава — и итоговые квалификации начинают расходиться даже при сходном наборе обстоятельств.

Нормативная неопределённость тянет за собой ещё один эффект — суды вынуждены оперировать конструкциями, которые сформированы практикой и доктриной, а не закреплены законодателем. В ряде случаев наблюдается, что подобная автономия правоприменителя повышает прикладную гибкость, но одновременно снижает прогнозируемость решений, поскольку единый стандарт понимания ключевых терминов не задан. В результате возникает риск фрагментарности подходов, когда единообразие достигается совпадением профессиональных привычек конкретного состава суда или следственной группы, и это слишком хрупкая опора для уголовного права.

Традиционная уголовно-правовая теория рассчитана на относительно стабильную социальную среду, где у субъекта есть время на оценку ситуации, доступна связь, сохраняются материальные следы, а причинно-следственные связи легче реконструировать. В условиях боевой военной операции оперативная обстановка меняется непрерывно, линия соприкосновения подвижна, вероятность потерь высока, инфраструктура разрушается, связь пропадает или работает с перебоями, а решение нередко принимается в короткий интервал времени и под давлением угрозы. То есть военнослужащий действует, ориентируясь на выживание и стремление сохранить жизнь сослуживцев, что напрямую влияет на оценку вины, мотивов и допустимого риска.

Поэтому механическое применение мирных критериев оценки поведения выглядит методологически слабым. Более реалистичной представляется многоуровневая модель квалификации, в которой военный контекст учитывается как юридически значимый параметр, влияющий на установление фактических обстоятельств, интерпретацию объективной стороны и анализ субъективной стороны. Здесь требуется более точная настройка правовых фильтров. С одной стороны, нельзя допустить размывания состава ссылками на обстановку. С другой — игнорирование боевых факторов превращает оценку в формальность и подталкивает суд к поиску компенсаторных аргументов уже в мотивировке, что делает правовой результат менее устойчивым.

Д.А. Осяева, Е.С. Галат подчеркивают, что историческая эволюция военного законодательства демонстрировала стремление учитывать специфику поведения военнослужащих в боевых условиях, и в периоды интенсивных вооружённых противоборств нормативные акты включали нормы, ориентированные на оценку поступков с учётом военной необходимости, состояния боевой обстановки и характера угрозы, воздействующей на личный состав [1]. На этом фоне современная редакция уголовного закона выглядит более нейтральной к боевому контексту, и именно здесь возникает пробел при квалификации действий военнослужащих в период специальной операции.

В подобных условиях напрашивается вывод о необходимости нормативных дефиниций, ориентированных на военную специфику, причём они могли бы появиться либо в общей части, либо в примечаниях к главе о преступлениях против военной службы, либо в виде разъяснений высшей судебной инстанции, которые зададут единый стандарт для правоприменителя.

Проблематика усиливается на стадии предварительного расследования, и здесь важны не общие слова, а техническая реальность доказывания. Например, А.Н. Иванов, анализируя трудности расследования в условиях вооружённого конфликта, указывает на отсутствие устойчивого доступа следственных органов к местам происшествий, разрушение доказательственных следов, невозможность немедленного проведения следственных действий, ограниченность кадрового потенциала и отсутствие единых методик реконструкции событий, что объективно затрудняет установление объективной стороны деяния [2].

Ввиду этого следствие нередко опирается на фрагментарные данные, а уже из них пытается вывести внутренние мотивы и цели военнослужащего, поэтому риск ошибочных выводов здесь заметно возрастает. Ключевыми источниками становятся обрывочные записи радиопереговоров, геолокационные следы, журналы боевой работы, видеоматериалы, а также свидетельские показания, полученные спустя значительное время и под влиянием сильного стресса. Каждый из них нуждается в усиленной верификации, иначе доказательственная конструкция начинает держаться на предположениях.

В рамках такой логики следственная деятельность действительно нуждается в модернизации, причём не декларативной, а инструментальной. Речь может идти о дистанционных технологиях фиксации, цифровой реконструкции и аналитике видеоматериалов, включая записи с

беспилотных средств, а также о расширении спектра экспертных исследований, позволяющих оценивать влияние боевых факторов на поведение субъекта. Решения не снимают правовых вопросов автоматически, но они повышают качество фактической базы, а значит, снижают вероятность того, что квалификация будет строиться на неполной картине события. И уже на этой основе становится реальнее выработать единый подход, где военная специфика учитывается строго и проверяемо, а не интуитивно.

Позиция Д.М. Сидельникова дополняет эту картину, поскольку он обосновывает необходимость пересмотра подходов к анализу умысла в условиях вооружённого конфликта [3]. Субъективная сторона в подобных ситуациях приобретает структурно иной характер, поскольку решение военнослужащего формируется под воздействием факторов, нарушающих обычные когнитивные процессы: шока, оглушения, дезориентации, эмоционального истощения и тяжёлого стресса.

Под давлением подобных состояний лицо может действовать импульсивно, не отдавая отчёта в направлении своего поведения. Суды, сталкивающиеся с подобными феноменами, вынуждены учитывать заключения судебно-психологических экспертиз, данные о длительности пребывания военнослужащего в зоне интенсивных боевых действий, сведения о потерях подразделения, объёме огневого воздействия и иных обстоятельствах, влияющих на способность субъекта контролировать поступки.

Вместе с тем проблемы квалификации не ограничиваются определением субъективной стороны, поскольку в боевой обстановке нередко возникают ситуации, когда традиционные признаки объективной стороны состава преступления теряют однозначность. Факты временного оставления позиции могут являться следствием разрушения ориентиров местности после артиллерийского удара, поражения подразделения кассетными боеприпасами, потери связи, повреждения техники или гибели командиров. При таких обстоятельствах обвинение в дезертирстве требует установления устойчивого внутреннего намерения прекратить службу, что зачастую невозможно.

Заключение

Значительную сложность представляет квалификация действий, связанных с уничтожением боевой техники. Перспективная юридическая логика предполагает, что подобные деяния должны формировать самостоятельную категорию военной необходимости, ориентированную на предотвращение увеличения боевого потенциала противника. Отсутствие подобной конструкции в законе приводит к тому, что аналогичные эпизоды рассматриваются в разных судах неодинаково, что создаёт правовую неопределённость и нарушает принцип предсказуемости уголовного преследования.

Проблемы квалификации проявляются и в делах о неисполнении приказа. Судебные решения показывают, что при определённом уровне огневого давления исполнение распоряжения объективно невозможно, что требует признания отсутствия состава преступления. Объективная опасность для жизни личного состава обуславливает пределы допустимого служебного риска, внутри которого военнослужащий обязан принимать решение, направленное на сохранение подразделения. Поскольку такие пределы отсутствуют в нормативном поле, суды вынуждены самостоятельно формировать критерии оценки.

Модернизация уголовного законодательства в этом направлении станет важным шагом к системной адаптации правовой системы к реалиям современного вооружённого противоборства и позволит избежать многочисленных ошибок, возникающих в условиях отсутствия законодательного регулирования ситуаций, возникающих в период военных действий.

Список источников

1. *Осяева Д.А., Галат Е.С.* Следственные органы в годы Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2025. № 40 (591). С. 214–216. EDN: UHTQVD.
2. *Иванов А.Н.* Проблемы совершенствования понятийного аппарата следственного осмотра // Изв. Саратовского ун-та. Серия : История. Междунар. отношения. 2005. Т. 5, № 1/2. С. 133–140.
3. *Сидельников Д.М.* Особенности квалификации преступлений против военной службы, совершаемых в период проведения специальной военной операции // Вестн. науки. 2025. Т. 1, № 10 (91). С. 228–234.

References

1. Osyayeva D.A., Galat E.S. Investigative bodies during the Great Patriotic War. *Young Scientist*. 2025;(40):214-216. (In Russ.). EDN: UHTQVD.
2. Ivanov A.N. Problems of improving the conceptual apparatus of investigative inspection. *Bulletin of Saratov University. Series: History. International Relations*. 2005;5(1/2):133-140. (In Russ.).
3. Sidelnikov D.M. Features of Qualification of crimes against military service committed during the special military operation. *Bulletin of Science*. 2025;1(10):228-234. (In Russ.).

Информация об авторах

И.И. Короленко — кандидат юридических наук, доцент РГЭУ (РИНХ).
А.Б. Малявина — кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела РЮИ МВД.
О.В. Толопченко — кандидат педагогических наук, доцент РИ ВГУЮ.

Information about the authors

I.I. Korolenko — Candidate of Science (Law), Associate Professor, RSUE.
A.B. Malyavina — Candidate of Science (Politics), Researcher of the Research Department, RLI.
O.V. Tolopchenko — Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor, RI ARSUJ.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 28.06.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 28.06.2026; accepted for publication 17.07.2026.

Научная статья

УДК 343.326

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-136-144>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРСИЯМ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Светлана Ивановна Кузина¹, Ирина Анатольевна Семенцова^{2✉}, Ольга Афанасьевна Цымлянская³

¹ Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1, 2} Филиал Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

² Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский юридический институт МВД РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ svivk@yandex.ru

² irina_semen@inbox.ru ✉

³ ipidorfii@yandex.ru

Аннотация. Проводится углублённый обзор исторического пути формирования и трансформации законодательных норм, устанавливающих ответственность за диверсионную деятельность. Историко-правовой анализ свидетельствует, что корни рассматриваемого уголовного запрета уходят в период формирования молодой советской государственности. Развитие соответствующих норм происходило поэтапно, в соответствии с изменениями идеологии общественного строя в стране. Сейчас при применении ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации выявляются определённые проблемные аспекты при квалификации рассматриваемого преступного деяния, отграничения его от смежных составов. Предлагается внесение соответствующих изменений при квалификации диверсии.

Ключевые слова: диверсия, контрреволюционные преступления, государственные преступления, экономическая безопасность, обороноспособность, противодиверсионная политика

Для цитирования: Кузина С.И., Семенцова И.А., Цымлянская О.А. Противодействие диверсиям в России: исторический анализ и актуальные проблемы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 136–144. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-136-144>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

COUNTERING SABOTAGE IN RUSSIA: HISTORICAL ANALYSIS AND CURRENT ISSUES

Svetlana I. Kuzina¹, Irina A. Sementsova^{2✉}, Olga A. Tsymlyanskaya³

¹ Southern Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^{1, 2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

² Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹ svivk@yandex.ru

² irina_semen@inbox.ru ✉

³ ipidorfii@yandex.ru

© Кузина С.И., Семенцова И.А., Цымлянская О.А., 2026

Abstract. The article provides an in-depth review of the historical path of formation and transformation of legislative norms establishing liability for sabotage activity. The historical-legal analysis indicates that the roots of the criminal prohibition in question go back to the period of formation of the young Soviet statehood. The development of the relevant norms proceeded in stages, in accordance with changes in the ideology of the social system in the country. At present, in the application of Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, certain problematic aspects are revealed in the qualification of the criminal act under consideration and in distinguishing it from related offenses. The introduction of appropriate amendments to the qualification of sabotage is proposed.

Keywords: sabotage, counter-revolutionary crimes, state crimes, economic security, defense capability, anti-sabotage policy

For citation: Kuzina S.I., Sementsova I.A., Tsymlyanskaya O.A. Countering Sabotage in Russia: Historical Analysis and Current Issues. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2026;(3):136-144. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-136-144>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В условиях ведения специальной военной операции (далее — СВО) Россия столкнулась с резким ростом количества совершаемых диверсионных актов на своей территории, проводимых противником. Так, судебная статистика показывает, что за три года число осужденных за диверсии (ч. 1–3 ст. 281 УК РФ [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/]) выросло в несколько раз: в 2022 г. — 3 чел., в 2023 г. — 9, в 2024 г. — 48 [URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>]. Председатель Комитета Государственной думы РФ по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарев, ссылаясь на данные Генеральной прокуратуры РФ [URL: <http://crimestat.ru/analytics>], сообщил, что «в 2024 году было зарегистрировано 204 преступления диверсионной направленности, а только в первой половине 2025-го — уже 174» [URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-piskarev-obyasnil-pochemu-neobkhodimo-uzhestochat-nakazaniya-za-diversii.html>].

Диверсионная деятельность является одной из наиболее опасных по своей непредсказуемости, направленности и наносимому ущербу обороне страны проблем, представляющих военную, экономическую и общественно-политическую угрозу безопасности государства. Диверсионные акты направлены против мирных граждан, объектов оборонного комплекса, жизнеобеспечивающих и транспортных путей сообщения, они также подрывают стабильность общественно-политической системы, доверие граждан к власти.

Границы России по-прежнему остаются практически открытыми для миграционных потоков из соседних стран, в том числе и тех, кто поставляет оружие для воюющей с нами Украины. Беженцы из новых субъектов Российской Федерации с началом миграции и до настоящего времени представляют собой группы риска на предмет возможного скрытого проникновения на территорию России диверсионных групп. Определенные меры, направленные на парирование таких рисков, конечно, принимаются, особенно против откровенно враждебных нам государств. Например, в 2024 г., по сообщению Министерства иностранных дел РФ, запрещен въезд в Россию 347 гражданам стран Прибалтики, среди которых министры, депутаты парламентов, общественные деятели, журналисты. Причина — «лоббирование Латвией, Литвой и Эстонией санкционных мер против нашей страны, вмешательство во внутренние дела России, гонения на русскоязычное население, варварская кампания по массовому сносу памятников советским воинам-освободителям, переписыванию истории, героизации нацизма, а также проводимая прибалтами преступная линия на накачивание киевского режима вооружениями» [URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1937970/]. В числе этих граждан — Кая Каллас, бывший премьер-министр Эстонии, ныне верховный представитель Европейского союза (ЕС) по иностранным делам и политике безопасности, заместитель председателя Европейской комиссии.

Расширению диверсионной деятельности способствует информационная эпоха, характеризующаяся экспоненциальным развитием электронных технических устройств, искусственного интеллекта, многочисленных анонимных социальных сетей и блогов, используемых диверсан-

тами и их кураторами, действующими с территорий недружественных государств. Россия сейчас служит полигоном для отработки методов диверсионной деятельности под руководством специалистов из стран-противников. Однако наращивание атак на территорию России дает и нашим силовым структурам опыт совершенствования борьбы с диверсантами. Подтверждением данного тезиса является успешная операция по предотвращению диверсионного акта, проведенная российскими спецслужбами в июле 2026 г. Противник планировал атаку 35 FPV-дронами с системами управления канадского производства «на стратегическое предприятие в жилом секторе Московской области, говорится в сообщении Центра общественных связей (ЦОС) ФСБ. По данным спецслужбы, атаку готовила Служба безопасности Украины (СБУ)» [URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/07/2026/6a55cec19a79474bd0584869>]. В ряду успешных противодиверсионных операций также «предотвращенные покушения на двух высокопоставленных военнослужащих Минобороны в Московском регионе, сорванные атаки роями дронов на военные аэродромы „Ростов-Центральный“ в Ростове-на-Дону, „Украинка“ в Амурской области и „Шагол“ в Челябинской области» [URL: <https://tass.ru/proisshestviya/27914607>].

Рост числа преступлений диверсионной направленности актуализирует необходимость совершенствования законодательного реагирования с использованием накапливающегося опыта в условиях вооруженного конфликта. Одним из проблемных вопросов остается разграничение диверсии со смежными составами преступлений, таким как террористический акт. Нерешенность данной проблемы порождает употребление разных определений, например «диверсионно-террористический акт». Не менее важно и изучение криминологической составляющей диверсий, когда противник использует для совершения диверсионных преступлений несовершеннолетних, в частности для атаки в Подмоскovie в июле 2026 г. «СБУ привлекла российских детей 13–16 лет для активации незаконно приобретенных сим-карт, использованных в дронах» [URL: https://max.ru/rostov_glavniy/AZ9fP7chVCK]. Необходимо изучение состояния, причин и условий совершения диверсионных преступлений, тщательное рассмотрение личностей диверсантов, что поможет повысить эффективность предотвращения готовящихся диверсий.

Составу диверсии посвящена ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/], а с 29.12.2022 состав статьи расширен ст. 281.1–281.3 [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/]. Научные труды отдельных отечественных правоведов содержат анализ данного вида преступности, однако в связи с расширением военных действий на территории Украины изменился и контекст изучения вопросов ответственности по диверсионным преступлениям, что и формулирует цель данного исследования — проведение системного анализа всей группы нормативных актов по преступлениям диверсионной направленности, разработка направлений совершенствования государственной противодиверсионной политики с учетом отечественного настоящего и исторического опыта, ее адаптации к условиям военного времени.

Так, теоретическим аспектам уголовно-правовой ответственности за совершение диверсионных преступлений посвятили свои труды М.Д. Давитадзе, М.Г. Решняк [1, 2], историческим аспектам борьбы Российского государства с диверсиями — Ю.В. Николаева, Т.В. Пикина [3, 4], расширению состава диверсионных преступлений в УК РФ — С.И. Глазырин, Л.В. Иванова, М.Л. Прохорова, М.Г. Горенко, В.В. Чибизов, Э.Ю. Чуклина [5–8], вопросам разграничения диверсии со смежными составами преступлений — В.Л. Кудрявцев, И.А. Тихонин, А.Ю. Тутуков, Л.А. Татаров [9–11] и др.

Результаты исследования

Диверсионная деятельность представляет собой угрозу национальным интересам и суверенитету Российского государства, что зафиксировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (далее — Стратегия) [URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mrpzbpkoc742609399>]. В число стратегических национальных приоритетов (п. 26 Стратегии), направленных на решение задачи обеспечения национальной безопасности России, входят в том числе оборона страны и государственная и общественная безопасность. В контексте нашего исследования важны пп. 8 («своевременный учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создание условий для наиболее полной реализации боевых возможностей войск (сил), выработка требований к перспективным

формированиям и новым средствам вооруженной борьбы») и пп. 11 п. 26 Стратегии («планирование и проведение мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов») [URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mrpzbpkcoc742609399>].

Безусловно, наращивание противником новых средств вооруженной борьбы в диверсионной деятельности — информационных ресурсов и беспилотников (БПЛА) — относится к пп. 8 п. 26 приоритета «Оборона страны» как задача разработки эффективного ответа России на новые военные вызовы. В пп. 11 Стратегии делается акцент на таком направлении, как защита «населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов» [URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mrpzbpkcoc742609399>]. Совершение диверсионных актов на территории России особо актуализирует данный пункт Стратегии национальной безопасности РФ.

Задачу противодействия диверсионной деятельности можно отнести и к другому приоритетному разделу Стратегии — «Государственная и общественная безопасность», в котором предусмотрен пп. 44: «Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи. Для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций широко используются возможности глобальных интернет-компаний» [URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046?ysclid=mrpzbpkcoc742609399>]. Сформулированная в Стратегии угроза в настоящее время полностью реализуется, учитывая приведенные выше примеры предотвращения диверсий — и использование сим-карт для дронов российскими подростками, и участие завербованных противником для совершения диверсионного преступления российских и иностранных граждан.

Таким образом, диверсионная деятельность направлена на подрыв национальной безопасности России. В ответ на ее рост 5 июля 2025 г. вступил в действие Федеральный закон № 162-ФЗ [URL: <https://base.garant.ru/412210768/?ysclid=mrq52fch4785098283>], изменивший ст. 7.4 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/a9ac95337c5a889b23c5e9e7d6baf54450f826b/]. В предыдущей редакции закона № 115-ФЗ в п. 1 ст. 7.4 речь шла о финансировании экстремистской и террористической деятельности. В новой редакции в перечень добавлена диверсионная деятельность.

Расширение оснований для уголовной ответственности за диверсионную деятельность в России исторически связано с тем, как в разные периоды государство понимало угрозы собственной безопасности. Диверсия всегда рассматривалась не как обычное повреждение имущества, а как деяние, затрагивающее более широкий круг отношений: устойчивость власти, экономики, транспорта, связи, обороны и иных сфер, от которых зависит функционирование государства. История ответственности за диверсию показывает изменение и формулировок уголовного закона, и самого подхода к охране государственной безопасности. По этой причине особый интерес представляет связь преступлений диверсионной направленности с группой «государственные преступления», ранее широко использовавшейся в советском уголовном праве.

В УК РСФСР 1922 г. ещё не было той конструкции диверсии, которая позднее стала привычной для советского и российского уголовного законодательства. Однако уже тогда государственные преступления выделялись в самостоятельный раздел, а основное внимание уделялось действиям, направленным против новой власти и установленного порядка управления. Так, в ст. 65 УК РСФСР 1922 г., содержащей признаки государственного (контрреволюционного) преступления, перечисляется состав преступления, который совпадает в дальнейшем с современным составом диверсии: «организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных со-

оружий или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений» [URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop_fire/dekret_vtsik_snk_rsfsr_ot_14_07_1924_ob_okhrane_lesov_ot/0/pos_tanovlenie_vtsik_ot_01_06_1922_red_ot_25_08_1924_o.html?ysclid=mrt323srj7334921318]. Это отражало общую логику первых лет Советского государства: уголовный закон прежде всего защищал политическую и управленческую устойчивость власти. Уже в первый год существования советской власти было введено понятие «государственные преступления» [12, с. 9].

Более оформленный подход появился в УК РСФСР 1926 г. [URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/391620-ugolovnyy-kodeks-r-s-f-s-r-redaktsii-1926-goda-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-o-vvedenii-v-deystvie-ugolovnogo-kodeksa-r-s-f-s-r-redaktsii-1926-g-22-noyabrya-1926-goda>] и в Положении о преступлениях государственных 1927 г. [URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/pologenie_o_prestuplenijah_1927_goda.pdf?ysclid=mrucvvasjv339352031]. Уже в самом названии последнего государственные преступления делились на «контрреволюционные преступления и особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления» [URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/pologenie_o_prestuplenijah_1927_goda.pdf?ysclid=mrucvvasjv339352031]. Это важно для понимания дальнейшего развития мер ответственности за диверсию. Законодатель связывал подобные деяния не только с причинением конкретного вреда, но и с угрозой для государственного управления, хозяйственной мощи и устойчивости советской системы [3, с. 309]. Исследование помогает понять, почему диверсия в дальнейшем развивалась именно в рамках законодательства о государственных преступлениях. Её опасность обусловлена и разрушительным характером действий, и тем, что такие действия могли затрагивать основы функционирования государства.

В конце 1950-х гг. ответственность за диверсию получила более четкое закрепление в законодательстве о государственных преступлениях. В Постановлении Верховного Совета СССР от 25 декабря 1958 г. «О порядке введения в действие Закона об уголовной ответственности за государственные преступления» диверсия была отнесена к особо опасным государственным преступлениям [URL: <https://base.garant.ru/70818446/?ysclid=mrucyss8og892571897>].

В дальнейшем, в ст. 68 УК РСФСР 1960 г., она определялась как разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества [URL: <https://base.garant.ru/10107062/?ysclid=mrud16yxs2598613729>]. В этой формулировке видны признаки, которые позднее сохранятся и в российском законодательстве: воздействие на значимые объекты, опасный способ совершения и специальная цель.

При этом советская формула отличалась от современной. В ст. 68 УК РСФСР центральным признаком была цель — ослабление Советского государства. В действующем УК РФ используется другая формулировка — подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/]. Это различие показывает изменение языка уголовного закона.

В начале 1990-х гг. прежняя советская модель ответственности за государственные преступления стала пересматриваться из-за изменения уголовного законодательства и правовой системы. После распада СССР прежние формулы, построенные вокруг защиты Советского государства, уже не могли сохраняться в прежнем виде. Законодательство постепенно отходило от политико-идеологического языка и переходило к новым категориям: конституционный строй, безопасность государства, права и свободы человека.

Заметным изменением стало исключение ст. 68 «Диверсия» из УК РСФСР Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4016/]. Это не означало, что государство перестало рассматривать разрушительные действия против значимых объектов как опасные. Скорее речь шла о пересмотре старой советской конструкции, где диверсия была направлена против Советского государства, что уже не соответствовало новому политическому строю.

Новый Уголовный кодекс РФ 1996 г. закрепил диверсию в системе преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Сложилась другая правовая модель: речь шла не о защите прежнего политического строя, а об охране безопасности Российской Федерации, её экономики и обороноспособности [URL: <https://www.consultant.ru/document/>]

cons_doc_LAW_10699/]. В ст. 281 УК РФ сохранилась сама идея диверсии как опасного воздействия на значимые объекты.

Вернемся к контрреволюционным преступлениям против молодой советской власти. Ю.В. Николаева рассматривала их как государственные преступления [3]. Одним из их видов были преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 57 УК РСФСР 1922 г., — «содержащие в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции» [3, с. 310]. Если перевести фразу в современные термины, то речь идет о подрыве экономической безопасности, обороноспособности и государственной власти в Российской Федерации. В те годы речь шла об экономической контрреволюции как новой форме сопротивления врагов Советского государства, сейчас имеет смысл рассматривать определенные формы экономического сопротивления (внутри страны и со стороны внешних противников) и как государственного преступления, и как диверсии. Такой формой может быть, например, искусственно создаваемый дефицит продовольствия, энергоресурсов и пр.

М.Д. Давитадзе также обращает внимание на то, что диверсия в действующем уголовном законодательстве сохраняет связь с объектами, имеющими значение для экономической безопасности и обороноспособности государства [1, с. 170]. Это позволяет говорить о преемственности между советской и современной моделью ответственности. В обоих случаях законодатель рассматривает диверсию как посягательство на устойчивость государства. Различие состоит в том, что современное право использует уже не идеологическую, а конституционно-правовую и социально-экономическую основу.

Современный этап развития института ответственности за диверсионную деятельность связан с изменениями, внесёнными Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ [URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/]. Этим законом УК РФ был дополнен ст. 281.1–281.3. До введения указанных норм основное значение имела сама диверсия как действие, после 2022 г. уголовно-правовая охрана распространилась на действия, которые предшествуют диверсии либо создают условия для её совершения. Такой подход связан с тем, что диверсионная деятельность может включать не только непосредственное воздействие на объект, но и подготовку, организационное сопровождение, вовлечение других лиц, обучение и иные формы обеспечения преступной деятельности.

С.И. Глазырин отмечает, что появление ст. 281.1–281.3 УК РФ отражает новый подход к обеспечению экономической безопасности и обороноспособности РФ, поскольку уголовный закон стал охватывать более широкий круг деяний диверсионной направленности [5, с. 168]. Это положение важно для понимания общей тенденции: современное законодательство стремится реагировать на опасные действия, создающие условия для причинения вреда.

Л.В. Иванова также связывает введение новых составов с усилением уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности [6, с. 52]. В этом смысле Федеральный закон № 586-ФЗ от 29.12.2022 стал не просто техническим дополнением УК РФ. Он изменил саму структуру ответственности: рядом с базовой нормой о диверсии появились составы, направленные на пресечение связанных с ней форм поведения. Поэтому современный этап можно рассматривать как переход от единичной нормы о диверсии к более развернутой системе норм о диверсионной деятельности.

При этом новые положения уголовного закона не отменяют центрального значения ст. 281 УК РФ. Диверсия по-прежнему остаётся базовым составом, вокруг которого выстраиваются остальные нормы. Статьи 281.1–281.3 УК РФ имеют производный характер, поскольку они сопряжены с содействием, обучением, организацией или участием в деятельности, направленной на совершение диверсии либо иных преступлений диверсионной направленности. Развитие законодательства после 2022 г. расширило прежнюю конструкцию.

В научной литературе такая законодательная модель оценивается неоднозначно. С одной стороны, расширение ответственности позволяет раньше реагировать на действия, создающие угрозу диверсии. С другой — отдельные авторы обращают внимание на сложность новых составов и необходимость их точного применения. Э.Ю. Чуклина, анализируя ст. 281.1 УК РФ, указывает на недостатки законодательной конструкции данной нормы и подчёркивает, что её содержание требует осторожного толкования [8].

Таким образом, развитие законодательства прошло несколько этапов: от включения диверсии в систему государственных преступлений советского периода до формирования современной группы норм о диверсионной деятельности. Если раньше уголовный закон в основном реагировал на уже совершённое разрушительное действие, то сегодня он охватывает и те формы поведения, которые создают условия для совершения диверсии. Необходимо также отметить дополнение в 2023 г. ч. 2 ст. 281 пунктом «в», содержащим квалифицирующий признак посягательства на объекты топливно-энергетического и оборонного комплексов, а также органов власти, задействованных в области обороны. Актуализация УК РФ по ст. 281 «Диверсия» объясняется событиями, последовавшими в ходе СВО и показавшими выросшую степень диверсионной опасности.

Проблему в правоприменительной области представляет и вопрос разграничения диверсии (ст. 281 УК РФ) и террористического акта (ст. 205 УК РФ). Вызвана она схожестью объективных сторон данных преступлений — они выражаются в поджоге, взрыве и иных общественно опасных деяниях. Ключевое различие этих преступлений — в целях, направленности умысла. Террористический акт совершается для воздействия на власть через устрашение населения (*лат. terror* — «страх, ужас»). Цель диверсии — подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства. Сравнивая предметы посягательств террористического акта и диверсии, В.Л. Кудрявцев пишет: «...если при террористическом акте предмет посягательства чётко не обозначен — им могут выступать любые предметы, то предмет диверсии обозначен чётко в ст. 281 УК РФ — это предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объекты жизнеобеспечения населения» [9, с. 52].

Еще одна новация заключается в ужесточении наказания за диверсию: если ранее возраст привлечения к уголовной ответственности за диверсию начинался с 16 лет (а по ст. 205 УК РФ («Террористический акт») — с 14 лет), то с 2025 г. он снизился до 14 лет [URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412956603/>].

Тщательный анализ особенностей признаков, разграничивающих террористический акт и диверсию, дает возможность правоприменителям правильно квалифицировать каждое преступление.

Заключение

Историко-сравнительный анализ эволюции мер противодействия диверсионной деятельности в советском и современном российском уголовном праве показывает, что советская норма была тесно связана с защитой политической и хозяйственной системы государства, тогда как современная норма делает акцент на экономической безопасности, обороноспособности и устойчивости значимых объектов. Что закономерно: новые нормы не могут воспроизводить старые, так как изменились мировая система правопорядка, технические средства, способы и цели совершения преступлений диверсионной направленности. Введение новых составов в базовую ст. 281 УК РФ («Диверсия») связано с усилением уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности в условиях ведения военного конфликта и на фоне роста числа диверсий, совершаемых противниками на территории России.

Исследование отграничительных признаков двух смежных преступлений — диверсии и террористических актов — дает возможность правильной их квалификации, что, однако, не исключает и квалификации по совокупности данных преступлений, если лицо, совершая взрывы, поджоги, организуя атаки дронов, преследует и диверсионную, и террористическую цели, т.е. и цель нанести ущерб обороноспособности государства, и цель вызвать страх у граждан, их недовольство государственной властью.

Список источников

1. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2020. № 3. С. 169–173. EDN: SOYWGE. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10163>
2. Решняк М.Г. Противодействие диверсионной деятельности: к вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер // Вестн. Томского гос. ун-та. 2024. № 506. С. 208–214. EDN: IRBKAP. <https://doi.org/10.17223/15617793/506/26>

3. Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления в советский период // Образование и право. 2022. № 9. С. 308–318. EDN: LVPXUH. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-9-308-318>
4. Пикина Т.В. Эволюция института уголовной ответственности за преступления диверсионного характера // Вестн. Чеченского гос. ун-та им. А. А. Кадырова. 2023. № 4 (52). С. 165–171. EDN: IFGJLP. <https://doi.org/10.36684/chesu-2023-52-4-165-171>
5. Глазырин С.И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171. EDN: DTSQCW. <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-40-1-167-171>
6. Иванова Л.В. Уголовно-правовое противодействие диверсионной деятельности // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в правоприменительной практике : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 51–55. EDN: FAGGXG.
7. Прохорова М.Л., Горенко М.Г., Чибизов В.В. Содействие диверсионной деятельности и организация диверсионного сообщества (статьи 281¹, 281³ УК РФ) как разновидности специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности: к вопросу об оправданности регламентации // Рос. следователь. 2023. № 10. С. 42–45. EDN: QGIMAD. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-10-42-45>
8. Чулкина Э.Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестн. Балтийского фед. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманит. и обществ. науки. 2024. № 2. С. 14–25. EDN: YVNTVS. <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-2-2>
9. Кудрявцев В.Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестн. Южно-Уральского проф. ин-та. 2013. № 1 (10). С. 45–55. EDN: QAZXKF.
10. Тихонин И.А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы рос. юстиции. 2022. № 19. С. 477–484. EDN: YFBNMI.
11. Тутуков А.Ю., Татаров Л.А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 169–170. EDN: YPOQYX.
12. Лубянка. ВЧК – КГБ. Документы. М.: Демократия, 1997. 352 с.

References

1. Davitadze M.D. Criminal liability for sabotage. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(3):169-173. (In Russ.). EDN: SOYWGE. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10163>
2. Reshnyak M.G. Countering sabotage activity: on improving criminal law measures. *Bulletin of Tomsk State University*. 2024;(506):208-214. (In Russ.). EDN: IRBKAP. <https://doi.org/10.17223/15617793/506/26>
3. Nikolaeva Yu.V. Criminal liability for state crimes in the Soviet period. *Education and Law*. 2022;(9):308-318. (In Russ.). EDN: LVPXUH. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-9-308-318>
4. Pikina T.V. Evolution of the institute of criminal liability for crimes of a sabotage nature. *Bulletin of Kadyrov Chechen State University*. 2023;(4):165-171. (In Russ.). EDN: IFGJLP. <https://doi.org/10.36684/chesu-2023-52-4-165-171>
5. Glazyrin S.I. Crimes of a sabotage orientation: a new approach in the sphere of ensuring economic security and defense capability of the Russian Federation at the present stage. *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2024;(1):167-171. (In Russ.). EDN: DTSQCW. <https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-40-1-167-171>
6. Ivanova L.V. Criminal law countering sabotage activity. *Novelties of Criminal legislation and their reflection in law enforcement practice*. Materials of the International Scientific and Practical Round Table. Tyumen: Tyumen State University Press; 2023:51-55. (In Russ.). EDN: FAGGXG.
7. Prokhorova M.L., Gorenko M.G., Chibizov V.V. Assistance to sabotage activity and organization of a sabotage community (Articles 281¹, 281³ of the Criminal Code of the Russian Federation) as types of special forms of organization, incitement and complicity in criminal activity: on the question of the justification of regulation. *Russian Investigator*. 2023;(10):42-45. (In Russ.). EDN: QGIMAD. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-10-42-45>
8. Chuklina E.Yu. Shortcomings of the legislative construction of the norm provided for by Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Assistance to sabotage activity”. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2024;(2):14-25. (In Russ.). EDN: YVNTVS. <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-2-2>
9. Kudryavtsev V.L. Distinguishing a terrorist act from other related offenses: a theoretical analysis. *Bulletin of the South Ural Professional Institute*. 2013;(1):45-55. (In Russ.). EDN: QAZXKF.

10. Tikhonin I.A. Distinguishing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation) from sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Issues of Russian Justice*. 2022;(19):477-484. (In Russ.). EDN: YFBNMI.

11. Tutukov A.Yu., Tatarov L.A. Correct qualification of a terrorist act and its distinction from sabotage. *Gaps in Russian Legislation*. 2018;(6):169-170. (In Russ.). EDN: YPOQYX.

12. Lubyanka. *VChK - KGB*. Documents. Moscow: Democracy; 1997. 352 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С.И. Кузина — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин ДГТУ; профессор кафедры гражданского права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону.

И.А. Семенцова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Филиала МУ им. С.Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону; доцент ЮУ (ИУБиП).

О.А. Цымлянская — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин РЮИ МВД РФ.

Information about the authors

S.I. Kuzina — Doctor of Science (Politics), Professor, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, SRIM RANEPa; Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, DSTU; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the WMU in Rostov-on-Don.

I.A. Sementsova — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ; Associate Professor, SU (IMBL).

O.A. Tsymlyanskaya — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, RLI IM PF.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 17.07.2026.
The article was submitted 15.07.2026; approved after reviewing 16.07.2026; accepted for publication 17.07.2026.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

Персоналии

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-145-150>

Происшествие в Зеленковом куте и другие истории (к биографии Ф.К. Миронова)

The Incident at Zelenkov Kut and Other Stories (Towards a Biography of F.K. Mironov)

Известный общественный деятель Фёдор Кузьмич Миронов (1872–1921) после увольнения из армии (за протесты против использования казаков для усмирения народных волнений) сумел поступить на службу в рыболовную полицию Дона и своей активностью привлечь не слишком доброжелательное внимание местной прессы [1]. По его словам, это назначение произошло 10 января 1909 г. [2, л. 11], хотя остаётся неясным, при каких обстоятельствах он получил новую должность. В отличие от других упоминаемых в документах помощников смотрителя рыбных ловель войскового старшины Нефедова (есаулы Шапошников, Чекунов и Скопцов, подьесаулы Абраменков и Пушкин, сотник Авчинников), Миронов именовался лишь «временно исполняющим обязанности помощника». Первое упоминание о нём приходится на весну 1909 г., и, как и все остальные, относится оно к далеко не мирным встречам рыболовной полиции с нарушителями правил лова (одно из дел так и называется — «О столкновениях и недоразумениях между хищными рыболовами и чинами рыболовной полиции в запретных водах»). 3 апреля 1909 г. войсковой старшина Нефедов доложил областному правлению, что «27 марта разъездом под командою подьесаула Миронова было произведено 3 выстрела из винтовки по хищным рыболовам в заповедных водах ... которые, не обращая внимания на предупреждения, хотели скрыться в камыши в гирло Песчаное. Каюк арестован, в нём оказалось 2 человека охотников без установленных свидетельств. О чём составлен протокол. Того же числа и тем же разъездом в гирле Средняя Кутерьма по уходившим ... было сделано 2 винтовочных выстрела, после которых хищники сами подъехали к разъезду. В каюке хищников оказалось всё выложенным, о чём также составлен протокол» [3, л. 13–13 об.]. Очень скоро смотритель снова докладывает, что «9 сего апреля разъездом под командою подьесаула Миронова между гирлами Мокрая Каланча и Столбовым по уходившим хищным рыболовам сделано было 10 винтовочных выстрелов. Хищники арестованы, несчастий с людьми не было. Того же числа и тем же разъездом преследовался каюк ... от гирла Мокрой Каланчи до с. Круглого, где хищники, предупрежденные 3 револьверными выстрелами, бросили каюк, выскочили на берег и убежали» [3, л. 21–21 об.]. Найти виновных в тот раз так и не удалось.

Наиболее серьёзное происшествие с командой Миронова случилось в ночь на 21 апреля 1909 г. в местечке Зеленков кут. В это время «подьесаул Миронов, получив сведения, что крестьяне села Кагальника производят хищное рыболовство в заповедных водах Азовского залива, вёрстах в 3–4 от берега, и обязанный по службе охранять эти воды от хищного рыболовства, направился с двумя казаками команды и вольнонаёмным гребцом в указанный залив, где, заметив производивших рыболовство хищных рыболовов, хотел их арестовать, для чего кричал им „стой“, но видя, что хищные рыболовы, заметив его приближение, уходят в море, он, подьесаул Миронов, произвёл в них 4 выстрела из винтовки, которыми ранил двух хищников, крестьян села Кагальник Ивана Коротинцева и Ивана Плаксу» [4, л. 6]. Дело было признано настолько важным, что разбираться с ним прибыл следователь Одесского военного округа капитан Иевлев. Последний несколько месяцев потратил на расследование произошедшего, допросив всех участников и потерпевших. Казаки Какичев и Илюхин, сопровождавшие Миронова, заявили, что подьесаул сначала предупреждал браконьеров криком (по версии первого свидетеля — «Остановись, а то буду стрелять!», а по словам другого — «Стой, не тикай!»), при этом первый выстрел он сделал в воздух. Браконьеры, напротив, уверяли, что предупредительных выстрелов не было и уже первой пулей оказались ранены двое из них. Они

настаивали, что не слышали и окриков Миронова, хотя признали, что «был средний ветер с востока, а офицер и разъезд ехали с севера, так что они окриков слышать не могли» [4, л. 11]. В результате стрельбы, как выяснилось, «хищникам» были причинены серьёзные увечья: крестьянин Иван Коротинцев, пролежавший почти 2 мес. в больнице, «получил пулевую рану в локоть левой руки навывлет; пуля раздробила кость локтя, попала в левый бок ниже рёбер и, дойдя до позвоночника, остановилась. Теперь пуля извлечена. Рана до сих пор не залечена, рука сильно пухла и не действует; кроме того, жалуется на боль в боку при ходьбе». Легче отделался крестьянин Иван Плакса, которому пуля «попала первоначально в левую руку между мизинцем и безымянным пальцем, прошла по ладони под кожей к большому пальцу, откуда попала в правую руку ниже локтя, между костей навывлет; последствием чего свело три пальца: мизинец, безымянный и средний. Как объясняет, работать может, но с трудом» [4, л. 22 об.]. Потерпевшие также утверждали, что находились вдали от заповедных вод, т. е. за 18 вёрст от берега, но все другие участники стычки подтвердили: их каюк был от берега всего в 3–4 вёрстах. Собственные показания по этому поводу дал и Миронов. Он отметил, что ещё за два-три дня до события получил информацию — «подготавливается хищное рыболовство в Куту». Местный пост рыболовной полиции Миронов нашёл «крепко уснувшим притворно» и заподозрил, что «хищничество производится с ведома казаков с кордона Мокрой Каланчи». Поэтому подьесаул, взяв с собой двух человек, сам отправился в дозор и вскоре наткнулся на несколько лодок (он их называл «калабухи», хотя в рапорте начальнику употреблял выражение «фелюги») с рыбаками, которые стали от него быстро уплывать. Свои действия Миронов считал полностью оправданными, так как «Зеленков кут находится в заповедных водах и состоит под всегдашним запрещением» [4, л. 14–14 об.].

Следователь Иевлев оказался в явном затруднении. Он запросил смотрителя рыбных ловель о том, какие правила регламентируют применение рыболовной полицией огнестрельного оружия. Войсковой старшина Нефедов ответил ему, что «подьесаул Миронов по долгу службы и присяги обязан был стрелять по хищникам, к задержанию которых не представлялось никаких других средств, как по бегущему арестанту» [4, л. 7 об.], но всё же прислал копию «инструкции, определяющей порядок употребления чинами вверенной мне команды оружия». В присланных правилах отмечалось, что чины команды могут стрелять «при задержании преступника, когда невозможно будет преследовать или настичь убегающего» [4, л. 20 об.]. После этого капитан Иевлев не счёл возможным принимать решение по делу и передал его на усмотрение правления, которое 8 февраля 1910 г. постановило: «Признавая, что Миронов употребил в данном случае огнестрельное оружие ввиду явной необходимости и без нарушения установленных для этого правил, областное правление определяет: настоящее дело дальнейшим производством прекратить, о чём для объявления Миронову послать указ ростовскому окружному начальнику» [4, л. 39–39 об.].

Пребывание под следствием отнюдь не ослабило служебного рвения Миронова. Уже через несколько дней после ранения браконьеров смотритель Нефедов докладывает областному правлению, что «27 апреля на рассвете разъезд под командованием подьесаула Миронова в заповедных водах против оврага Страшного обнаружил хищное рыболовство. Заметив разъезд, хищники быстро стали уходить. Чтобы заставить ... остановиться, разъездом было сделано 6 безрезультатных выстрелов, после чего хищники, добравшись до берега, некоторые ушли, а двое арестованы» [3, л. 37–37 об.]. Пять месяцев спустя он же сообщает, что «31 августа вр. и. д. помощника мои подьесаулы Шапошников и Миронов заметили в заповедных водах против гирла Маслова вёрстах в 5 от камышей хищных рыболовов-крутьков-бродаников на дубе и погнались за ними тоже на дубе; гнались до поздней ночи и ниже Таганрога вёрстах в сорока в темноте потеряли из виду, причём сделали 15 винтовочных выстрелов, результаты стрельбы неизвестны, возвратились лишь на третий день» [3, л. 70–71].

Вскоре благодаря Миронову на Дону происходят события, в которые вынуждено вмешаться петербургское начальство. 13 октября 1909 г. столичная черносотенная газета «Русское знамя» (№ 226) публикует статью «К рыболовству на Дону», подписанную псевдонимом Проезжий. В статье содержались обвинения казаков станицы Елисаветовской (ныне — Елизаветинская) в систематическом браконьерстве путём постоянного нарушения сроков рыбной ловли, использования запрещённых орудий и игнорирования заповедных мест для лова. «Это происходит не лов рыбы, — писал корреспондент, — а какой-то разгром, систематическое уничтожение, и не только истинному сыну Тихого Дона, но и каждому благомыслящему человеку больно смотреть на все безобразия в

смысле игнорирования закона, какие делаются рыболовами-елисаветовцами. Невольно является вопрос, что же делает смотритель рыбных ловель на Дону, не прямая ли его обязанность прекратить нарушение закона? На это ответим следующее: занимающий эту должность г. Нефедов смотрит на всё сквозь пальцы, так как сам он природный гражданин станицы Елисаветовской. Его отец и родные братья постоянно занимались рыболовством и нажили этим хорошее состояние, сам смотритель получил образование на те деньги, которые получались от рыболовного промысла. У г. Нефедова целая масса родни в виде двоюродных братьев, племянников, сватов, зятьёв и т.д., а также друзья детства, хорошие знакомые. Все они занимаются рыболовством, производят беззакония, чем и подрыывают рыбный промысел на Дону... О том, что рыболовы действительно начинают производить лов рыбы прежде, чем установят буи, занесено в протоколы помощником смотрителя рыбных ловель на Дону подьесаулом Мироновым. Жаль только, что эти протоколы не доходят до сведения войскового наказного атамана, а в них имеется очень много интересного» [2, л. 3–4].

Через несколько дней в газете появилась вторая статья под тем же названием. В ней автор уже прямо ссылался на свидетельства Миронова (и только его), цитировал составленные им протоколы и задавал вопрос: «Как же реагирует на все беззакония елисаветовцев смотритель рыбных ловель на Дону г. Нефедов? Ответим: никак, то есть смотрит на своих родных станичников сквозь пальцы, печально вздыхает, когда г. Миронов точно из рога изобилия подсыпает ему протоколы», однако не только не отправляет последние в суд, но даже приказывает вернуть «хищникам» запрещённые орудия лова [2, л. 5].

Эти публикации привлекли внимание военного министерства, следствием их стало появление следующего документа:

*Помощник военного министра
по главному управлению
казачьих войск
28 октября 1909 г.*

*Специальное
Секретно
Военному судье С.-Петербургского
военно-окружного суда
генерал-майору Шебеко*

Усматривая в двух корреспонденциях под заглавием «К рыболовству на Дону», помещённых в газете «Русское знамя», указания на неправильные действия смотрителя рыбных ловель на Дону войскового старшины Нефедова, предлагаю Вашему Превосходительству произвести дознание о названном штаб-офицере и о последующем мне донести.

Приложение: две вырезки из газеты «Русское знамя».

Генерал-лейтенант Поливанов [2, л. 2]

Генерал Л.И. Шебеко в начале ноября прибыл на Дон и допросил служащих рыболовной полиции, включая смотрителя Нефедова. В их числе был и Миронов, давший подробные показания. Он привёл ряд примеров, когда смотритель приказывал вернуть задержанным браконьерам-казакам орудия лова или не передавал в суд уже составленные протоколы. По его словам, Нефедов даже запрещал подчинённым контролировать те тони, где рыбной ловлей занимались жители Елисаветовской, заявляя, что наблюдать за ними он будет сам вместе с представителями станицы. В качестве доказательства Миронов предъявил адресованные ему три записки Нефедова с требованием вернуть рыболовам конфискованные снасти или не посылать патруль на определённые участки. В результате местные жители нарушали правила, даже не таясь от речной полиции. Пример смотрителя, по свидетельству Миронова, развратил многих казаков-полицейских, которые стали брать взятки с браконьеров, хотя порой, несмотря на полученные деньги, задерживали их (можно предположить, что так поступали только с «хищниками» неказачьего происхождения). Показания Миронова полностью подтвердил другой помощник смотрителя — подьесаул Чекунов, который сообщил о дополнительных фактах нарушения смотрителем закона: тот позволял производить лов рыбы незаконными способами, признавал дозволенными невода, значительно превышавшие положенный размер, и не привлекал виновных к суду. Он привёл пример, когда Нефедов, увидев, что рыболовы, вопреки запрету, «засыпают» сразу по два невода, приказал Миронову только наблюдать, чтобы те не делали этого до его возвращения, а после «позволил этим рыболовам-казакам Елисаветовской

станции производить лов рыбы, для чего невода не были конфискованы и рыболовы к судебной ответственности не привлекались». После того как Миронов доложил о массовом нарушении закона, смотритель «ответил, что снасти незаконного образца следует конфисковывать, но ни сам не конфисковал этих снастей и не составил протокол, и не поручал этого дела подьесаулу Миронову» [2, л. 9]. На запрос генерала Шебеко в суд мировой судья Л. Рклицкий ответил, что «протокол подьесаула Миронова от 17 марта с.г. за № 130 о привлечении к ответственности Фомичева и Черкесова за хищное рыболовство ко мне от рыболовной инспекции до сего времени не поступал» [2, л. 35]. В ходе следствия выяснилось, что даже братья смотрителя привлекались за браконьерство, но дело против них замяли.

Действия войскового старшины Нефедова тем не менее не вызвали осуждения областного правления, всячески пытавшегося смягчить его вину. Это можно объяснить сословной корпоративностью, благодаря которой, как отмечала пресса, «речная полиция очень строго наказывала за нарушения крестьян и мещан, однако закрывала глаза на многие нарушения со стороны казаков» [5, с. 14]. Из таких ли соображений или каких-то иных, но помощник военного министра принял решение: «Не находя достаточных оснований к возбуждению против него уголовного преследования, ввиду отсутствия в действиях его корыстных побуждений и маловажности допущенных им нарушений закона, объявляю ему выговор с предупреждением на будущее время не отступать в своих действиях по наблюдению за правильным рыболовством на Дону от существующих на этот предмет законоположений и правил» [2, л. 1–1 об.].

Вероятно, такое понятие, как «конфликт интересов», было неведомо генералу А.А. Поливанову и донским чиновникам. Что же касается Миронова, то он явно видел свой долг в борьбе с любыми нарушителями интересов Тихого Дона, к какому бы сословию они ни принадлежали. Возможно, поэтому ему пришлось уйти с должности помощника смотрителя 13 сентября 1909 г. (эту дату он назвал на следствии как время окончания своей службы). К сожалению, генерал Шебеко не спросил Миронова (по крайней мере, для протокола) о причинах оставления должности. Не задал он и вопроса о связи подьесаула с печатными выступлениями в «Русском знамени». Нам представляется, что обе статьи под псевдонимом Проезжий могли быть написаны самим Мироновым — в пользу этого говорит глубокое знание предмета и использование при публикации служебной документации. Правда, политическая позиция правомонархической газеты не совпадала с демократическими взглядами самого Миронова, но последний мог исходить из того, что общественные интересы выше партийных разногласий.

После этого в доступных нам документах рыболовной инспекции упоминаний о Миронове обнаружить не удалось, только с 1913 г. они идут непрерывным потоком. Официально он по-прежнему числится «временно исполняющим должность помощника», но начальство нередко опускает этот эпитет. В феврале 1913 г. новый смотритель Рябов докладывает войсковому наказному атаману, что «из рапорта от 9 сего февраля за № 45, представленного помощником моим подьесаулом Мироновым, выяснилось, что 9 сего же февраля разездом вверенной мне команды, состоявшим из приказного Махина и казака Казьмина, высланным для охраны заповедных вод залива Азовского моря, было обнаружено хищное рыболовство. При задержании хищников, уходивших на 2 конных подводах, разезд принуждён был обратиться к помощи огнестрельного оружия и сделал 2 винтовочных выстрела, после которых одна подвода была задержана и в санях оказалось 6 мокрых сетей, семень [лом для скалывания льда во время зимней рыбалки], лопата, тягло и вилки. Задержанные хищники обнаружили и личность хищников, ушедших на второй подводе. Все они привлекаются к уголовной ответственности. Никто из хищников не ранен» [6, л. 11–11 об.].

Вслед за тем у команды Миронова произошёл ещё более серьёзный конфликт с местными рыболовами. Как докладывал в областное правление новый смотритель войсковой старшина Рябов, «из протокола от 3 марта сего года за № 70, представленного помощником моим подьесаулом Мироновым, выяснилось, что он 2 сего марта, находясь в разъезде с казаками вверенной мне команды Казьминым Михаилом, Луганцевым Иваном, Володиным Михаилом, Буровым Федулом, Полубояровым Григорием, Кожановым Иваном и вольнонаёмным Махиным Иваном, заметили на высоте хутора [повр.] хищников, производивших рыболовство сетями, увидя приближение разъезда, они быстро выбрали снасти и стали уходить по направлению к д. Куричьа Коса. По уходившим хищникам казаком Казьминым было произведено 17 винтовочных выстрелов. Так как разезд был разде-

лён на две партии, то вследствие сильного тумана две подводы хищников наскочили на второй разъезд; окрикнутые им подводы продолжали уходить; по уходившим хищникам разъездом было выпущено 2 винтовочных и 7 револьверных патронов, после которых хищники отпрягли лошадей и верхом ушли в открытое море, скрывшись в тумане. На месте рыболовства был обнаружен невод, затопленный в ополонках [укр. отверстие, прорубленное во льду замёрзшего водоёма], прогон, вилка, 2 вентера и 2 саней, всё это было конфисковано. Результаты стрельбы неизвестны» [6, л. 81].

А уже через несколько дней происходит большое столкновение не только с самими браконьерами, но и с активно поддерживавшим их местным населением. Как докладывал смотритель Рябов, «из протокола от 8 марта сего года за № 77, представленного помощником моим подьесаулом Мироновым, видно, что он под 8 сего же марта около 3 часов утра, находясь в разъезде с казаками вверенной мне команды Николаем Харлановым и Иваном Кожановым, обнаружил ночное рыболовство плавными сетями в р. Дон под хуторами Колузаевым Елисаветовской станицы и Кумженским Гниловской станицы; часть рыболовов была задержана, а большинство скрылось в хуторе Колузаевом. При задержании последнего каюка с 2 хищниками и угрозе о стрельбе в случае неисполнения требования об остановке, они, не обращая внимания, продолжали уходить, кричали, чтобы быть услышанными собравшеюся толпою: „грабители“ и т. п. Не имея возможности догнать, подьесаул Миронов произвёл предупредительный выстрел, но это хищников не остановило, а расстояние между ними и разъездом увеличивалось. Высаженный на берег казак Харланов произвёл выстрел из винтовки, после которого хищники, бросив каюк, соскочили на берег и побежали в сторону. Поддержанные затем толпою человек в 30, хищники бросились к казаку Харланову, бывшему уже у их каюка, причём один из них схватился за винтовку, почему Харланов, вырвав винтовку, вынужден был отразить нападение хищника прикладом её. Толпа разбежалась только тогда, когда подьесаул Миронов выскочил на берег на помощь казаку. В каюке хищников оказалось четыре живых белезни [другое название — жерех, рыба семейства карповых] крупных размеров и мокрые сетки; всё это было конфисковано. При отъезде от берега подьесаул Миронов подвергся массовому словесному оскорблению, пересыпанному самыми площадными словами брани по его адресу. Результаты стрельбы неизвестны» [6, л. 78–79].

Сам Миронов отнёсся к данному происшествию очень серьёзно, увидев в этом «оскорбительный для казачьей семьи случай», и просил установить и наказать виновных. Старший помощник войскового наказного атамана откликнулся на его обращение и потребовал «произвести строгое расследование для выяснения виновных, оказавших сопротивление разъезду рыболовной полиции под командой подьесаула Миронова, нанёсших грубое оскорбление на словах» [6, л. 12–12 об.]. Выяснилось, что при столкновении присутствовал арендовавший местную тоню войсковой старшина Фомин, который был допрошен. Он, однако, заявил, что, хотя и находился неподалёку, только «слышал вдали выше тони брань по адресу разъезда, но кто бранился из хутора Колузаева, я за дальностью расстояния указать не могу» [6, л. 85]. Уже в конце октября 1913 г. областное правление закрыло дело, признав, что, «несмотря на строгое расследование, установить виновных, оказавших сопротивление разъезду рыболовной команды подьесаула Миронова и нанёсших последнему грубые оскорбления на словах, не представляется возможным» [6, л. 87].

Летом 1913 г. смотритель Рябов отчитался перед правлением, что «из протокола от 9 июня сего года, представленного помощником моим подьесаулом Мироновым, выяснилось, что казаки вверенной мне команды: Казьмин, Молдованов, Башмаков и Фильцов 7 сего же июня заметили против станицы Ольгинской массовое хищное рыболовство сетями. Хищники, увидя приближающийся к ним разъезд, стали уходить к берегу и собрав часть снастей, скрылись в луговой поросли. На берегу было обнаружено 5 сетей, 8 пар бабаек [уключин], 7 вёсел и 14 каюков. При преследовании их разъездом было произведено 2 винтовочных и 6 револьверных выстрелов. Результаты стрельбы неизвестны» [6, л. 38–38 об.]. Сам Миронов непосредственно в столкновении не участвовал, но составил рапорт о нём для начальства.

В том же году произошла ещё одна стычка подчинённых Миронову казаков с браконьерами, которая завершилась смертельным исходом. На этот раз дознание проводил сам Миронов. Как показал его подчинённый Яков Пузин, сделавший роковой выстрел: «Убит Самуил Подопрigора, который неоднократно задерживался в заповедных водах и слыл за хищника-сдатчика, причём неуловимого. Он всегда умело прятал концы в воду; выбрасывал сетки, рыбу, а когда разъезд задержит его,

то у него ничего нет. Стреляли по нём и в прошлом году не раз и предупреждали бросить опасный промысел. Без офицеров допустить хищников к берегу у д. Куричья Коса невозможно, потому что выходит всё окрестное население и, оказывая упорное сопротивление, уносит на руках все принадлежности хищников» [7, л. 5]. Это подтвердил и казак Михаил Казьмин: если браконьерам удаётся добраться до берега, то «всё окрестное население выскакивает на помощь и на руках уносит посуду и снасти, а казаки команды подвергаются тяжёлым оскорблениям и бросанию камнями» [7, л. 6–6 об.]. Миронов полностью согласился с подчинёнными, признав их действия оправданными обстоятельствами. Однако односельчане убитого Подопригоры с этим не согласились. Его отец подал жалобу в полицию и прокурору, а крестьянское общество Царско-Алексеевской волости вынесло на волостном сходе приговор, признававший действия подчинённых Миронова незаконными, так как крестьянин Подопригора был убит за пределами заповедных вод. Этот приговор подписали 246 крестьян. Тем не менее их претензии были всеми инстанциями отклонены, а 11 сентября 1913 г. областное правление признало, что рыболовная полиция действовала «по правилам, предусмотренным законом» [7, л. 21 об.].

В целом архивные материалы показывают, что на службе в рыболовной полиции подьесаул Миронов проявил себя как добросовестный, инициативный, бескорыстный и во многом жёсткий сотрудник, не боявшийся вступать в конфликт с руководством. Политическое недоверие к нему у власти, безусловно, сохранялось — ничем иным нельзя объяснить его пребывание на протяжении всей службы в статусе лишь временно исполняющего должность помощника смотрителя. Однако начальство не пыталось от него отделаться, ценило как сотрудника и в конфликтных ситуациях обычно принимало сторону своего прямолинейного подчинённого.

Список источников

1. Изюмский А.Б. Малоизвестная страница биографии Ф.К. Миронова // Донской временник. Год 2026-й : краевед. библиограф. журн. Ростов н/Д.: Донская гос. публ. б-ка, 2025. С. 163–169.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 301. Оп. 6. Д. 2177.
3. ГАРО. Ф. 301. Оп. 6. Д. 2096.
4. ГАРО. Ф. 301. Оп. 6. Д. 2170.
5. Мининков Н.А. «Выскачка из мужиков, разбогатевший кулак»: столичный журналист о Ростове конца XIX в. // Восемнадцатые Константиновские краеведческие чтения им. А. Кошманова. Ростов н/Д.: Альтаир, 2026. С. 5–14.
6. ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Д. 3962.
7. ГАРО. Ф. 301. Оп. 7. Д. 4000.

References

1. Izyumsky A.B. A little-known page of the biography of F.K. Mironov. *Don almanac. Year 2026*. Local History Library-Bibliographic Journal. Rostov-on-Don: Don State Public Library; 2025:163-169. (In Russ.).
2. *State Archive of Rostov Region* (hereinafter - SARR). Fund 301. In. 6. File 2177. (In Russ.).
3. SARR. Fund 301. In. 6. File 2096. (In Russ.).
4. SARR. Fund 301. In. 6. File 2170. (In Russ.).
5. Mininkov N.A. “An upstart from the peasants, an enriched kulak”: a capital journalist about Rostov at the end of the 19th century. *18th Koshmanov Konstantinov Local History Readings*. Rostov-on-Don: Altair; 2026:5-14. (In Russ.).
6. SARR. Fund 301. In. 7. File 3962. (In Russ.).
7. SARR. Fund 301. In. 7. File 4000. (In Russ.).

А.Б. Изюмский,
кандидат исторических наук

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-151-157>

История Республики Южная Осетия : учебник для общеобразовательных организаций / Р.С. Бзаров (отв. ред.), Ю.С. Гаглойти, Р.Х. Гаглойти, И.Ю. Гаглоева, М.К. Джиоев, К.П. Пухаев. Цхинвал: Глобус, 2024. 328 с.

Валерий Дударович Дзидзоев

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия
dzidzoevv@mail.ru

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. — История Республики Южная Осетия : учебник для общеобразовательных организаций / Р.С. Бзаров (отв. ред.), Ю.С. Гаглойти, Р.Х. Гаглойти, И.Ю. Гаглоева, М.К. Джиоев, К.П. Пухаев. Цхинвал: Глобус, 2024. 328 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 151–157. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-151-157>

Book Review

Bzarov R.S., Gagloiti Yu.S., Gagloiti R.Kh., Gagloeva I.Yu., Dzhioev M.K., Pukhaev K.P. History of the Republic of South Ossetia. Textbook for General Education Institutions. Tskhinval: Globe; 2024. 328 p.

Valery D. Dzidzoev

Tibilov South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia
dzidzoevv@mail.ru

For citation: Dzidzoev V.D. - Bzarov R.S., Gagloiti Yu.S., Gagloiti R.Kh., Gagloeva I.Yu., Dzhioev M.K., Pukhaev K.P. History of the Republic of South Ossetia. Textbook for General Education Institutions. Tskhinval: Globe; 2024. 328 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):151-157. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-151-157>

По истории Южной Осетии до сих пор нет фундаментальных академических изданий, в которых, разумеется, нуждается широкая общественность и научное сообщество. Авторы книги «История Республики Южная Осетия» проделали большой и важный труд и в этом плане заслуживают огромного уважения. В предисловии они правильно подчеркивают: «Достойный человек не может существовать, не зная прошлого своей родины, своего народа» [1, с. 3]. Действительно, он обязан знать и прошлое, и настоящее своего народа без искажений и без всякой конъюнктуры. В двенадцати главах рассказывается и о древнейшем населении Южной Осетии, и о суверенной Южной Осетии в составе Русского мира. Здесь широкая общественность и специалисты-исследователи найдут много интересного, актуального и, что самое главное, совершенно нового, даже «оригинального». Досадны лишь отдельные ошибочные утверждения авторского коллектива, не подкрепленные документами и другими первоисточниками.

Встречаются и мифические утверждения. Так, авторы утверждают, что «Алания-Осетия эпохи горных обществ — это конфедерация самоуправляющихся областей единой страны. Сохраняя свою независимость, общества объединялись для войны или важных переговоров» [1, с. 87]. Во-первых, в тот период нельзя называть Аланию-Осетию конфедерацией, так как это — форма государственного устройства, где функционируют единые централизованные органы управления. Во-вторых, трудно поверить в то, что в рассматриваемый период Алания-Осетия «была независимой». Речь идет о

позднем Средневековье, а в те годы предки современных осетин давно уже потеряли всякие формы государственности. Кроме того, представляет большой интерес характеристика И.А. Гюльденштедта. Он хорошо ориентировался в местностях Осетии XVIII в., прожив там определенное время по заданию Петербургской академии наук. Ученый и путешественник собирал интересные данные о жизни и быте осетин, культуре взаимоотношений не только с грузинами, но и между представителями осетинских обществ разных ущелий. «Главной отличительной чертой Осетии конца XVIII в. Г. [Гюльденштедт] назвал ее раздробленность» [2, с. 163]. На наш взгляд, это убедительная и объективная оценка состояния Осетии того периода. Далее И.А. Гюльденштедт подчеркивает, характеризуя взаимоотношения разных осетинских обществ: «Более или менее независимые друг от друга округа [Осетии] не держатся вместе, а живут отдельно, даже в открытой вражде, осложняя и без того свою суровую жизнь» [Цит. по: 2, с. 163–164]. Конечно, он мог и ошибаться, но некоторые другие путешественники XVIII в. тоже отмечали те же характерные черты, свойственные Осетии, включая вражду осетин друг с другом.

В частности, русский офицер Л. Штедер знал хорошо эту страну и писал, что «пещеры, суровые горы и непроходимые места были теперь покинуты, но их [осетин] старые привычки последовали за ними в долину. Все, что не находилось с ними в союзе, все, что не относилось ни к их селению, ни к их округу, считалось ими чуждым — и они относились ко всему этому враждебно. Они вредили друг другу взаимными набегами, отделялись друг от друга, прекращали сношения, и это враждебное отдаление поддерживалось во все время их варварства» [Цит. по: 3, с. 31]. Будучи образованным и максимально внимательным к происходящим событиям, он даже попытался объяснить причины этого. В «Дневнике» Л. Штедера можно найти наряду с интересным и даже оригинальным материалом описание достаточно темных сторон жизни наших предков. В осетинском обществе XVIII в. нормальным и естественным считались набеги представителей одного ущелья на представителей другого ущелья. Они сопровождались не только насилием, исключительной враждебностью, но и убийствами отдельных соплеменников и уводом их в плен в качестве рабочей силы.

В-третьих, авторы рецензируемой книги обязаны были привести хотя бы один-два примера «объединения горных обществ Алании-Осетии для войны и важных переговоров». Учащимся средних школ и широкой научной общественности небезынтересно будет знать, когда их предки и с кем воевали, какие «важные переговоры» от имени всей Алании-Осетии велись, когда и с кем? Забавно было бы узнать и конкретные результаты этих «важных переговоров», о которых авторы загадочно и многозначительно промолчали, так как не было, на наш взгляд, никаких «важных переговоров» от имени всей Осетии или «войны». А с кем так называемая конфедерация горных осетин воевала в указанный период и чем это закончилось? Вероятно, это — плод фантазии авторского коллектива. В рецензируемой книге и без этого много проблемных и дискуссионных утверждений, сомнительных версий. Утверждения, не подтвержденные историческими документами и фактами, заслуживают более серьезного внимания, критического, подлинно научного осмысления происходивших событий в недалеком прошлом осетинского народа. Это считается, по нашему мнению, более серьезной задачей, чем может показаться неосведомленному в вопросах истории обывателю.

Авторы пособия анализируют период позднего Средневековья Алании-Осетии, при этом пишут «о безгосударственном периоде XV–XVIII вв.». Однако далее они отмечают, что «тогда политической формой существования горной Алании-Осетии была конфедерация самоуправляющихся обществ. Она сохранила территориальные связи, общую систему перевальных дорог, традиции военного и внешнеполитического единства. Независимость позволила Алании-Осетии установить дипломатические отношения и провести прямые переговоры с Российской империей» [1, с. 262]. В этом утверждении имеется несколько, на наш взгляд, ошибочных версий, в которых вряд ли учащиеся средних школ смогут разобраться. Во-первых, формулировки «о безгосударственном периоде» и «горная Алания-Осетия была конфедерацией самоуправляющихся обществ» противоречат друг другу. Ведь конфедерация — форма государственного управления. Во-вторых, с учетом того, что данная книга в качестве учебника предназначена учащимся средних школ, желательнее было бы более убедительное пояснение традиций осетинского общества в вопросах «военного и внешнеполитического единства». Хорошо бы привести хотя бы один конкретный пример вместо неподтвержденных историческими документами и фактами рассуждений о «независимости», «конфедеративном государстве», которого фактически не было, и прочих явно надуманных преимуществах и достижениях той Алании-Осетии. Однако авторы

приспосабливаются своей собственной уязвимой, с точки зрения исторической науки, концепции истории Алании-Осетии эпохи горных обществ, которую порой трактуют, по нашему мнению, с существенными ошибками, поверхностными рассуждениями, рассчитанными в первую очередь на осетинских ура-патриотов. Ведь она предназначена в первую очередь для учителей истории и учащихся.

Здесь же авторы утверждают, что «в XVIII в. политическая независимость единой Алании-Осетии послужила основой ее присоединения к России» [1, с. 262]. А как быть с тем, что именно в этот период северная часть Осетии в значительной степени находилась в подчинении у кабардинских князей и крупных землевладельцев, а Южная Осетия в значительной своей части пребывала в еще большей зависимости у грузинских князей Мачабели, Херхеулидзе, Палавандишвили, Туманишвили, Эристава и др. Осетия не могла быть свободной, так как крепостных крестьян было много. Эти и многие другие моменты, которые по объективным причинам не могут быть указаны в одной рецензии, вынуждают задавать слишком много вопросов. Как на них учитель истории в средней школе должен отвечать ученикам? Тем более что отдельные эпизоды зависимости крестьян Южной Осетии от грузинских князей и землевладельцев изложены Л.А. Чибировым, Е.А. Джигоевой, З.Н. Ваневым, Г.Д. Тогошвили [4–6]. Факты убедительно свидетельствуют, что крестьянство Южной Осетии оказалось под влиянием разных грузинских князей. Они беспощадно эксплуатировали и держали в полном повиновении не только осетинских, но и грузинских крестьян. Князья и землевладельцы пытались всех крестьян превратить в своих собственных крепостных, чтобы владеть ими как недвижимым имуществом. Из-за этого очень часто вспыхивали крестьянские бунты и восстания. Тем не менее князьям удавалось восставший народ силой оружия подавлять — и все возвращалось к прежним крепостным порядкам. А вот авторы представляемой книги почему-то считают Южную Осетию того периода «свободной» и «независимой». Что касается северных осетин, то они ежегодно платили дань кабардинским князьям и крупным землевладельцам, все это изложено в отечественной историографии [7–13].

В рецензируемом учебнике утверждается, что «в V в. аланы вместе с гуннами неоднократно вторгались в соседние страны Закавказья. Там шли столкновения между Ираном и Византией, правители которых стремились подчинить себе Иберию, Армению и Албанию» [1, с. 55]. Здесь у учащихся может возникнуть резонный вопрос: о какой Албании идет речь? Была Кавказская Албания, которой сейчас уже нет, а есть современная Албания в центре Европы. Авторам следовало пояснить эту «мелочь». Кроме того, необходимо было, по нашему убеждению, некоторые вопросы и отдельные сюжеты раскрыть подробнее, доходчивее, более простым языком, чтобы даже неподготовленному ученику школы было понятно.

«В V в. аланы создали два королевства на землях нынешней Франции и еще одно в союзе с германцами-вандалами в Северной Африке. Аланские короли Гоар, Сангибан, Аддан остаются героями европейской истории. Только во Франции и Италии известно три сотни городов и селений с аланскими названиями» [1, с. 49]. Если аланы действительно создавали в европейских странах и Северной Африке целые королевства, то почему не называются их исторические названия, хронологические рамки функционирования, причины расцвета и падения и т. д. Все это необходимо для большей убедительности и достоверности. Конечно же, следовало сослаться на первоисточник, подтверждающий выводы. А «имена аланских королей, которые остаются героями европейской истории» тоже почему-то поясняются весьма абстрактно, без конкретики, в неубедительно «закрытой форме». Как должен понимать учащийся средней школы Южной Осетии королевства на территории Франции и Северной Африки, которые создавались нашими предками-аланами, в какой период истории это имело место, какие народы входили в состав этих средневековых национально-государственных образований и т. д.? Такие вопросы могут и должны задавать учащиеся школы. Можно же было привести хотя бы один конкретный пример, подтверждающий, что «аланские короли остаются героями европейской истории», два-три примера «названий городов и селений с аланскими названиями во Франции и Италии». В этом случае было бы намного понятнее, о чем идет речь.

Анализ некоторых вопросов истории Осетии XVIII в. позволяет усомниться в объективности авторского коллектива. Так, утверждается, что «уже к середине XVIII в. горная Алания-Осетия превратилась в густонаселенную страну» [1, с. 107]. О густонаселенности Осетии, тем более в XVIII–XIX вв., на наш взгляд, не приходится говорить в силу нескольких причин. Во-первых, в тот период о населении и его численности можно было говорить только достаточно условно, приблизительно, с

чьих-то слов, без переписей и социологических опросов. Во-вторых, в 1742 г. грузинский архиепископ Иосиф и архимандрит Николай в донесении императрице Елизавете Петровне действительно писали, что «осетин признаваем быть по исчислению обоих полов более 200 тысяч душ» [Цит. по: 14, с. 20]. Эти данные со ссылками на Центральный государственный архив древних актов использовал М.М. Блиев, один из лучших знатоков русско-осетинских отношений. Грузинские религиозные деятели называли Осетию «многолюдственным краем» [14, с. 20]. Следует добавить, что в 1750 г. представитель Осетии в Петербурге на русско-осетинских переговорах заявил в Сенате, что Осетия может выставить 30-тысячную армию [14, с. 20]. По нашему мнению, этот цифровой материал носил явно субъективный характер, когда авторы желаемое выдавали за историческую истину. В-третьих, здесь М.М. Блиев и сам считает «эти данные, безусловно, преувеличением» [14, с. 20]. Тем более что в конце XVIII — начале XIX в. численность населения Осетии сократилась, в основном из-за эпидемии чумы. М.М. Блиев со ссылками на архивные документы приводит в высшей степени интересные данные относительно численности осетин, которых насчитывалось в конце XVIII в. 35,75 тыс., в 1826 г. — 20,2 тыс., а в 1831 г. — 16 тыс. чел. [14, с. 21]. На фоне этих более-менее проверенных данных остается непонятным и даже загадочным, каким образом «к середине XVIII в. горная Алания-Осетия превратилась в густонаселенную страну»?

Одна из самых серьезных ошибок в рецензируемой книге нам видится в убеждении авторов, что Осетия, будучи якобы «свободной страной», да еще и «конфедерацией», что не соответствует исторической правде, как «единое целое присоединилась в 1774 г. к Российской империи» [1, с. 119, 121, 123]. Проблема состоит в том, что Осетия входила в состав Российской империи отдельными частями в разные периоды. Установлено, что Северная Осетия присоединилась к Российской империи в 1774 г., и то поэтапно: Тагаурия (Тагаурское общество Северной Осетии) — в 1770 г., а Дигория (Дигорское общество) — только в 1781 г. [15, с. 222]. Однако в историографии считается, что для Северной Осетии датой присоединения является 1774 г. [13, с. 196]. В то же время Южная Осетия в силу объективных причин не могла участвовать в этом сложном и порой противоречивом процессе во второй половине XVIII в. Раньше грузинских земель она никак не могла присоединиться к великой северной державе. Действительно, южные осетины в массе своей сопротивлялись грузинским князьям, землевладельцам, мужественно и отчаянно боролись против них, неоднократно поднимали народные бунты и крупные восстания против гнета грузинских властей. Все это известно в историографии Кавказа, тем не менее Картли-Кахетинское царство считало ее своей частью. Именно поэтому осетины Южной Осетии никак не могли ни объединиться с Северной Осетией, ни тем более совместно с братьями-северянами вступать в состав Российской империи. В этом отношении современные публицисты и историки, не говоря уже о журналистах, непросто часто допускают серьезные ошибки, когда утверждают, что «единая Осетия добровольно вступила в 1774 г. в состав Российской империи». Именно так пишут не только в газетах и журналах Северной и Южной Осетии [16–25], но и в некоторых научных изданиях [4, 26]. Из-за сложившейся за многие годы ошибочной версии так считают и профессиональные историки, кандидаты и доктора исторических наук. Например, в 1988 г. был издан фундаментальный научный труд в двух томах [27, 28], подготовленный большим авторским коллективом, куда входили самые авторитетные и признанные на то время ученые республик Северного Кавказа. В первом томе подчеркивается, что «Осетия добровольно присоединилась к России в 1774 г.» [27, с. 513], а во втором — «в 1774 г. в состав России вошла Северная Осетия» [28, с. 570]. Из-за столь несерьезного и поверхностного отношения к таким фактам искажается история.

В более солидных с научной точки зрения исследованиях, на наш взгляд, правильно отмечается раздельное вхождение территории Осетии в состав Российской империи. Так, в Советской исторической энциклопедии подчеркивается, что «в конце XVIII в. Северная Осетия присоединилась к России» [29, с. 642–643]. На основе анализа исторических документов, в том числе и архивных, такого же мнения придерживался Г.Д. Тогоев (Тогошвили) [30, с. 277]. З.Н. Ванеев отмечал, что Южная Осетия присоединилась к Российской империи в 1801 г. вместе с Восточной Грузией [31, с. 13, 16]. Л.А. Чибиров также считает, что «практическое вхождение южных осетин в состав Российской империи произошло после присоединения Восточной Грузии к России, в 1801 г. Во вновь образовавшиеся Тифлисскую и Кутаисскую губернии (уезды Горьинской, Душетской, Рачинской и Тианетской) вошло практически все население Южной Осетии» [32, с. 4–5].

Таким образом, в нескольких актуальных и недостаточно разработанных проблемах истории Осетии авторский коллектив допускает традиционные, но ошибочные выводы, которые оставляют неприятный осадок по нескольким причинам. Во-первых, ошибочные версии нужно вовремя исправлять, а то получается переход их из одного издания в другое. Во-вторых, рецензируемая книга адресована в первую очередь учителям истории и учащимся средних школ. Остается только сожалеть, что их будут учить, как мы считаем, по фальсификационной версии истории Осетии и в целом России. В-третьих, непонятно, почему данная книга не прошла соответствующей апробации еще в рукописном варианте, т. е. до выхода в свет. Подобные недостатки и зачастую откровенные ошибки портят впечатление от красиво оформленного издания тиражом 1400 экземпляров.

Список источников

1. История Республики Южная Осетия : учебник для общеобразовательных организаций / Р.С. Бзаров (отв. ред.), Ю.С. Гаглойти, Р.Х. Гаглойти, И.Ю. Гаглыева, М.К. Джиоев, К.П. Пухачев. Цхинвал: Глобус, 2024. 328 с.
2. Осетинская этнографическая энциклопедия / сост. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2013. 688 с.
3. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) / сост., введ. ст. и примеч. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. 319 с.
4. Джиоева Е.А. Будущее осетинского народа в составе России // Изв. Юго-Осетинского науч.-исслед. ин-та им. З.Н. Ванеева. 2009. Вып. 38. С. 168–173.
5. Ванеев З.Н. Южные осетины в первой половине XIX в. // Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т. 1 : История южных осетин до образования Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси: Наука, 1985. С. 167–173.
6. Тогошвили Г.Д. Южные осетины в XVIII в. // Очерки истории Юго-Осетинской автономной области. Т. 1 : История южных осетин до образования Юго-Осетинской автономной области. Тбилиси: Наука, 1985. С. 107–119.
7. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 2. 465 с.
8. Скитский Б.В. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. 1 : С древнейших времен до 1917 г. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1956. 377 с.
9. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Владикавказ: Евразия, 2009. 201 с.
10. Кокиев Г.А. Распад Кабарды на Большую и Малую и установившиеся отношения с соседними народами // История Кабардино-Балкарии в трудах проф. Г.А. Кокиева : сб. ст. и док. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 198–206.
11. Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 614 с. EDN: ZSJIEZ.
12. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней : в 2 т. Т. 1 : История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1967. 482 с.
13. История Северо-Осетинской АССР: с древнейших времен до наших дней : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Орджоникидзе: Ир, 1987. Т. 1. 528 с.
14. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Ир, 1970. 438 с.
15. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. : учебник для старших классов средних школ. Владикавказ: Ир, 2000. 354 с. EDN: VXAKNH.
16. Кабалоев Б.Е. 50-летие СОАССР и 200-летие добровольного присоединения Северной Осетии к России // Бетоева М.Д., Донченко А.В. Лидер Билар Кабалоев (к 100-летию со дня рождения). Владикавказ: Алфавит, 2019. С. 62–65.
17. Кабалоев Б.Е. 50-летие СОАССР и 200-летие добровольного присоединения Северной Осетии к России // Социалистическая Осетия. 1974. 28 сент.
18. Кабалоев Б.Е. Интервью по вопросу 50-летия СОАССР и 200-летия добровольного присоединения Северной Осетии к России // Огонек. 1974. № 40. С. 28.

19. Остаев С. Присоединение Осетии к России – событие эпохального значения // Республика (республиканская газета РЮО). 2024. № 45. С. 7.
20. Бзаров Р. О том, как Алания присоединилась к России и почему стала называться Осетией // Республика. 2024. № 45. С. 8.
21. Джуссоева Н. Историческая правда или вымысел // Правда. 2024. 1 окт.
22. История длиною в сотню лет // Северная Осетия. 2024. 17 окт.
23. Базиева Л. Восторг и торжество! // Северная Осетия. 2024. 11 окт.
24. Чеджемов С. Осетия – в семье народов России // Северная Осетия. 2024. 5 сент.
25. Кабисова З. Так было, есть и будет! // Северная Осетия. 2024. 28 окт.
26. Тибилова А.С. Концепция восстановления и развития Республики Южная Осетия – Хуссар Ирыстон. Цхинвал: Южная Алания, 2005. 517 с.
27. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 544 с.
28. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
29. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. Т. 10 : Нахимсон – Пергам / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1039 с.
30. Тогошвили Г.Д. Избранные труды по кавказоведению : в 2 т. Владикавказ: Ир, 2014. Т. 2. 473 с.
31. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Южной Осетии. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1956. 458 с.
32. Чибиров Л.А. Южная Осетия в XIX – начале XX в. : учеб. пособие для учащихся общеобразовательных школ Республики Южная Осетия. Цхинвал; Владикавказ, 2014. 163 с.

References

1. Bzarov R.S., Gagloity Yu.S., Gagloity R.Kh., Gagloyeva I.Yu., Dzhioev M.K., Pukhaev K.P. *History of the Republic of South Ossetia*. Textbook for general education organizations. Tskhinval: Globe; 2024. 328 p. (In Russ.).
2. Chibirov L.A., comp. *Ossetian ethnographic encyclopedia*. Vladikavkaz: Project-Press; 2013. 688 p. (In Russ.).
3. Kaloev B.A., comp. *Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers (13th-19th centuries)*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House; 1967. 319 p. (In Russ.).
4. Dzhioeva E.A. The future of the Ossetian people within Russia. *Bulletin of the Vaneev South Ossetian Research Institute*. 2009;(38):168-173. (In Russ.).
5. Vaneev Z.N. South Ossetians in the first half of the 19th century. *Essays on the history of the South Ossetian Autonomous Region. Vol. 1: History of South Ossetians before the formation of the South Ossetian Autonomous Region*. Tbilisi: Science; 1985:167-173. (In Russ.).
6. Togoshvili G.D. South Ossetians in the 18th century. *Essays on the history of the South Ossetian Autonomous Region. Vol. 1: History of South Ossetians before the formation of the South Ossetian Autonomous Region*. Tbilisi: Science; 1985:107-119. (In Russ.).
7. Bronyevsky S. *Latest geographical and historical news about the Caucasus*. Moscow: Selivanovsky Printing House; 1823, part 2. 465 p. (In Russ.).
8. Skitsky B.V. *Reader on the history of Ossetia. Part 1: From Ancient times to 1917*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House; 1956. 377 p. (In Russ.).
9. Skitsky B.V. *Essays on the history of the Ossetian People from Ancient times to 1867*. Vladikavkaz: Eurasia; 2009. 201 p. (In Russ.).
10. Kokiev G.A. The disintegration of Kabarda into Greater and Lesser and the established relations with neighboring peoples. *History of Kabardino-Balkaria in the works of Prof. G.A. Kokiev*. Collection of articles and documents. Nalchik: El-Fa; 2005:198-206. (In Russ.).
11. Unezhev K.Kh. *History of Kabarda and Balkaria*. Nalchik: El-Fa; 2005. 614 p. (In Russ.). EDN: ZSJIEZ.
12. *History of the Kabardino-Balkarian ASSR from Ancient times to the present day*. In 2 vols. Vol. 1: *History of the Kabardino-Balkarian ASSR from Ancient times to the Great October Socialist Revolution*. Moscow: Science; 1967. 482 p. (In Russ.).

13. *History of the North Ossetian ASSR: from Ancient times to the present day*. In 2 vols. 2nd ed., rev. and exp. Ordzhonikidze: Ir; 1987, vol. 1. 528 p. (In Russ.).
14. Bliev M.M. Russian-Ossetian relations (1740s-1830s). Ordzhonikidze: Ir; 1970. 438 p. (In Russ.).
15. Bliev M.M., Bzarov R.S. *History of Ossetia from Ancient times to the end of the 19th century*. Textbook for senior classes of secondary schools. Vladikavkaz: Ir; 2000. 354 p. (In Russ.). EDN: VXAKNH.
16. Kabaloev B.E. 50th anniversary of the NOASSR and 200th anniversary of the voluntary accession of North Ossetia to Russia. Betoeva M.D., Donchenko A.V. *Leader Bilar Kabaloev (on the 100th anniversary of his birth)*. Vladikavkaz: Alphabet; 2019:62-65. (In Russ.).
17. Kabaloev B.E. 50th anniversary of the NOASSR and 200th anniversary of the voluntary accession of North Ossetia to Russia. *Socialist Ossetia*. 1974. 28th September. (In Russ.).
18. Kabaloev B.E. Interview on the 50th anniversary of the NOASSR and 200th anniversary of the voluntary accession of North Ossetia to Russia. *Little Flame*. 1974;(40):28. (In Russ.).
19. Ostaev S. The accession of Ossetia to Russia – an event of epochal significance. *Republic* (Republican newspaper of the Republic of South Ossetia). 2024;(45):7. (In Russ.).
20. Bzarov R. On How Alania joined Russia and why it became called Ossetia. *Republic*. 2024;(45):8. (In Russ.).
21. Dzhussoeva N. Historical truth or fiction. *Truth*. 2024. 1st October. (In Russ.).
22. A history a hundred years long. *North Ossetia*. 2024. 17th October. (In Russ.).
23. Bazieva L. Delight and triumph! *North Ossetia*. 2024. 11th October (In Russ.).
24. Chedzhemov S. Ossetia - in the family of peoples of Russia. *North Ossetia*. 2024. 5th September. (In Russ.).
25. Kabisova Z. So it was, is, and will be! *North Ossetia*. 2024. 28th October. (In Russ.).
26. Tibilova A.S. *Concept of restoration and development of the Republic of South Ossetia - Khussar Iryston*. Tskhinval: South Alania; 2005. 517 p. (In Russ.).
27. Piotrovsky B.B., ed. *History of the peoples of the North Caucasus from Ancient times to the end of the 18th century*. Moscow: Science; 1988. 544 p. (In Russ.).
28. Narochitsky A.L., ed. *History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century - 1917)*. Moscow: Science; 1988. 659 p. (In Russ.).
29. Zhukov E.M., ed. *Soviet historical encyclopedia*. In 16 vols. Vol. 10: *Nakhimov – Pergam*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1967. 1039 p. (In Russ.).
30. Togoshvili G.D. *Selected works on Caucasian studies*. In 2 vols. Vladikavkaz: Ir; 2014, vol. 2. 473 p. (In Russ.).
31. Vanev Z.N. *The peasant question and peasant movement in South Ossetia*. Stalinir: State Publishing House of South Ossetia; 1956. 458 p. (In Russ.).
32. Chibirov L.A. *South Ossetia in the 19th - early 20th centuries*. Textbook for students of general education schools of the Republic of South Ossetia. Tskhinval, Vladikavkaz, 2014. 163 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Д. Дзидзоев — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Осетии и кавказоведения ЮОГУ.

Information about the author

V.D. Dzidzoev — Doctor of Science (History), Professor of the Department of the History of Ossetia and Caucasian Studies, TSOSU.

Рецензия на книгу

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-158-161>

**Кислицын С.А., Чуев С.В. Политические лидеры советского Дона. 1917–1991.
Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2025. 374 с.**

Игорь Сергеевич Зорько

Институт водного транспорта им. Г.Я. Седова — филиал Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, Ростов-на-Дону, Россия
igor.zorko@yandex.ru

Для цитирования: Зорько И.С. — Кислицын С.А., Чуев С.В. Политические лидеры советского Дона. 1917–1991. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2025. 374 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 158–161. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-158-161>

Book Review

**Kislitsyn S.A., Chuev S.V. Political leaders of the Soviet Don. 1917-1991.
Rostov-on-Don: Mini Type; 2025. 374 p.**

Igor S. Zorko

Sedov Institute of Water Transport - branch of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University,
Rostov-on-Don, Russia
igor.zorko@yandex.ru

For citation: Zorko I.S. - Kislitsyn S.A., Chuev S.V. Political leaders of the Soviet Don. 1917-1991. Rostov-on-Don: Mini Type; 2025. 374 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):158-161. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-158-161>

Сборник очерков «Политические лидеры советского Дона» посвящен презентациям биографий ведущих политических деятелей Донского региона в советский период. Ее персонажи — легальные партийно-советские руководители, осуществлявшие управленческие функции и составлявшие верхний слой политической элиты Ростовской области. Одни из них были большевистскими революционными вождями, другие — руководителями бюрократического плана, некоторые имели черты неформального харизматического характера. Авторы книги обоснованно считают, что заслуживают интереса не только те деятели, кто приобрел национальную или государственную известность, но и региональные управленческие кадры. В Донской области после окончания Гражданской войны формировалась своя квалифицированная управленческая кадровая партийно-советская субэлита. Проблема реального соотношения политического лидерства и административно-политической элиты в Донском регионе конкретно представлена в рецензируемой книге.

Партийные пленумы на всех уровнях (от партийной ячейки до политбюро) являлись официальным местом обсуждения и согласования решений. Советы депутатов с системой исполкомов представляли собой партийно-государственный механизм легитимации, законодательного закрепления и реализации намеченных партией программ и планов. Первые лица регионов советской эпохи — это в первую очередь секретари местного регионального комитета (крайкома, а впоследствии — обкома правящей партии), председатели советов и их облисполкомов, а также руководители крупных предприятий, военачальники. Но их конкретная деятельность не была в центре внимания историков и политологов.

Авторы исходят из того, что в СССР функционирование деятеля на партийном посту в области или крае всегда было связано с политическими факторами, оценками высших партийных руководителей. Однако сущность политического лидерства в регионе обусловлена личностными характеристиками конкретного обладателя соответствующих полномочий, хотя и в меньшей степени, чем в центре. Поэтому оказалось полезным освещение на основе архивных данных и воспоминаний персональных особенностей региональных руководителей, анализ разнообразных мотивов их поведения.

В партийную элиту региона в разные периоды входили крупные деятели СССР, члены и кандидаты в члены политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян, Г.К. Орджоникидзе, А.А. Андреев, С.И. Сырцов, М.С. Соломенцев, А.В. Власов, М.А. Суслов, министры Н.С. Патоличев и Б.А. Двинский. С историей нынешней Ростовской области связаны имена полководцев маршалов СССР С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова, известного ученого и организатора науки на Северном Кавказе Ю.А. Жданова, писателя с мировым именем М.А. Шолохова и других деятелей, оказавших определенное влияние на решение местных проблем.

Донские события неоднократно в отечественной истории обретали всесоюзную (всероссийскую) огласку, что, естественно, влияло на оценку в литературе эффективности работы региона и ведущих представителей политической элиты. В советское время большими тиражами издавались учебники по истории Дона с древнейших времен до наших дней, очерки истории коммунистических организаций Дона, советского Дона, г. Ростова-на-Дону, в которых личностный компонент был ограничен, деятельность партийно-советских руководителей освещалась немного.

Важно отметить, что в 1970–1980-х гг. издавались разные сборники биографических очерков [1–3], где с позиций коммунистической идеологии избирательно рассматривались донские этапы жизни таких значимых деятелей, как С.И. Гусев, С.В. Косиор, П.А. Джапаридзе, А.С. Бубнов, М.Н. Тухачевский, М.И. Калинин, И.М. Шверник, Р.С. Землячка, П.А. Богданов, В.И. Невский, И.И. Ставский, И.Д. Ченцов, А.А. Карпенко, С.Ф. Васильченко, Ф.Г. Подтелков, Б.М. Думенко, Н.П. Глебов-Авилон. Во всех этих очерках наряду с достоинствами имелись различные пробелы, связанные с влиянием на авторов политической конъюнктуры, их нежеланием раскрывать проблемные сюжеты, связанные в том числе с репрессиями 1930-х гг., а также событий, выходящих за пределы официальной истории СССР и КПСС. Некоторых донских деятелей вообще обходили вниманием, вопрос о существовании феномена региональной политической элиты абсолютно не стоял.

В постсоветских условиях стало возможным убрать из истории «фигуру умолчания», на основе открытых фондов архивов полнее стали раскрывать биографии деятелей, приоткрывать завесу над их уходом из жизни и т. п. Интерес представляют появившиеся мемуары Н.С. Патоличева и М.С. Соломенцева, в которых имеются сведения об их работе в Ростовской области. Следует отметить, что в последнее время московские издательства выпустили в свет крупные историко-биографические произведения о П.А. Богданове, А.И. Микояне, Г.К. Орджоникидзе, М.А. Шолохове, однако сюжеты донской истории в них занимают второстепенное место. Целый ряд региональных вопросов остался в тени их московской деятельности.

Достижения историографии и новые материалы архивов и были положены в основу конкретно-исторических биографических работ авторов монографии [4–11]. Здесь С.А. Кислицын и С.В. Чуев собрали воедино свои наработки о руководителях советского Дона, а также некоторые материалы других историков и краеведов. Для авторов было принципиально важно раскрыть не только основную политическую деятельность героев этой книги, но и этапы их жизни до и после ухода из власти.

В частности, в более полном объеме отражены биографические факты из жизни ведущих деятелей. В первую очередь — это биография С.И. Сырцова, который возглавил октябрьские события 1917 г. на Дону, был одним из создателей Донской республики. Он руководил зафронтовым Донбюро РКП(б) во время Гражданской войны. Подготовил реабилитацию казачества в 1925 г. и, наконец, на посту председателя Совнаркома РСФСР подверг критике И.В. Сталина за отказ от коллективного руководства, за что жестоко поплатился.

С.А. Кислицын назвал и охарактеризовал ряд других деятелей, входивших в региональную партийную элиту и возглавлявших, иногда кратковременно, областные органы партии и советов. В 1918 г. Донской советской республикой недолго руководили Ф.Г. Подтелков, И.А. Дорошев, С.Ф. Васильченко. После Гражданской войны донскую парторганизацию возглавляли М.П. Жаков, Н.Н. Колотилон, А.Г. Белобородов, С.Л. Лукашин, А.С. Бубнов, М.С. Чудов. Естественно, много внимания уделено таким видным деятелям, как А.И. Микоян, П.В. Богданов, Н.Б. Эйсмонт, А.А. Андреев, Б.А. Двинский. В данной монографии с позиций объективизма и историзма и, конечно, с учетом личного мнения самих авторов помещены дополненные очерки о биографиях репрессированных видных донских деятелей — Б.П. Шеболдаева, В.Ф. Ларина, Е.Г. Евдокимова. Без раскрытия основных этапов в жизни этих политиков невозможно понять многие проблемы в довоенной

истории Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, а в ряде случаев — и во всей истории ВКП(б)-КПСС.

Впервые охарактеризованы первые секретари Ростовского обкома партии П.И. Александрюк, П.Н. Пастушенко, оставившие свой позитивный след в истории Дона. Отражена противоречивая работа сподвижника Н.С. Хрущева — А.И. Кириченко, В.В. Скрыбина и Г.Д. Неронова, незадачливого А.В. Басова, причастного к событиям в Новочеркасске 1962 г. Особо выделяется очерк о долгожителе донской политической элиты, видном партийно-государственном деятеле И.А. Бондаренко, эффективно и продуктивно руководившем областью 18 лет.

Много новых конкретных фактов содержится в очерках С.В. Чуева о заметных деятелях партии периода перестройки, прежде всего о А.В. Власове, Б.М. Володине. Впервые дан материал о последних первых секретарях Ростовского обкома КПСС Б.М. Володине и В.Т. Суслине, что является важной составляющей политической истории области, партийных организаций Донского региона. Пристально рассматривается биография партийного деятеля второго плана В.Ф. Чуба, который на заключительном этапе перестройки вышел на ведущие позиции и в итоге возглавил Ростовскую область в качестве главы администрации — губернатора.

Однако имена первых лиц не исчерпывают список верхушки региональной политической субэлиты. По этой причине авторы включили в тексты очерков данные по другим членам руководства, в частности по председателям облисполкомов Н.Д. Пивоварову, Л.А. Иванченко. Без изучения жизнедеятельности таких представителей партийной элиты сложно разобраться в проблемах партийных и советских организаций Ростовской области. На наш взгляд, было бы полезно осветить во втором издании работы деятельность всех председателей облсоветов и облисполкомов, первых секретарей горкома КПСС Ростова-на-Дону и председателей горсовета и горисполкома. Очевидно, что эти пласты исторического знания нуждаются в новом осмыслении.

Кроме того, показан большой личный вклад первых лиц в историю Ростовской области с момента ее основания в 1937 г., в том числе в разгром немецко-фашистских захватчиков, послевоенное восстановление, строительство так называемого развитого социализма, периода перестройки и финала советского этапа.

Современные Ростов-на-Дону и Ростовская область сохранили память о советском периоде развития региона, Гражданской и Великой Отечественной войнах на территории Дона, возведении Ростсельмаша, строительстве Волго-Донского канала, Атоммаша, АЭС, ГПЗ и др. На этом пути были и победы, и ошибки, и даже трагические просчеты, как в Новочеркасске в 1962 г. Каждый руководитель области внес свою лепту в осуществление политической линии правящей партии, направленной на становление, укрепление социализма — общества социальной справедливости. Лучшим партийно-советским лидерам в городе и области установлены памятники, мемориальные доски. В парке им. Октябрьской Революции Ростова-на-Дону стоит памятник И.А. Бондаренко, который успешно руководил областью на посту первого секретаря Ростовского обкома КПСС.

В заключение следует отметить, что в книге имеется посвящение И.Г. Кислицыной, известному педагогу и историку донского образования, кандидату исторических наук, автору двух монографий.

Сборник очерков С.А. Кислицына и С.В. Чуева восполняет определенные пробелы в системе исторических знаний о политической истории Ростовской области. Представляется, что в этом качестве книга будет полезна всем, кто интересуется историей Отечества и Донского региона.

Список источников

1. Соратники Ленина на Дону : очерки / сост. Н.Я. Емельяненко. 2-е изд. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1980. 144 с.
2. Наследники Прометея. Очерки о профессиональных революционерах Дона / авт. кол. П. В. Барчугова [и др.]. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1977. 208 с.
3. Люди земли Донской / сост. И. Д. Демченко. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1983. 320 с.
4. Кислицын С.А. Легендарные судьбы донской истории: М. Шолохов, Ю. Жданов, С. Сырцов. Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. 548 с.

5. Кислицын С.А. Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин, деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2022. 512 с.
6. Власть на Дону: от первого атамана до первого губернатора : крат. ист. очерки / А.И. Козлов, А.А. Козлов, С.А. Кислицын [и др.]. Ростов н/Д.: Избир. комиссия Рост. обл.; Ростиздат, 1999. 127 с.
7. Историки Ростовского университета : сб. биограф. очерков / сост. Н.А. Казарова, С.А. Кислицын. Ростов н/Д.; Таганрог: ЮФУ, 2017. 283 с.
8. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Донского края. XX век : учебник. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2004. 184 с.
9. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от Земли войска Донского до наших дней) : учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д.: Ростовкнига, 2012. 415 с.
10. Чуев С.В. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Изд. решения, 2020. 624 с.
11. Чуев С.В. Первые лица донской власти. Время реформ (1980–1990 гг.). М.: Гос. ун-т управления, 2024. 101 с.

References

1. Emelyanenko N.Ya., comp. *Comrades-in-Arms of Lenin on the Don: essays*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1980. 144 p. (In Russ.).
2. Barchugova P.V. et al. *Heirs of Prometheus. Essays on professional revolutionaries of the Don*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1977. 208 p. (In Russ.).
3. Demchenko I.D., comp. *People of the Don Land*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1983. 320 p. (In Russ.).
4. Kislitsyn S.A. *Legendary fates of Don history: M. Sholokhov, Yu. Zhdanov, S. Syrtsov*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2012. 548 p. (In Russ.).
5. Kislitsyn S.A. *Red Fronde under the axe of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD). Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin, figures of the Azov-Black Sea Region in political repressions of the second half of the 1930s*. 2nd ed., rev. and exp. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2022. 512 p. (In Russ.).
6. Kozlov A.I., Kozlov A.A., Kislitsyn S.A. et al. *Power on the Don: From the first ataman to the first governor*. Brief Historical Essays. Rostov-on-Don: Electoral Commission of Rostov Region; Rostov Publishing House; 1999. 127 p. (In Russ.).
7. Kazarova N.A., Kislitsyn S.A., comp. *Historians of Rostov University*. Collection of biographical essays. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University; 2017. 283 p. (In Russ.).
8. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *History of the Don Region. 20th century*. Textbook. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2004. 184 p. (In Russ.).
9. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *History of Rostov Region (from the Land of the Don Host to the present day)*. Textbook for universities. Rostov-on-Don: Rostov Book; 2012. 415 p. (In Russ.).
10. Chuev S.V. *Perestroika of 1985-1991 on the Don: personalities, events, historical results*. Moscow: Publishing Solutions; 2020. 624 p. (In Russ.).
11. Chuev S.V. *First persons of Don Power. Time of reforms (1980-1990)*. Moscow: State University of Management; 2024. 101 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.С. Зорько — кандидат политических наук, преподаватель ИВТ — филиала ГМУ.

Information about the author

I.S. Zorko — Candidate of Science (Politics), Lecturer, SIWT - branch of AUSMU.

Рецензия на книгу

<https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-162-166>

**Скорик А.П., Шадрина А.В. Казачество и духовенство:
нарративы и архетипы донской религиозности и казачьей культуры.
Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2025. 616 с.**

Николай Александрович Мининков ^{1✉}, **Петр Сергеевич Чернышев** ²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ namininkov@sfedu.ru [✉]

² pchernyshev@sfedu.ru

Для цитирования: Мининков Н.А., Чернышев П.С. — Скорик А.П., Шадрина А.В. Казачество и духовенство: нарративы и архетипы донской религиозности и казачьей культуры. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2025. 616 с. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2026. № 3. С. 162–166. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-162-166>

Book Review

**Skorik A.P., Shadrina A.V. Cossacks and Clergy: Narratives and Archetypes
of Don Religiosity and Cossack Culture. Novochoerkassk: Platov South-Russian State
Polytechnic University (NPI); 2025. 616 p. (In Russ.).**

Nikolai A. Mininkov ^{1✉}, **Petr S. Chernyshov** ²

^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ namininkov@sfedu.ru [✉]

² pchernyshev@sfedu.ru

For citation: Mininkov N.A., Chernyshov P.S. - Skorik A.P., Shadrina A.V. Cossacks and Clergy: Narratives and Archetypes of Don Religiosity and Cossack Culture. Novochoerkassk: Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI); 2025. 616 p. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2026;(3):162-166. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2026-3-162-166>

Новая монография известных донских историков А.П. Скорика и А.В. Шадриной, посвященная положению на Дону двух сословий в пореформенный период и в начале XX в., исторически тесно связанных между собой, — казачества и духовенства — представляет интерес в двух аспектах. Во-первых, это сам метод исследования широкого комплекса источников по социокультурной истории сословий. Прделанный анализ исторического материала о двух этих сословиях, исторические судьбы которых в течение нескольких веков были тесно переплетены между собой в регионе страны, имеющем существенное историческое и культурное своеобразие, наглядно свидетельствует о значимом месте православной церкви в жизни донского казачества. Специфика казачьей жизни предопределяла тесную связь со священниками, учитывая службу как смысл существования казачества, постоянное участие в походах и боях. Во-вторых, к этим сословиям и их истории в наибольшей степени проявляется интерес на Дону по сравнению с другими сословиями, населявшими Область войска Донского. Поэтому само по себе заявление авторов, что они стремились сочетать задачу строго научного исторического знания с доступным и популярным его изложением, вполне оправдано, и такое сочетание вполне удалось.

Монография состоит из пяти очерков. Первые два посвящены положению казачества и духовенства в последние десятилетия существования Российской империи, которое дается с исключительной обстоятельностью, подчеркиваются особенности управления на Дону. Обращается внимание на переименование Земли войска Донского в Область войска Донского, что имело значение для дальнейшего укрепления на Дону центральной власти [1, с. 22]. В третьем очерке содержатся характеристики культуры донского казачества и повседневной его жизни, в четвертом — дается анализ мона-

стырского гендера на Дону, традиций в мужских и женских монастырях. В пятом очерке исследуется религиозность казачества в советский период и до настоящего времени, а также после завершения существования Российской империи. Такая структура соответствует авторскому замыслу, способствует раскрытию тесной связи между казачеством и духовенством на Дону, религиозности казачества и эволюции этих явлений в зависимости от исторических условий, на которые влияли постепенное нарастание внутренних кризисных событий и постепенное складывание в начале XX в. в стране революционной ситуации, что напрямую затрагивало всю социальную структуру общества, в том числе казачество и духовенство. Само донское казачество рассматривается авторами как субэтнос русского народа. Конечно, речь идет о казаках славянского происхождения, донские казаки-калмыки в данном случае не учитываются. Хронологические рамки монографии весьма широкие. Уделяя особое внимание периоду второй половины XIX — начала XX в., авторы делают экскурсы в ранние периоды донской истории и освещают ход событий в советское время и вплоть до настоящего времени, особенно интересна характеристика религиозности населения в период от завершения Великой Отечественной войны до 80-х гг. XX в.

В первых двух очерках на большом фактическом материале весьма доказательно показывается, насколько уклад традиционной жизни этих двух сословий подвергался в условиях пореформенной модернизации неблагоприятным для них изменениям, которые заключались в усилении имущественного расслоения казачества, низком уровне материального обеспечения значительной части священнослужителей. Об этом свидетельствует тщательный и глубокий анализ основ экономического состояния казачества и духовенства на Дону с использованием данных документальных источников и экономико-статистических обследований. Несоответствие традиционного уклада казачьей жизни новым вызовам было с исключительной наглядностью продемонстрировано в монографии при освещении истории 19-го донского казачьего полка, участвовавшего в войне с Японией. Торжественные проводы полка в окружной ст. Константиновской с молебном в 1904 г. не могли предотвратить неподготовленности к новым условиям ведения войны — применению противником такого технического новшества, как проволока, препятствовавшая действиям кавалерии, что вело к дополнительным потерям у казаков. Тем более что ко времени революционных событий в стране 1917 г. как казачество, так и духовенство утрачивало свою социальную стабильность и переживало процесс внутреннего расслоения на почве разного отношения к происходящему.

Третий очерк интересен тем, что авторы для анализа повседневности донского казачества используют социологические модели. В частности, они пишут, что «выработка научного инструментария для достижения указанной цели требует проведения междисциплинарных исследований, в том числе обращения к исторической социологии и социологии культуры, к концептуализации социовитальных институтов российского казачества» [2, с. 234]. Приведённые слова свидетельствуют о важности междисциплинарного подхода для получения новых данных по истории донского казачества. В эту часть монографии вошли уже ранее опубликованные совместные работы исследователей [3, 4] по той же тематике. Авторы рассматривают социовитальные институты, анализ которых заключается в изучении потребностей общества через материальную сторону быта (идеи, разрабатываемые в виталистской социологии и являющиеся частью «социологии жизни»). Ценность предлагаемого подхода заключается в том, что именно «сознание и поведение людей выдвигаются на первый план» [5, с. 65]. В истории донского казачества авторы выделяют три главных социовитальных института: жилище, пищу и одежду, особенность которых продиктована спецификой казачьей повседневности. Так, жилище было важной составляющей в хозяйственной деятельности казачества, высокая калорийность пищи продиктована участием казаков в военных действиях и активным образом жизни, а одежда, помимо прочего, выполняла защитные функции. Значимым является также и сохранение данных институтов.

Анализ особенностей казачьей повседневности выявил специфику религиозности донцов, причем казаки не сразу стали решительными защитниками Русской православной церкви. Такая мысль в историографии высказывалась и ранее [6], но новизна монографии, как видится, представлена в привлечении новых данных за счёт более подробного рассмотрения истории повседневности, что позволяет сделать новые и подкрепить старые выводы об этом феномене. Вера и религиозное чувство неразрывно связаны с бытом донского казачества, что прослеживается на целом ряде примеров. Долгое время у казаков не было храмовых зданий, но существовали другие центры духовной

жизни, в которых соединялись духовные и материальные начала религиозности. Часто религиозное чувство было продиктовано прагматичностью, что связано со спецификой типа религиозности. Казаки могли забыть про обеты, данные перед Богом, и вспомнить о них только после наказания «от высших сил». Авторы обратили внимание на особенности донской казачьей религиозности, которую отнесли с полным основанием к религиозности воинского типа. Этот вид образовался за счёт существования в тяжёлых обстоятельствах жизни, когда казакам иногда приходилось надеяться только на Бога, что обусловило глубокую веру казаков и способствовало утверждению начал коллективизма в среде донцов — «за други своя». Суть его состояла в воинском братстве, когда «вольные люди» воевали и жили вместе. Другая специфика данного типа религиозности заключалась в восприятии казаками себя как своеобразных защитников православного христианства в рамках сложившейся культурно-исторической зоны конфессионального фронта. Пример такой защиты веры — Азовская эпопея 1637–1642 гг., когда, готовясь к сему предприятию, казаки одной из своих целей ставили отомстить за поруганные православные святыни, что соответствует положениям и выводам, сложившимся в историографии [7, с. 397–398]. Воинский тип религиозности наглядно выражал также принцип относительно автономного порядка богослужения, когда пришедшие на Дон священники были вынуждены вливаться в ряды казачества. Правда, это не отменяло того, что донцы могли использовать бывших представителей духовенства для религиозных обрядов. Для организации церковной жизни важным было основание Монастырского городка, отстранение религиозных дел от войскового круга и подчинение приходов воронежским архиереям.

Авторы подчеркнули обратное влияние специфичной казачьей религиозности на повседневную жизнь казаков, связанную с донскими монастырями, и ее противоречия. Они отметили исторически сложившийся на Дону конфессиональный тип фронта, в рамках которого возникло особое почитание монастырей, которые, по их оценке, давали за пожертвования и вклады гарантию прощения грехов свыше, играли роль богадельни для старых и увечных казаков, обеспечивали сбережение казачьих активов (депозитарная функция) и выдавали кредиты, иногда немалые. Среди этих монастырей выделялись мужские — Борщев Троицкий, Чернеев Никольский, городок-монастырь около Черкаска на Монастырском острове, женские — Воронежский Покровский (девичий), Усть-Медведицкий Преображенский, Старочеркасский Ефремовский. Обращает на себя внимание глубокий анализ формуляра и текста войсковой крепкой грамоты 1741 г., направленной в самую верхнюю по Дону ст. Мигулинскую. Небольшой по объёму официальный войсковой документ содержит немалый массив прямой и скрытой информации, свидетельствующей об особенностях внутреннего управления на Дону на уровне войска в целом и отдельных станиц, положении церкви на Дону и отдельных монастырей. Но особый интерес представляет раскрытие на основе этого источника внутренней жизни казачества и своеобразного поведения казаков, казачек и низшего духовенства, в данном случае в связи с празднованием Троицы и Духова дня. При взаимодействии двух миров, монастырского и казачьего, наглядно проявлялось то, что казаки для церкви представляли собой сложную паству, а в традициях празднования, судя по войсковой крепкой грамоте 1741 г., отражалось нарушение не только казаками, но и монастырским духовенством церковных табу. В этом, по мнению авторов, выразились особенности культуры на Дону с преобладанием православного компонента, устойчивостью демократических традиций и пережитков язычества в массовом сознании. Впрочем, при указании на демократические традиции следует, по-видимому, иметь в виду, что такие традиции на Дону в условиях Российской империи быстро изживались, что особо подчеркивает современный донской историк В.А. Дронов [8, с. 23–28]. Во всяком случае казаки ничего не могли поделать против захватов земель в пределах станичных юртов, которые проводили старшины, обретая статус крупных землевладельцев. То же самое относится к превращению донской верхушки в замкнутую группу, тесно связанную родственными отношениями, — «в касту „чиновников“, оторванных от массы рядовых казаков» [9, с. 139].

Значительное внимание уделено своеобразным формам выражения религиозности на Дону в послевоенный период до 80-х гг. XX в., причем особенно во время новых гонений на церковь и религию, происходивших при Н.С. Хрущеве, а отчасти и позднее. Люди шли не столько в церковь, сколько обращались к культу местных почитаемых лиц, которых ставили наравне со святыми и приписывали сверхъестественную силу, что вело к появлению «народных святых», народному почитанию некоторых особых мест, как правило, источников и криниц, а также икон, которым также

приписывались чудотворные свойства. Такое отношение встречалось и в сельской местности, и в городах Ростовской области, и за ее пределами. Круг почитателей при этом охватывал не только казачество, но и более широкие слои населения.

По мнению авторов, начиная с последних советских лет процесс возрождения казачества на Дону и по всей России проходил в целом успешно, преодолевая определенные трудности. К казачьему движению примкнули разного рода авантюристы и криминальные элементы, что составляло весьма серьезную проблему. Можно добавить, что в некоторых случаях отдельные исследователи подчеркивали отличие между историческим казачеством, существование которого признавали вплоть до завершения Великой Отечественной войны, и казачьим движением конца XX — начала XXI в., которое, например, А. Каппелер называет неказачеством [10, с. 68–70].

Заметно, что авторы стремились к точности при указании мест, где происходили отмеченные в книге события, прежде всего станиц донских казаков и их современного расположения по системе административной принадлежности. Это позволяет читателю более четко ориентироваться в приведенном материале и связывать его с историей конкретных поселений казаков.

Сочетание научного исследования и популярного изложения авторам вполне удалось. Книга должна вызвать интерес донского читателя и всех, кто интересуется донской историей за пределами нашей области. Вместе с тем монография может послужить основой для будущего более подробного освещения тем, анализ которых в работе даётся больше в методологическом ключе, например изучения социовитальных институтов. Возможно, эта книга откроет начало исследованию вопроса взаимоотношений казачества с другими сословиями и этносоциальными группами населения Дона, такими как крестьянство, мещанство, купечество, колонисты, формировавшийся на Дону в конце XIX — начале XX в. рабочий класс.

Список источников

1. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX — нач. XX вв.). Ростов н/Д.: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. 226 с.
2. Скорик А.П., Шадрина А.В. Казачество и духовенство: нарративы и архетипы донской религиозности и казачьей культуры. Новочеркасск: ЮРГИУ (НПИ), 2025. 616 с. EDN: UZOUQL.
3. Скорик А.П., Шадрина А.В. Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества // Вестн. Ин-та социологии. 2024. Т. 15, № 2. С. 61–80. EDN: YXPVDZ. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.2.5>
4. Скорик А.П., Шадрина А.В. Воинский тип религиозности донского казачества: опыт академического эссе // Казаковедение. 2025. Т. 1, № 3. С. 17–39.
5. Курбатов В.И. Нетрадиционные социологические концепции (аналитический разбор). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 166 с.
6. Рыблова М.А. Основные черты культуры раннего казачества // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград: Волгоградский ф-л РАНХиГС, 2014. С. 412–414.
7. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456 с. EDN: QPNLEF.
8. Дронов В.А. 30 мифов о казачестве. Дубовское, 2025. 136 с.
9. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1961. 375 с.
10. Каппелер А. Казачество. История и легенды. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. 106 с.

References

1. Volvenko A.A. *Essays on the history of the Don Cossacks in the late imperial period (second half of the 19th - early 20th centuries)*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics Publishing House; 2017. 226 p. (In Russ.).
2. Skorik A.P., Shadrina A.V. *Cossacks and clergy: narratives and archetypes of Don religiosity and Cossack culture*. Novocherkassk: Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI); 2025. 616 p. (In Russ.). EDN: UZOUQL.

3. Skorik A.P., Shadrina A.V. Socio-vital character of religiosity in the everyday life of the Don Cossacks. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024;15(2):61-80. (In Russ.). EDN: YXPVDZ. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.2.5>
4. Skorik A.P., Shadrina A.V. Military type of religiosity of the Don Cossacks: an academic essay experience. *Cossack Studies*. 2025;1(3):17-39. (In Russ.).
5. Kurbatov V.I. *Non-traditional sociological concepts (analytical review)*. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation; 2014. 166 p. (In Russ.).
6. Ryblova M.A. Main features of the culture of the early Cossacks. *Essays on the history and culture of the Cossacks of the South of Russia*. Volgograd: Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2014:412-414. (In Russ.).
7. Kuts O.Yu. *The Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin (1637-1667)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2009. 456 p. (In Russ.). EDN: QPNLEF.
8. Dronov V.A. *30 myths about the Cossacks*. Dubovskoe, 2025. 136 p. (In Russ.).
9. Pronshtein A.P. *The Don Land in the 18th century*. Rostov-on-Don: Rostov State University Publishing House; 1961. 375 p. (In Russ.).
10. Kappeler A. *The Cossacks. History and legends*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Publishing House; 2014. 106 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.А. Мининков — доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений ЮФУ.

П.С. Чернышев — студент Института истории и международных отношений ЮФУ.

Information about the authors

N.A. Mininkov — Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, SFedU.

P.S. Chernyshov — Student of Institute of History and International Relations, SFedU.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко

Подписано в печать 28.09.2026. Выход в свет 30.09.2026.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 250 экз. Заказ № 10597

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print September 28, 2026. Publication September 30, 2026.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 19.3. Publ. sign 19.7. Edition 250 copies. Order number 10597

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex, SFedU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:

- «Заметки о книгах»;
- «Научная жизнь»;
- «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich. Издание включено в Белый список научных журналов РЦНИ.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках**.
4. Полное название организации **на русском и английском языках**.
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2026-3.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2026. № 3